РФ Кр.
198.031
Р.

Контроль Л/Х-28г.М.М

198.031

В. О. КРИВЕНКО

1-218

ПО ДАГЕСТАНУ

ВДАЛИ ОТЪ РОДНЫХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13
1896

К 81,7

В. С. КРИВЕНКО

ПО ДАГЕСТАНУ

К-81,7

ВДАЛИ ОТЪ РОДНЫХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13
1896

БИБЛИОТЕКА им. Е. Маркса

Б... ...а
Ростов н-Д.
Кр
Р 198.031
им. К. Маркса.

Проверено
1937—38 г.

108

Библиотека им. К. Маркса

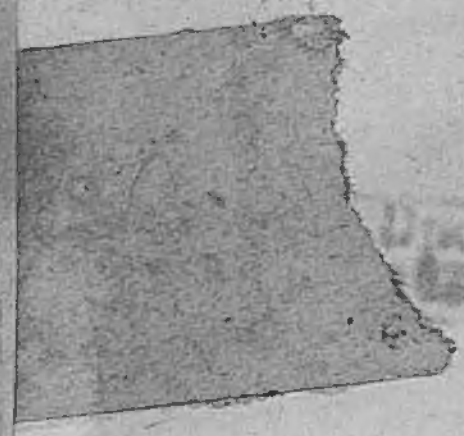
ПО ДАГЕСТАНУ

—

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

В. С. КРИВЕНКО.

Библиотека
Ростов н-Д.
им. К. Маркса.
книгохранилище



ПИСЬМО I.

По дорогѣ на Кавказъ.

— Куда вы ѣдете?
— Въ Дербентъ.
— Это на Кавказѣ? Да?
А въ какомъ мѣстѣ?..

— Да, я ѣду на Кавказъ, ѣду на родину!.. Радостно взглянуть на милыхъ земляковъ, на родныя горы, на синее море, на виноградники и сады.

Для разнообразія я рѣшилъ ѣхать на Царицынъ, Астрахань, Петровскъ, а на обратномъ пути—по желѣзной дорогѣ. До Грязей дорога знакомая, много разъ мною отмѣренная.

На третій день вагонной тряски—Борисоглѣбскій уѣздъ. Черноземныя поля съ зеленѣющими хлѣбами перемежаются перелѣсками. Прежде здѣсь были большіе боры, но это было давно и быльемъ поросло. Край плодородный, край хлѣбниковъ и лошадниковъ.

Въ общемъ салонѣ нашего вагона помѣстился

высокій казачій генералъ въ теплыхъ резиновыхъ калошахъ и три мѣстныхъ представителя: помѣщикъ съ семитическимъ профилемъ, прихорашивающійся докторъ и входящій, видимо, въ силу торговецъ. Всѣ они лошадники и битыхъ три часа помѣщикъ съ докторомъ перебираютъ родословную книгу рысаковъ. Докторъ не прочь избавиться отъ «Босяка», жеребца высокихъ кровей, но у котораго одна нога не въ порядкѣ.

— Не берусь вамъ, знатоку, совѣтовать, а сдается мнѣ, что онъ послѣ павшаго «Степняка» былъ бы у васъ на мѣстѣ, равнодушнѣйшимъ тономъ замѣчаетъ докторъ.

Переговоры ведутся съ полною деликатностью, но думается мнѣ, что заводчикъ и докторъ не прочь околпачить одинъ другого; пріемы только у нихъ болѣе изысканные—не старо-барышническіе.

Въ поѣздѣ, исключая двухъ-трехъ, все народъ безъ особыхъ примѣтъ.

Попадался мнѣ на каждой остановкѣ выцвѣтшій, желтый, тихо двигавшійся персъ. Повсюду онъ требовалъ себѣ борщъ; набрасывался на ложку, точно собирался разгрысть ее, обжигался, бросалъ и голодный уходилъ въ вагонъ до слѣдующаго буфета. Мелькала также передъ глазами худенькая, блѣдная, закутанная въ платокъ дама. Она неизмѣнно приводила въ изумленіе самаго опытнаго лакея. «Графинчикъ водки и чего-нибудь закусить», приказывала она напитымъ басомъ. Подлѣ

нея садилась особа съ кислой улыбкой, она довольствовалась лишь чаемъ съ сухарями и настойчиво спрашивала лакея: «сколько съ меня?»

Въ Борисоглѣбскѣ лошадники вышли. Здѣсь буфетъ. Опять: «графинчикъ водки и закусить что-нибудь»; опять вопросъ кислой барыни: «сколько съ меня?» опять обжегшійся персіянинъ.

Звонокъ, мы трогаемся и скоро уже переносимся въ область Войска Донского. Нашъ спутникъ-генералъ совсѣмъ преобразился. Ни теплыхъ калошъ, ни теплой шинели уже не было видно. Повисшіе внизъ длинные усы приподнялись и распушились. Раньше ему нездоровилось, а теперь стало получше и онъ разговорился съ нами.

— Вы думаете, въ нашей станицѣ скучно? Конечно, не въ столицѣ; но ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ другомъ губернскомъ городѣ. Вотъ еще недавно товарища прокурора, сына сенатора, перевели въ Кіевъ или Одессу, такъ онъ упирался, не хотѣлъ ѣхать. Нѣтъ, у насъ дружно, весело и дешево. У васъ, въ Петербургѣ, на три тысячи въ годъ голодаютъ, а у насъ посмотрѣли бы, какими барами живутъ. Удивляютъ меня отставные, которые остаются тянуть лямку въ Петербургѣ. Вѣдь тамъ—они нищіе, а у насъ, здѣсь на югѣ, были бы сыты. Говорятъ: воспитаніе дѣтей!.. Такъ что же у насъ дѣтей, что ли, нѣтъ! Есть, да не по-вашему, петербургскому; тамъ по-двойкѣ, по-тройкѣ, а у насъ, по чистой совѣсти—отъ восьми и больше. И жи-

вемъ, и дѣти не у всѣхъ дураками растутъ. Нельзя вѣдь все изъ-подъ родительскаго крылышка выглядывать. Да и потомъ природа не могла создавать такіе законы, чтобы изъ-за дѣтей родители обязательно голодали, да дѣтей своихъ, кромѣ латыни, ничѣмъ не кормили. По-нашему, лучше здоровый простой казакъ, чѣмъ труха—да студентъ. А дѣти, вы думаете, очень это цѣнятъ, наши эти хлопоты о воспитаніи.—Какъ же!.. Такіе-то лоботрясы выходятъ съ большими претензіями. Видѣлъ я ихъ, знаю вашу столичную молодежь. Помощи-то отъ нихъ родители не жди.

Прорѣзывая сѣверную полосу области, мы почти не встрѣчали людей, которые, по своему внѣшнему облику, напоминали бы казаковъ. Все это былъ рабочій людъ, при телѣгахъ и плугахъ, запряженныхъ волами. Лошадей видно мало. Зато на одной станціи, на которой вышелъ генералъ, мы увидѣли цѣлый лагерь въ 10 казачьихъ полковъ. Сюда были собраны льготные казаки на мѣсячный сборъ. Лагерь, составленный изъ разнокалиберныхъ палатокъ, выглядываетъ настоящимъ казачьимъ становищемъ. На сѣно и овесъ при этихъ сборахъ, какъ намъ говорили, отпуска не полагается, лошади должны быть на подножномъ корму. Однако, запасливые казаки подвезли фуражъ изъ дому и себя не забыли.

Недостатокъ лошадей ощущается уже и на Дону, въ этомъ громадномъ депо для ремонта всей на-

шей кавалеріи. Плугъ и овца—вотъ два врага коневодства. Правительство дѣлаетъ усилія, чтобы поддержать конскую отрасль сельской промышленности; но тревожные признаки упадка верхового коневодства сказываются сильнѣе и сильнѣе.

Въ Задонской степи около 800 тыс. десятинъ отведено, подъ такъ-называемые «зимовники», въ льготное пользованіе казаковъ-коннозаводчиковъ. Участки отдаются пространствомъ въ 2,400 десятинъ съ платой по три копѣйки съ десятины и обязательствомъ имѣть въ табунѣ не менѣе 175 головъ. Земли тутъ прежде дѣйствительно были дешевы, но съ теченіемъ времени, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, врядъ ли долго удержатся такія сказочныя арендныя цѣны.

Теперь надежды возлагаются на дальній Востокъ, на непочатыя киргизскія степи, гдѣ бродятъ табуны низкорослыхъ, но крѣпкихъ лошадей. Поднять ихъ ростъ приливомъ высшей крови и болѣе обезпеченнымъ зимнимъ кормомъ — вотъ задача лицъ, желающихъ вызвать киргизскую лошадь въ кавалерійскій ремонтъ.

Темнѣетъ. Поѣздъ, наконецъ, останавливается. Мы въ Царицынѣ. Въ вокзалѣ виднѣются объявленія пароходныхъ обществъ. Среди шумно двигающихся пассажировъ слышны толки о пароходахъ, о Волгѣ. Желѣзнодорожный агентъ, къ которому мы обратились съ вопросомъ о гостинницѣ, совѣтовалъ намъ ѣхать прямо на пристань и тамъ

въ «конторкѣ» переночевать. Это насъ мало соблазняло. Любезный молодой человѣкъ назвалъ намъ тогда лучшую, по его мнѣнію, гостинницу, при чемъ увѣрялъ, что это всего два шага отъ вокзала и потому не стоитъ даже брать извозчика. Мы не послушались его и поторопились заручиться экипажемъ, такъ какъ ихъ недоставало для всѣхъ пріѣхавшихъ съ поѣздомъ.

Сверхъ ожиданія мы нашли довольно удобный номеръ въ гостинницѣ съ вполнѣ чистыми постелями.

На утро я вышелъ побродить по городу. Пыль столбомъ ходила по большой площади, обстроенной торговыми заведеніями. Царицынъ расползся по правому берегу Волги, расползся безъ плана и системы. Внѣшностью онъ не манитъ къ себѣ, но чувствуется тутъ присутствіе жизни, кипучей дѣятельности. Въ скоромъ будущемъ, съ проведеніемъ Тихорѣцко-Царицынской линіи, для него открывается еще болѣе обширное поприще передаточнаго пункта волжскихъ грузовъ къ Черному морю.

По улицамъ вездѣ виднѣются афиши съ рекламами о спектакляхъ разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ знаменитостей.

По набережной размѣстились конторки различныхъ пароходныхъ обществъ, на Волгѣ столпились караваны судовъ и то тамъ, то здѣсь попыхиваютъ пароходы и гулко-жалобнымъ свистомъ

даютъ знать городу о своемъ нетерпѣніи стоять на мѣстѣ. У пристаней толкотня, снуютъ возы съ грузомъ, торговцы сарептскими пряниками и всякими сладостями неотступно приглашаютъ купить свой товаръ. Билетъ 1-го класса до Петровска стоитъ 22 рубля. По сравненіи съ современнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ это слишкомъ дорого, хотя сюда входитъ и морской переѣздъ со столомъ.

Я не зналъ, что за четверть часа до назначеннаго для отправленія парохода времени, онъ отходитъ отъ пристани и даетъ мѣсто идущему изъ Астрахани, а самъ, сдѣлавши кругъ по рѣкѣ, пристаетъ къ борту товарища для окончательной догрузки.

Къ моему удивленію, пароходъ загудѣлъ и сталъ отдѣляться отъ пристани, я стремглавъ бросился къ конторкѣ и сталъ взывать къ своему петербургскому спутнику, находившемуся на пароходѣ. Онъ замѣтилъ меня и въ свою очередь устремился съ свойственной ему энергіей къ капитану. Скоро все объяснилось, но я, не предупрежденный заранѣе, все-таки пережилъ непріятную минуту и нѣкоторое время чувствовалъ себя неловко подъ насмѣшливыми взглядами волжанъ, привыкшихъ къ обычнымъ маневрамъ пароходовъ.

Скоро «Николай Новосельскій» окончательно отошелъ отъ пристани и покатился внизъ, оставляя за собой растянувшійся по берегу Царицынъ.

Мнѣ говорили, что нижній участокъ Волги—скучное мѣсто. Можетъ быть; но только не весной. Теперь рѣка была въ своей полной мощи, и новыя силы ежечасно прибывали сверху. Снѣжинки, растаявшія гдѣ нибудь на дальнемъ уральскомъ кряжѣ или въ глухихъ костромскихъ лѣсахъ, сдружились съ другими каплями и, ласково журча, перекатывались изъ ничтожнаго ручейка все въ большія и большія рѣки, пока не соединились въ общій гигантскій потокъ и теперь гордо несутся къ морю. Сѣдой Каспій поджидаетъ и манитъ ихъ къ себѣ; а тамъ постепенно охватываетъ соляными волнами, пока, наконецъ, совсѣмъ ими не завладѣетъ. И милыя, граціозныя, нѣжныя когда-то снѣжинки, очерствѣвъ и озлобившись на все живое, сердито вздымаются и бурунами ходятъ по морю.

Волга широко разлилась, захвативъ своими весенними водами громадное пространство. Картинно выступаютъ изъ воды многочисленные низенькіе острова, на которыхъ кой-гдѣ прилѣплены шалаши и избенки рыбаковъ и пастуховъ. Затопленные лѣса, растущіе прямо изъ воды, выдвигаются навстрѣчу, точно волшебные сады. Таинственные проливы, извиваясь среди зелени, то суживаются, то расплываются въ цѣлыя озера.

Пройдетъ мѣсяцъ и вода сильно начнетъ сбывать, а послѣ обнаружатся мели и перекаты. Какъ больно, что такая неисчерпаемая, казалось бы,

масса воды пропадаетъ безвозвратно, оставляя въ понизовьѣ громадныя безводныя пространства. Гдѣ тотъ инженеръ, который соорудитъ для постояннаго питанія рѣки-кормилицы Меридовы озера? Кто направитъ, наконецъ, Волгу-матушку по постоянному глубокому ложу? Кто сдѣлаетъ изъ нея гигантскій водопроводъ для перекачиванія излишка воды Ладожскаго и Онежскаго озеръ на юго-востокъ, въ степи, страдающія отъ засухъ?

Вѣрится, что все это осуществится; но — когда?..

«Николай Новосельскій» дѣлаетъ свой послѣдній рейсъ. По словамъ пароходной прислуги, онъ уже давно выстроенъ и устарѣлъ; теперь же идетъ на эллингъ для передѣлки на баржу. Пароходъ вздрагиваетъ и скрипитъ по всѣмъ швамъ, но, не уменьшая хода, стремится внизъ. Вода высока и потому мели не страшны. Незамѣтный на берегу вѣтерокъ на ходу рѣзко бьетъ въ носъ парохода и заставляетъ сторониться этого мѣста и направляться на корму.

Здѣсь сгруппировалось не мало пассажировъ. Высокій, худой, совсѣмъ юный послушникъ читаетъ житіе святыхъ. Симпатичный молодой человѣкъ, видимо, желаетъ сосредоточиться, но голубые глаза его нѣтъ, нѣтъ и вскинутся на волжскую ширь, на клокочущій волнистый слѣдъ парохода и на окружающихъ... Къ нему подсѣлъ скуластый, загорѣлый семинаристъ и лицо послуш-

ника пріятно засвѣтилось улыбкой. У нихъ пошли разговоры о деревенскомъ и семинарскомъ житьѣ-бытьѣ. Двѣ недурненькія дѣвицы, несмотря на сердитыя замѣчанія матери, все время высовывавшей голову изъ общей дамской каюты, неустанно кружили по пароходу и задорно поглядывали на пассажировъ. Маленькаго роста студентъ и долговязый, съ намѣренно лихо заломленной шапкой, недоросль въ косовороткѣ, видимо, заинтересовались дамами; они также принялись описывать встрѣчные круги. Два-три изъ мелкихъ промышленниковъ потребовали себѣ водки, по цѣлой селедкѣ и кипятку. Чай, сахаръ и даже хлѣбъ у нихъ свой. На столъ они не станутъ расходовать много денегъ. Лишь бы быть сытымъ, а тамъ все равно чѣмъ. Расплачиваясь, они вытягиваютъ изъ боковыхъ кармановъ громадные, туго набитые кредитками бумажники съ такимъ видомъ, точно хотятъ всѣмъ показать, что если захотятъ, такъ и всякіе разносолы потребуютъ.

Народъ неразговорчивый. Обратился я къ одному съ нѣсколькими вопросами о разливѣ Волги, о виднѣвшихся на островахъ хуторахъ, о цѣнѣ на рыбу, онъ еле-еле отвѣтилъ, а затѣмъ поднялся и скрылся въ каюту третьяго класса. Вся его фигура говорила:

— Вотъ навязался какой слѣдователь!

Еще въ вагонѣ мы мечтали о стерляжьей ухѣ. Теперь она была тутъ на-лицо, передъ нами. Мой

спутникъ, аппетитно причмокивая, наполнялъ свою тарелку янтарной жидкостью, а я наслаждался свѣжей икрой. На пароходѣ кормятъ очень недурно и, не замѣчая, тутъ съѣдаешь далеко больше того, что надо для поддержанія бренной жизни. Кромѣ меня и моего энергичнаго спутника, за завтракомъ оказался еще очень разговорчивый, представительный еврей, агентъ страхового общества. Онъ разъѣзжаетъ по востоку Россіи и вербуетъ потребителей, доказывая желательность и необходимость страховать жизнь. Не видя другихъ жертвъ, агентъ усиленно занялся нами и старался наводить разговоръ на всякія жизненныя случайности, подтверждавшія его совѣтъ о необходимости страхованія.

Къ обѣду, когда охрипшій агентъ считалъ, видимо, насъ уже своими кліентами, я ему замѣтилъ, что страховое общество, представителемъ котораго онъ состоитъ, несомнѣнно лопнетъ.

— Наше общество?!.. Х—вое общество?!.. запѣлъ онъ совсѣмъ дискантомъ.—Видѣли вы нашъ домъ на набережной? Видѣли? А видѣли на Вознесенскомъ? Намъ принадлежитъ полъ-Петербурга. Пусть вся Россія сгоритъ и весь народъ перемретъ, а мы не обанкротимся.

— Да, развѣ вся Россія перемретъ—тогда не обанкротитесь, а то—гибель неминуемая.

— Вы такъ-себѣ, нарочно говорите. Шутите. Порочите солидное общество.

Онъ обидѣлся, но не уходилъ отъ насъ.

— Я вѣрю въ современную состоятельность вашего общества; но вѣрю также и въ то, что страховое дѣло, особенно въ Россіи, это дѣло правительства. Оно одно можетъ вселить во всѣхъ увѣренность въ полную обезпеченность возврата премій. Стоитъ только правительству открыть дѣйствія своихъ страховыхъ кассъ—и всѣ, за исключеніемъ уже затянувшихся, отвернутся отъ васъ. Государству незачѣмъ заниматься перестраховываніемъ за границей и потому оно можетъ довольствоваться меньшимъ процентомъ. Всѣхъ служащихъ своихъ, по особому льготному тарифу, оно обяжетъ застраховаться у себя и тѣмъ, впослѣдствіи, избавится отъ современныхъ пенсій.

— Вы изъ вѣрнаго источника имѣете эти свѣдѣнія? тревожно заговорилъ агентъ.

— Мой источникъ—собственное мое убѣжденіе.

— А-а! Нѣтъ, это невозможно. Правительство, все правительство! Казна не можетъ заниматься коммерціей, казна можетъ подати собирать, но страховыя операціи дѣлать ей невозможно. Это не чиновничье дѣло.

— Какія тамъ операціи? Дѣло простое. Хитростей и оборотливости никакихъ не надо. У офицера, у чиновника, у всякаго, получающаго казенное жалованье, вычтутъ извѣстный процентъ, Въ этомъ отношеніи маленькое насиліе не грѣшно. А хочешь, въ предвидѣніи будущихъ благъ, больше

платить—возьмутъ и больше. Неслужащіе могутъ обращаться за страхованіемъ и къ священнику, и къ исправнику, и къ земскому начальнику, становому, въ почтовое отдѣленіе и другимъ лицамъ, которымъ страховое управленіе довѣритъ агентуру за добавочное вознагражденіе. Это будетъ грандіозное и плодотворное предпріятіе. Вотъ тогда-то и слѣда не останется отъ вашихъ теперешнихъ обществъ, такъ какъ конкурировать съ казеннымъ соперникомъ никому не подъ-силу.

— Думать по-вашему, такъ придется чиновника посадить въ булочную и въ зеленную. Съ такой политикой и государство разорится, и коммерція въ трубу полетитъ.

— Видите, правительство, конечно, не можетъ заниматься торговыми и фабричными операціями; но такія предпріятія, какъ банковское дѣло, со всякаго рода ссудными операціями, желѣзнодорожное дѣло и вотъ ваше страховое дѣло, — все это должно быть въ рукахъ казны. То же самое, хотя и по другимъ нѣсколько мотивамъ, — и съ водочной монополіей. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда объ этомъ поднимали вопросъ, на насъ смотрѣли, какъ на одержимыхъ, на бредящихъ; все это тогда казалось неосуществимымъ, крайне вреднымъ; а теперь на многое изъ этого уже иначе смотрятъ. Придетъ моментъ и вывѣска съ дома вашего общества перейдетъ въ кладовыя старьевщика.

— Никогда! Это немыслимо!

— Позвольте докончить. Что же касается разоренія коммерсантовъ, то, конечно, чужому горю радоваться не слѣдуетъ; но нельзя забывать, что во всѣхъ этихъ коммерціяхъ русскій человѣкъ играетъ крайне ничтожную роль, главнымъ же образомъ орудуютъ и сливки получаютъ инородцы. Мы, русскіе, неспособны къ разнымъ «операціямъ», у насъ не хватаетъ ни умѣнья, ни энергіи на обдѣлываніе частныхъ дѣлъ; а въ то же время мы, русскіе, сумѣли выработать мощное государство съ незыблемымъ сильнымъ правительствомъ. Оно-то, государство, и есть наше спасеніе, подъ его кровъ мы должны прибѣгать и для веденія «операцій», если не желаемъ быть въ полномъ экономическомъ рабствѣ у иноземцевъ и инородцевъ.

— Вы, кажется, племенной вопросъ хотите поднимать? Удивляюсь вамъ!

— Не племенной, а жизненный. Надо бороться за существованіе. Вы сильны личной энергіей, а мы въ одиночку не справляемся съ собственными большими экономическими предпріятіями; въ компаніяхъ и товариществахъ играемъ второстепенную роль; въ качествѣ же правительственныхъ агентовъ можемъ работать хорошо, можемъ проявлять и энергію, и настойчивость. Да, ужъ такой мы странный народъ. Не передѣлать.

Въ живомъ разговорѣ мы и не замѣтили, какъ спустилась надъ Волгой ночная пелена, а на небѣ

засвѣтились ясныя звѣздочки. Мы вышли на палубу. На носовой части парохода, несмотря на дувшій здѣсь вѣтеръ, пріютилась группа двухъ встрѣтившихся, наконецъ, парочекъ. Должно быть, мать веселыхъ дѣвицъ заснула и не укараулила своихъ озарницъ. Онѣ оживленно ворковали и не обращали уже на проходившихъ пассажировъ ни малѣйшаго вниманія. Нашли желанное...

На кормѣ два торговца сидѣли передъ подносомъ съ чайниками и громко прихлебывали изъ блюдечекъ чаекъ.

Послушникъ, растянувшись на скамейкѣ, уставился глазами въ твердь небесную и сладко замечтался. Изъ второго класса слышалось вполголоса пѣніе «Нелюдимо наше море», а снизу неслись раскаты дружнаго хохота и завываніе гармоники.

Вдали виднѣлись огоньки стоящихъ на якорѣ барокъ и мелькали разноцвѣтные фонари поднимавшихся вверхъ пароходовъ. Съ судовъ долетали иногда перекликанія доморощенныхъ матросовъ, обладавшихъ сильными голосами и малою деликатностью въ своихъ рѣчахъ...

То на одномъ островкѣ, то на другомъ загорались костры и манили туда, туда, въ таинственный архипелагъ. Нашъ пароходъ пыхтѣлъ, дрожалъ и несся все дальше и дальше...

Я спустился въ салонъ. Мой спутникъ жарко бесѣдовалъ съ агентомъ о событіяхъ въ Китаѣ,

Госуд... им. К. Маркса

о займѣ, о нашей морской торговлѣ и, кстати, и страхованіи судовъ.

Я увѣренъ, что агентъ все-таки не оставилъ своей мысли убѣдить насъ застраховаться. Богъ съ нимъ! Мы разстались съ нимъ вполнѣ дружелюбно. Пора спать.

Уютно выглядываетъ залитая электрическимъ свѣтомъ просторная каюта. Вода, разсѣкаемая пароходомъ, мѣрно журчитъ, хлюпаетъ и навѣваетъ дремоту. Еле донесся до меня сигнальный звонокъ. Пароходъ уменьшилъ ходъ и сильнѣе задрожалъ. Опять звонокъ, опять тихое хлюпанье воды и легкое, баюкающее качаніе. Хорошо спится въ каютѣ!..

На утро уже показались вдали очертанія Астрахани, съ цѣлой ратью всевозможныхъ судовъ, выстроившихся на волжскомъ просторѣ у европейско-азіатскаго торжища.

На пристани кишитъ самый разнообразный, разноплеменный народъ.

Къ сожалѣнію, некогда осматривать Астрахань. Приходится перебираться на передаточный пароходъ «Кавосъ», который ходитъ только «на 12 футъ».

Тамъ опять пересадка на суда большаго размѣра.

Какъ затрудняетъ эта перегрузка торговое движеніе! Было бы въ высшей степени желательно, подобно петербургскому каналу, углубить и здѣсь фарватеръ для того, чтобы морскія суда могли под-

ходить прямо къ Астрахани. Тогда жизнь здѣсь забьетъ еще сильнѣе.

Встрѣчающіяся суда нагружены или нефтью, или рыбой. Цѣлыя горы воблы передвигаются вверхъ съ тѣмъ, чтобы разойтись вмѣстѣ съ астраханской сельдью по всей Россіи, какъ незамѣнимый вкусовой добавокъ къ неказистой пищѣ нашего рабочаго люда. — Двадцать милліоновъ пудовъ рыбы ежегодно вывозится изъ Астраханской губерніи! Чтобы извлечь изъ воды и посолить такую массу рыбы, на ватаги собираются десятки тысячъ народу. Сотни тысячъ рублей затрачиваются нѣкоторыми фирмами на заготовленіе снаряженія къ ловлѣ безгласныхъ животныхъ, которыхъ весною любовный періодъ неудержимо влечетъ въ Волгу. Рыбопромышленники прибѣгаютъ къ такимъ усовершенствованнымъ способамъ ловли, что рыбѣ, вошедшей въ рѣку, нѣтъ пощады рѣдкая избѣгнетъ злой участи.

Это систематическое, хищническое рыболовство уже сказалось на количествѣ рыбы.

Неоцѣненныя богатства Каспійскаго моря начинаютъ оскудѣвать замѣтно, и если правила, выработанныя правительствомъ за послѣднее время, будутъ нарушаться рыбопромышленниками, то въ скоромъ времени одному изъ драгоцѣннѣйшихъ въ мірѣ промысловъ грозитъ полное обезрыбленіе. Есть предположеніе, что уменьшеніе улова этого года есть послѣдствіе мѣръ, принятыхъ ми-

нистерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Дай Богъ! Говорятъ, что въ то же время рыба появилась въ значительно большемъ количествѣ въ верховыхъ промыслахъ. Прежде ее всю почти вылавливали въ самомъ нижнемъ обрѣзѣ Волги.

Подумаешь, какъ странно складываются обстоятельства... Тысячелѣтія плодилась и ловилась въ изобиліи рыба, а въ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ человѣчество, усовершенствовавшись, выловило чуть не всю рыбу въ Каспіи.—Тысячелѣтія шумѣли густые боры по всей Россіи, а въ какихъ-нибудь двадцать пять, тридцать лѣтъ свели ихъ на-голо. Сотни лѣтъ мирно почивали по усадьбамъ помѣщики и не помышляли о завтрашнемъ днѣ, а въ какія-нибудь тридцать разбрелись они изъ своихъ дворянскихъ гнѣздъ и разсыпались повсюду въ безпокойныхъ поискахъ заработка.

Да, за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, жизнь обитателей земли, прежде тихо катившаяся по чуть замѣтному склону, вдругъ стремительно сорвалась и бѣшено, водопадомъ, кинулась съ отвѣсной скалы. И намъ довелось жить не въ былое время, а попасть въ самый водопадъ. Оно и жутко, и интересно...

Астраханцы плачутся на оскудѣніе рыбы. Одна фирма, вмѣсто ожидаемыхъ 40 милліоновъ сельдей, выловила лишь всего 2 милліона. Зато солепромышленники не знаютъ, куда дѣвать соль.

Природа предусмотрительно заготовила недалеко отъ рыбной ловли и громадные запасы соли. Астраханская губернія, помимо своего мѣстнаго употребленія, ежегодно отпускала внутрь Россіи до 20 милліоновъ пудовъ соли. За послѣдніе годы вывозъ упалъ до 15 милліоновъ. Кто виноватъ? Солепромышленники корятъ недостаточно покровительственные желѣзнодорожные тарифы и бездорожье. Надѣются, что съ проведеніемъ желѣзной дороги по лѣвой сторонѣ Волги, отъ пункта, противоположнаго Царицыну, до Астрахани, съ вѣтвью на Эльтонъ, вывозъ снова увеличится. Люди знающіе говорятъ, что причина очень простая и естественная—конкуренція донецкой соли, ежегодный отпускъ которой за послѣднія десять лѣтъ выросъ до 12 милліоновъ пудовъ. Что касается желѣзной дороги, то нѣтъ такой линіи, которая была бы вредна, — конечно, если она исправна. Не знаю, принесетъ ли проектируемый путь ожидаемое отъ него сильное развитіе оборотовъ. Теперь есть новое предположеніе о проведеніи линіи по правой, болѣе пустынной сторонѣ. Думаю, самое неотложное для Астраханской губерніи сооруженіе—это морской каналъ, а затѣмъ уже рельсовый путь и другія работы.

«Кавосъ» ходко бѣжитъ внизъ. На небольшомъ пароходѣ многолюднѣе, чѣмъ на «Новосельскомъ». Третій классъ вплотную набитъ нижними чинами и двумястами переселенокъ въ Закаспійскій край.

Онѣ переселяются къ своимъ мужьямъ, состоящимъ на службѣ въ далекой окраинѣ. Это все молодыя и по большей части красивыя женщины. Многіе изъ солдатъ ѣдутъ также со своими молодухами. За долгій переходъ Волгой, на казенномъ денежномъ довольствіи, безъ работы, молодежь отдохнула и рада поскалить зубы. Когда-то еще придется столько погулять?!.. Весело смотрѣть на ихъ здоровыя, краснощекія лица, на славныхъ ребятишекъ, шныряющихъ среди вороховъ всякаго домашняго скарба. Одна изъ переселенокъ, видимо, городская, въ платьѣ съ пуфами и вязаной косыночкѣ на головѣ, жеманно сторонится отъ своихъ товарокъ. Подлѣ нея увивается не то писарь, не то денщикъ, и напѣваетъ ей что-то на ухо. Она дѣлаетъ глазки и, гримасничая, отворачивается отъ него. Ухаживанье другихъ солдатъ за деревенскими красавицами имѣетъ болѣе реальный характеръ; въ отвѣтъ они получаютъ здоровые тумаки и веселоругливые оклики.

Женщины боятся предстоящаго морского путешествія.

— Ой, дѣвушки, боюсь!

— Ничего, не утопнешь, ишь какая гладкая! Пузыремъ по водѣ пойдешь! замѣчастъ худенькій, смуглый солдатъ.

— Не ты кормилъ, тарань ты сушеная. И куда лѣзешь?!.. Руки коротки!

Слышится шлепокъ и взрывъ хохота. Всѣ до-

вольны. Неизбѣжная гармоника, проводникъ музыкальныхъ мыслей современной деревни, наигрываетъ какую-то кадриль. Двѣ-три бабы, пригорюнившись, упорно глядятъ въ даль, на родимую сторонку. Взгрустнулось ли имъ по старикамъ-родителямъ, по покинутой деревнѣ или, можетъ-быть, тяжко ѣхать къ постылому мужу, и сердце разрывается по миломъ...

Въ первомъ и во второмъ классѣ также прибавилось нѣсколько пассажировъ. Тутъ ѣдетъ офицеръ и врачъ, сопровождающіе партію переселенцевъ; ѣдутъ на свои ватаги рыбопромышленники. Нѣсколько новыхъ лицъ сгруппировалось подлѣ восточнаго человѣка съ роскошными волосами. Онъ все время жестикулируетъ и горловые звуки плавно, безъ запинки, льются ручьемъ. Ораторъ съ горячностью доказывалъ высокому, худощавому бородачу въ соломенной шляпѣ и буркѣ, что не слѣдуетъ заниматься переселеніемъ русскихъ на южныя окраины имперіи. Земли и для туземцевъ не хватаетъ, а тутъ лѣзутъ пришлые, чужіе. Пусть себѣ населяютъ Сибирь—тамъ много мѣста.

Бородачъ, улыбаясь, смотрѣлъ на красивую фигуру восточнаго человѣка и одобрительно качалъ головою. Всѣ остальные съ интересомъ внимали и, видимо, подчинялись энергичному напору. Только одинъ отставной офицеръ-старичекъ сильно заволновался. Лицо его побагровѣло и онъ, обрываясь, заговорилъ.

— Да кто же своею кровью земли эти полилъ? Кто далъ возможность теперь туземцамъ мирно заниматься своимъ дѣломъ? Кто?! Кто?! Мы-съ, батюшка, русскіе; отцы, дѣды и прадѣды вотъ этихъ самыхъ переселенцевъ.

Однако, симпатіи космополитической группы были не на сторонѣ подполковника и онъ отошелъ ко мнѣ.

— Не знаете ли, куда устроятъ этихъ переселенцевъ? спросилъ я его.

— Что-жъ, солдаты будутъ служить въ своихъ частяхъ, а бабъ разберутъ въ прислугу. Тамъ большой спросъ на нянекъ, мамокъ, прачекъ, горничныхъ. Сейчасъ пойдутъ по рукамъ.

— А не лучше ли было бы сдѣлать ихъ дѣйствительно поселенцами — казаками? Вѣдь тогда они корни бы настоящіе пустили въ краѣ, получили бы осѣдлость и не смотрѣли бы волками на благодатную окраину, замѣтилъ я подполковнику.

— Въ старину, батюшка, такъ и дѣлали. Въ старину на Кавказѣ, бывало, пришлыхъ все въ казаки приписывали и, ничего, хорошо выходило. Только вѣдь теперь и есть на Кавказѣ настоящаго русскаго, что казачьи земли, а остальное все еще пока чужое. Великое дѣло для Россіи казакъ...

«Кавосъ» миновалъ ватаги, миновалъ косу и послѣ восьмичасового хода вышелъ, наконецъ, на

рейдъ, «на 12 футовъ»*), и подошелъ къ большому почтовому каспійскому пароходу, стоявшему на якорѣ у плавучей пристани. Здѣсь около сотни бронзовыхъ отъ загара персидскихъ носильщиковъ проводятъ молча въ бездѣйствіи цѣлые часы. Но вотъ раздается команда русскаго матроса къ выгрузкѣ или нагрузкѣ, и персы бѣгомъ бросаются за тяжестями, смѣются, гогочутъ и быстро тащутъ на своихъ выносливыхъ плечахъ большіе грузы.

Переселенцы остались пока на «Кавосѣ». За сравнительно короткій переѣздъ въ духотѣ и тѣснотѣ ихъ значительно разморило. Одну поселенку уже укачало. Подлѣ нея копошится малютка-дѣвочка и ноютъ товарки, незнакомыя еще съ проявленіями морской болѣзни.

Нашъ пароходъ досадно долго ждетъ разрѣшительныхъ къ отходу бумагъ и снимается съ якоря лишь въ девятомъ часу вечера. Переселенцы успѣли уже перебраться на «Князя Барятинскаго» и выйти въ море.

На большомъ пароходѣ въ первомъ классѣ настолько мало пассажировъ, что каждый можетъ располагать отдѣльной каютой. Капитанъ сначала не хотѣлъ открывать всѣ каюты, но мой энергичный спутникъ совершенно резонно замѣтилъ, что до Петровска въ открытомъ морѣ врядъ ли найдемъ новыхъ пассажировъ, а ночью онъ хра-

*) Т. е. на то мѣсто гдѣ глубина рейда достигаетъ 12 футовъ и куда подходятъ морскія суда.

пить жестоко и боится, какъ бы не только сосѣдъ по койкѣ, но и самый пароходъ не испугался его посвиста.

Неподвижное лицо командира сложилось въ кислую улыбку и онъ распорядился открыть двери.

Капитанъ на пароходѣ шведъ; агентъ, пріѣзжавшій къ намъ «на 12 футовъ», также шведъ. Вообще на здѣшнихъ пароходахъ много шведовъ, даже горничная и та—чухонская дѣвушка. Все это народъ почтенный и, должно быть, хорошо знающій свое дѣло, но для русскаго самолюбія это мало утѣшительно. Нѣтъ, не морская мы страна!.. Недавно и матросы на почтовыхъ пароходахъ были не русскіе, а персы; теперь, снимая и закрѣпляя канатъ, по судну лазили въ разнообразныхъ костюмахъ люди несомнѣнно россійскаго происхожденія.

Нашъ пароходъ, наконецъ, снялся съ якоря и пошелъ заднимъ ходомъ, выбираясь съ рейда, огороженнаго цѣлымъ частоколомъ разнообразныхъ мачтъ. Наконецъ, звонокъ. «Ходъ впередъ!» Слава Тебѣ, Господи!

Погода прекрасная. Едва замѣтная зыбь еле подбрасываетъ нашъ пароходъ. Сверху темно-голубой гигантскій шатеръ роскошно усѣянъ яркими звѣздами, а изъ пучины морской выплываетъ волшебная луна и электрическимъ свѣтомъ заливаетъ необозримое водное пространство. Хорошо!..

На палубѣ появляется восточный человѣкъ, по-

прежнему съ непокрытой головой, и его свита. Онъ не то запѣлъ, не то задекламировалъ:

— «Можете ли вы, сѣверяне, понять прелесть этой ночи! Эти раскаленныя звѣзды, эта чудная луна, это море! Тутъ нужна кисть Айвазовскаго, Куинджи, Лагоріо, а не Ивановыхъ и Петровыхъ».

Слушатели молча внимали восточному оратору. Вѣдь русскіе любятъ, когда ихъ бранятъ иноземцы, даже и сами отъ себя не прочь прибавить; впрочемъ, типы у нѣкоторыхъ изъ свиты были далеко не славянскіе. Хорошо и то, думалось мнѣ, что говорятъ хотя по-русски. Господство языка— это уже большой шагъ впередъ.

Единственная пассажирка перваго класса—выродившійся въ новую разновидность типъ стриженной дѣвицы, немилосердно палила папиросы и вела бесѣду съ степеннымъ на видъ московскимъ агентомъ новаго нефтяного общества. Иногда легкимъ вѣтеркомъ слова доносились до меня.

— Кто же теперь читаетъ Михайловскаго, вѣдь онъ обносился, отсталъ. Какъ его хорошо отдѣлали въ... Вотъ тамъ истинно передовыя головы сидятъ.

Навстрѣчу намъ, точно на большой дорогѣ, двигаются грузовыя суда. Вотъ, вотъ совсѣмъ близко засвѣтятся на мачтахъ фонари, и черезъ минуту уже еле мелькаютъ вдали, а на горизонтѣ появляется новая шхуна, новые огоньки.

Палуба постепенно опустѣла. Только неумолкаемый восточный человѣкъ, размахивая руками, маячилъ еще на самой кормѣ и за нимъ двигался послушный шестъ въ соломенной шляпѣ. Въ столовой москвичъ игралъ въ шахматы съ стриженной барышней. Разсужденія о сочиненіяхъ передовыхъ головъ ей вѣроятно надоѣли и она, путая шахматные ходы, фальшиво напѣвала опереточный вальсъ. Къ нимъ было подсѣлъ отужинавшій шведъ-капитанъ и глубокомысленно сталъ слѣдить за игрой. Дѣвица взметнула на него гнѣвно глазами и язвительно спросила:

— Неужели это васъ интересуетъ?

Капитанъ, видимо, не ожидалъ такого обращенія и моментально снялся съ якоря. Не желая стѣснять оригинальную парочку, я направился въ свою каюту.

Изъ № 5 вырвался богатырскій храпъ—мой спутникъ сдержалъ слово.

Въ каютѣ какой-то особый, корабельный запахъ. У изголовья виситъ пробковый поясъ—непріятное напоминаніе объ опасности. Точно страховая будка въ вокзалѣ. Пароходъ начинаетъ покачивать сильнѣе, что-то гдѣ-то дребезжитъ и звенитъ. Слышится топотъ бѣгающихъ матросовъ.— Нѣтъ, это не на Волгѣ... Впрочемъ, и здѣсь не дурно. Спокойной ночи!

ПИСЬМО II.

По Дагестану.

«И дики тѣхъ ущелій племена;
«Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война».
Лермонтовъ.

14-го мая 1895 г.

Мы ѣдемъ на Меркуріевскомъ пароходѣ. Астрахань и «Двѣнадцать футъ» уже далеко за нами. Море спокойно и за «Адмираломъ Корниловымъ» тянется нескончаемой лентой бѣлая бороздка, рѣзко выдѣляющаяся среди тихо плескающейся зеленовато-голубой морской поверхности. Но пройдетъ еще нѣсколько минутъ, и наслѣженная пароходомъ тропа исчезнетъ, исчезнетъ навсегда... Сколько флотилій пронеслось по гребнямъ Каспійскихъ волнъ и не оставили никакого слѣда на нихъ! Все также онѣ юны, также капризны.

Русскія ладьи появились въ морѣ Хвалынскомъ еще въ X столѣтіи, въ то время, когда предки наши ходили въ древнюю Агованію воевать бога-

тую столицу Берду. Въ XIII вѣкѣ носились на немъ суда генуэзцевъ, стремившихся захватить въ свои руки міровую торговлю.

Видѣлъ Каспій въ XVI столѣтіи у себя и англійскій флагъ, но его преслѣдовали неудачи и съ крушеніемъ въ 1581 году Христофора Борро больше уже онъ здѣсь не развивался. Налеталъ на Каспійское побережье съ своими ушкунниками удалой Стенька Разинъ. Проносились тутъ персидскіе и средне-азіатскіе пираты. Пускалъ и вездѣ поспѣвавшій Петръ Великій свою наскоро сколоченную флотилію галеръ и кораблей.

Да, много видѣлъ за свой долгій вѣкъ сѣдой Каспій.

Вотъ, наконецъ, бороздимъ пароходомъ море и мы,—мирные путешественники.

Какъ техника судостроенія ни совершенствуется, а для Каспія всѣ и древнія и новѣйшія суда представляются ничтожными скорлупами, съ которыми онъ нянчится, пока ему это хочется. Стоитъ же морю надуться, разгнѣваться, и тяжко приходится мореходцамъ. Надо признаться, что здѣсь и человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ стихіей далеко не во-всеоружіи знанія и опыта...

Въ Каспійскомъ морѣ мы теперь полные хозяева. Персія не можетъ заводить своей флотиліи. Охраняетъ наши права Каспійскій морской полу-экипажъ. Отдѣленный отъ всѣхъ своихъ собратьевъ, запертый въ закрытомъ морѣ, онъ со

стороны кажется отрѣзаннымъ ломтемъ. Думается, что прибрежные казаки-уральцы, удалые пловцы и рыболовы, могли бы успѣшно выполнить задачу бакинскаго полу-экипажа.

На Каспійскомъ морѣ отъ военныхъ судовъ не требуется ни брони, ни сильной артиллеріи; а слѣдовательно, они, еще болѣе, чѣмъ крейсеры добровольнаго флота, могутъ служить и мирнымъ цѣлямъ. Желательно пользоваться въ большихъ размѣрахъ услугами военной флотиліи, хотя бы для перевозки войскъ и въ большихъ размѣрахъ казенныхъ грузовъ.

Солнце начинаетъ сильнѣе пригрѣвать. Вдали виднѣется плоскій берегъ. Отъ Чечени до Апшеронскаго мыса море не дѣлаетъ сколько нибудь замѣтныхъ излучинъ на радость гимназистамъ, чертящимъ карты, и на горе прибрежныхъ жителей, лишенныхъ естественныхъ гаваней.

Навстрѣчу намъ попадается мало судовъ, такъ какъ мы, держа курсъ на Петровскъ, отошли отъ прямой линіи Астрахань—Баку, по которой снуютъ наливные пароходы съ нефтью, предназначенной для перевозки по Волгѣ. На горизонтѣ бѣлѣютъ паруса рыболовныхъ косовыхъ; а тамъ, далеко за морской синевой, начинаютъ вырисовываться отроги Кавказскихъ горъ. То обрамленный Сулакомъ и Самуромъ Дагестанъ поднимаетъ къ небу свои вершины.

Среди обитаемыхъ человѣчествомъ областей тру-

дно найти, не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ, болѣе пересѣченную мѣстность, чѣмъ этотъ дикій край. «Страна горъ» приняла когда-то подъ свою охрану остатки первыхъ обитателей равнинъ, сопредѣльныхъ съ Кавказскимъ хребтомъ. Туда, въ непроходимыя ущелья и на неприступныя скалы спасались, какъ отъ наводненія, предки дагестанцевъ, скрываясь отъ волнъ стихійнаго переселенія народовъ. Здѣсь, въ суровой обстановкѣ, всегда на стражѣ, всегда въ безпокойствѣ за неприкосновенность своего домашняго очага сгруппировались различныя національности и выработали неустрашимыхъ бойцовъ за свободу, людей вольныхъ,—узденей.

Непроходимыя горы, сохранившія когда-то дагестанцевъ отъ истребленія, не дали возможности слиться имъ въ одно государство, и населеніе Дагестана до сихъ поръ представляетъ собою смѣсь языковъ и совершенно обособившихся нарѣчій. Лишь въ Дербентѣ персы образовали особое ханство, да потомки древнихъ аваровъ сгруппировались въ желѣзное кольцо около наслѣдственнаго главы—Нуцала. Остальные дагестанцы не желали знать надъ собой никакой власти, кромѣ родовой, аульной.

Христіанство, успѣвшее дать такіе роскошные ростки въ Закавказьѣ, въ Арменіи и Грузіи, не укрѣпилось въ горахъ Дагестана. Закавказскіе и греческіе проповѣдники заходили сюда; но, не под-

держанные властью и силой, не могли сдѣлать многаго. Быть можетъ, Христово ученіе впослѣдствіи и пустило бы здѣсь корни, если бы не явился воинствующій исламъ. Религіи распространяются не тихой проповѣдью, а огнемъ и мечемъ...

Арабы, во время своего величія, пронесясь вихремъ по юго-западу Азіи, достигли и до Дагестана. Покрывъ зеленымъ знаменемъ здѣшнія горы они оставили послѣ себя слѣдъ и въ административномъ отношеніи. Въ главномъ лакскомъ (лезгинскомъ) аулѣ Кумухѣ, названномъ ими въ награду за поддержку распространенія магометанства Гази или Кази Кумухомъ, назначенъ былъ правитель съ титуломъ Шамхала и Валія Дагестана. Этимъ владѣтелямъ, однако, не понравилось въ суровомъ Кумухѣ; они перенесли свою резиденцію на плоскость, къ Каспійскому морю, въ Тарки, и съ теченіемъ времени потеряли значеніе для лезгинъ. Кумухцы призвали къ себѣ княжить дальняго родственника Шамхала, который и былъ родоначальникомъ династіи Хохлавчи, страшныхъ впослѣдствіи Кумухскихъ хановъ.

Въ Южномъ Дагестанѣ въ Кайтагѣ и Табасарани арабы приставили къ власти въ первомъ Уцмія, а второй—Максума, которые и укрѣпили ее за своими потомками. Впрочемъ, послѣдніе не пользовались вліяніемъ въ горной части своихъ владѣній, и потому они сползли поближе къ плоскости, оставивъ болѣе свободолюбивыхъ сопле-

менниковъ управляться выборными кадіями и старшинами.

Впослѣдствіи часть кумыхскихъ и аварскихъ ауловъ отложилась отъ своихъ владѣльцевъ и соединилась подъ властью Мехти, отъ имени котораго получило названіе маленькое Мехтулинское ханство.

Въ отрогахъ Дагестанскихъ горъ, спускающихся къ Алазани, образовалось небольшое владѣніе—Елисуйскихъ «султановъ».

Перечисленные владѣльцы далеко не охватывали своею властью всего народонаселенія Дагестана. Нѣкоторые изъ «вольныхъ» ауловъ составляли отдѣльные союзы, какъ, напримѣръ, Акушадаргуа, Анкратль и Андаляль.

Когда великія народныя передвиженія окончились и въ сосѣднихъ областяхъ осѣли не особенно сильныя народности, то и дагестанскіе горцы, съ громаднымъ трудомъ добывавшіе себѣ хлѣбъ насущный въ безплодныхъ, суровыхъ ущельяхъ, не безъ зависти стали поглядывать на относительное довольство сосѣдей. Часть дагестанцевъ сползла постепенно въ чеченскіе лѣса; а многіе скатились поближе къ роскошной Кахетіи. Казалось, ближе всего было бы горцамъ сдвинуться цѣлой лавиной въ прикаспійскую плоскость; но привычка къ холодному горному воздуху останавливала ихъ отъ этого переселенія, и тамъ, въ жаркой полосѣ, устроились:—кумыки, адербейджанцы и персидскіе евреи.

Большинство же дагестанцевъ за многовѣковой періодъ пребыванія въ Дагестанѣ такъ сроднились съ горами, такъ полюбили свой непривѣтливый край, что ни за что не желали мѣнять его на плодородныя пажити и лишь время отъ времени срывались въ долины Алазани, Куры, Аракса и Терека—и тогда наводили ужасъ на жителей.

«Они повсюду страхъ приносятъ,
Украсть, отнять имъ все равно.
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено».

Лермонтовъ.

Кровожадность при расправѣ съ врагами, мстительность и хищничество не исключали въ кавказскихъ горцахъ хорошихъ сторонъ. Да и могъ ли Великій Вседержитель сотворить народъ спеціально съ дурными наклонностями!

Храбрость, отзывчивость къ вопросамъ чести, родственная любовь, уваженіе къ старшимъ—дѣлали изъ горца рыцаря далекаго стараго времени, когда культъ поклоненія дамамъ не пустилъ еще глубокіе корни. Конечно, магометанство и романическое отношеніе къ женщинѣ—понятія несовмѣстимыя, но у горцевъ нельзя было отрицать и этихъ чувствъ. У насъ сложилось въ этомъ отношеніи неточное представленіе о горскомъ міровоззрѣніи. Въ пѣсняхъ чеченца и дагестанца восхваляется не только острый булатъ и лихой наѣздникъ, но и ясныя очи, волнистыя кудри, ко-

ралловыя губки и стройный станъ возлюбленной. Никакъ не вѣрится, чтобы горянки, вдохновившія Пушкина и Лермонтова къ созданію «Кавказскаго плѣнника» и «Беллы», могли служить лишь наложницами и вьючными животными.

Женская честь, ея сохранность дороги въ горахъ настолько же родителямъ или мужу, какъ и всѣмъ родственникамъ, всему тухуму. Прелюбодѣяніе наказывалось жестоко. Ежегодно сотни труповъ свидѣтельствовали о проявленіяхъ ревности и желаніи охранить въ чистотѣ супружеское ложе. Мстителями за поруганную честь являлись мужья, братья, сыновья и другіе родственники. Бывали случаи, что двѣнадцатилѣтніе мальчики поднимали оружіе и убивали оскорбителей материнской чести.

Чувство собственнаго достоинства такъ сильно развито у горцевъ, что иногда незначительный, казалось бы, промахъ въ ихъ этикетѣ, физическая неловкость и случайный неприличный поступокъ доводятъ ихъ до полнаго отчаянія, и нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ горцы предпочитали погибнуть отъ собственной руки, чѣмъ краснѣть передъ знакомыми. При всей своей дикости, горцы несомнѣнно обладаютъ такими симпатичными качествами, которыя привлекали къ нимъ многихъ образованныхъ и родовитыхъ изъ русскихъ. Они сводили съ ними куначество и старались во многомъ имъ подражать, копируя ихъ

костюмъ, поступь, манеры и даже внутреннюю жизнь.

Въ XV столѣтіи русскіе, поселившіеся на гребняхъ и на нижнемъ Терекѣ, начали входить въ общеніе съ кавказскими горцами, вступали даже съ ними въ родственныя связи и, такъ какъ не пытались попирать чужія права, то жили съ сосѣдями въ полномъ ладу. Разгромъ волжскихъ татаръ и вообще ростъ московскаго могущества заставилъ не только адигейскія племена (черкесовъ), но даже и Валія Дагестана, Шамхала Тарковскаго, признать въ 1559 году власть надъ собою московскихъ царей. Однако, это было лишь призрачное подданство и, когда въ 1605 году двигался черезъ Дагестанъ на помощь Грузіи семитысячный нашъ отрядъ подъ командою воеводъ Бутурлина и Плещеева*), то вѣрноподданный Шамхалъ, «Шевкалъ», по русскимъ грамотамъ, поголовно уничтожилъ всю эту несчастную рать, забравшуюся въ невѣдомыя ей мѣста. Болѣе важныя дѣла заняли вскорѣ Россію у себя, внутри государства, и кавказскіе горцы не скоро еще послѣ этого познакомились съ силою русскаго оружія.

Наши войска, въ видѣ грозной силы, появляются въ Дагестанѣ лишь въ 1722 году при Петрѣ Великомъ, который собралъ громадныя по

*) Соловьевъ. «Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. VIII, стр. 42.

тому времени средства для войны съ Персіей. Великій Императоръ двинулъ на Кавказъ 22 т. пѣхоты, 9 т. конницы, 20 т. казаковъ, столько же калмыковъ, 30 т. татаръ и снарядилъ флотилію съ 5 т. матросовъ *). Кавалерія шла сухопутьемъ, а пѣхоту перевезли на судахъ, не отличавшихся особой солидностью. 27-го іюля, на девятый день послѣ отбытія изъ Астрахани, Петръ прибылъ въ мелководный Аграханскій заливъ, гдѣ и высадился съ большими затрудненіями.

Здѣсь когда-то было поселеніе бѣглыхъ старовѣровъ, донскихъ казаковъ. Имъ пришлось, однако, столкнуться съ кумыками и вступить въ непріязненныя отношенія, заставившія казаковъ покинуть Аграхань. Петръ Великій повелѣлъ устроить въ Аграхани укрѣпленный пунктъ «Св. Креста» и переселить сюда терскихъ казаковъ. Неблагопріятныя санитарныя условія скоро уложили на кладбище многихъ казаковъ, а затѣмъ и укрѣпленіе было закрыто.

Шамхалъ поспѣшилъ навстрѣчу сѣверному властелину и выразилъ полную покорность. Главныя силы двинулись къ Дербенту въ самое знойное въ этомъ краѣ время, когда подножный кормъ сожженъ уже солнцемъ. «Маршъ сей хотя недалекъ, пишетъ Петръ Сенату,—только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жа-

*) Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. XVIII, стр. 47—48.

ровъ». Дербентскій ханъ послѣдовалъ примѣру Шамхала и безъ боя отворилъ свои крѣпостныя ворота. Не вездѣ, однако, пришлось петровскимъ войскамъ мирнымъ путемъ занимать позиціи. Гроза нашей Терской линіи, большой непокорный аулъ Андреевъ былъ обращенъ въ пепелъ. Кромѣ того, «Салтанъ Махмутъ Утемышскій», по словамъ Петра I-го, «ничѣмъ къ намъ не отозвался», а затѣмъ «изволилъ сей господинъ нечаянно насъ атаковать». Кончилось это печально для «Салтана»: «сдѣлали изъ его владѣнія фейерверкъ, для утѣхи имъ, а именно сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, пятьсотъ дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли шесть».

Не добромъ отозвались на дагестанскихъ жителяхъ первые шаги нашего воинства по Дагестану. Вскорѣ послѣднимъ готовилось еще горшее испытаніе.

Послѣ смерти Петра Шамхалъ отложился отъ Россіи. Приводить къ покорности «Шевкала въ продерзостяхъ слабаго» приходили генералы Шереметевъ и Кропотовъ и сожгли 6,100 домовъ*). Таково было начало нашихъ сношеній съ народностями пылкими и мстительными.

«Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба; но вѣрнѣе—мщенье;
Тамъ за добро—добро, а кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь».

ЛЕРМОНТОВЪ.

*) Соловьевъ. «Ист. Россіи», т. XIX, стр. 8.

Мы же силой судьбы увлеклись впослѣдствіи ясе большими и большими кровавыми расправами и добились того, что

«Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей».

Конечно, горцы не оставались у насъ въ долгу.

Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Петра всѣ его обширныя завоеванія въ Персіи, завоеванія, вводившія въ наши предѣлы даже все южное побережье Каспійскаго моря, были уступлены Императрицею Анной Іоанновной Надиръ-Шаху, подъ протекторатъ котораго, выражаясь современнымъ дипломатическимъ языкомъ, вошелъ и Дагестанъ.

Проходитъ шестьдесятъ лѣтъ, и наши войска вновь появляются на Кавказскомъ и Прикаспійскомъ побережьяхъ. Екатерина Великая рѣшила двинуть въ Закавказье армію подъ командой графа Зубова. «Предметы и назначеніе корпуса сего», какъ писала графу Зубову Императрица,—«освобожденіе Грузіи и подкрѣпленіе царя грузинскаго, Меликовъ армянскихъ въ Карабагѣ и Ибрагимъ-Хана Шушанскаго, твердо и мужественно сопротивляющагося Агѣ-Магомедъ-Хану, и другихъ угнетенныхъ и намъ благонамѣренныхъ хановъ, ищущихъ освободиться отъ лютой власти мучителя»...

Въ высшей степени замѣчательно наставленіе Императрицы относительно образа дѣйствій, которыхъ нужно держаться по отношенію къ даге-

станскимъ горцамъ *). «Не входя въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и не касаясь жительства и собственности ихъ, старайтесь предуспѣть сохранить ихъ въ спокойствѣ, презирая неважные грабежи, противъ коихъ полезнѣе умножить собственныя предосторожности и оными наказать дерзающихъ, чѣмъ отмщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбудить противъ себя взаимное отмщеніе цѣлаго народа и трудными походами въ ущелины терять людей напрасно, тратить время и одерживать побѣды безполезныя и умножать тѣмъ озлобленіе, привлекать на себя не хищные набѣги, но совокупныя и сильныя нападки лишенныхъ жилищъ и собственностей и соединенныхъ общимъ отчаяніемъ и лишеніемъ».

Къ великому горю Россіи Екатерининскій завѣтъ былъ потомъ, въ XIX столѣтіи, забытъ. Наши войска въ теченіе шестидесяти лѣтъ входили въ горы этихъ хищныхъ народовъ и возбудили взаимное отмщеніе...

Шамхалъ Тарковскій, Уцмій Кара-Кайтахскій и Кадій Табасаранскій съ приближеніемъ корпуса графа Зубова засвидѣтельствовали ему свою покорность; но Дербентскій ханъ сдалъ городъ лишь

---

*) Н. Дубровинъ «Исторія зав. и влад. русск. на Кавк.», т. III, стр. 26. Интересующіеся подробностями Петровскихъ и Екатерининскихъ походовъ съ интересомъ прочтутъ цѣнный трудъ Н. Дубровина.

послѣ недѣльнаго сопротивленія. Во главѣ городской депутаціи, вышедшей поклониться побѣдителю, стоялъ съ крѣпостными ключами столѣтній старикъ, подносившій еще ключи Петру Великому. Шейхъ-Али-Ханъ Дербентскій явился передъ графомъ Зубовымъ съ личиной полной раскаянія въ своемъ упрямствѣ. Вскорѣ, однако, оказалось, что на него, какъ и вообще ни на одного хана, не слѣдовало полагаться.

Русскіе порядки не могли быть по душѣ этимъ азіатскимъ владѣльцамъ, не признававшимъ общественной пользы, а потакавшимъ лишь самымъ разнузданнымъ страстямъ; не знавшимъ удержу ни въ кровопійствѣ, ни въ насильничествѣ. Призрачный персидскій протекторатъ позволялъ имъ жить, не стѣсняя себя нисколько, во всю ширь ихъ деспотической натуры, и потому русская держава и была для нихъ невыносима. Смерть Екатерины II пріостановила побѣдоносное движеніе графа Зубова, и войска были возвращены на линію.

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I безповоротно рѣшено было твердою ногою стать въ Закавказьѣ. Дагестанъ фиктивно вошелъ также въ наши предѣлы. Однако для осуществленія своего права пришлось шестьдесятъ лѣтъ проливать рѣки крови, съ тѣмъ, чтобы обезсиленный страшными потерями край наконецъ склонился передъ нами, но не смирился окончательно.

Въ началѣ текущаго столѣтія главныя стычки съ горцами сосредоточились въ Южномъ Дагестанѣ; затѣмъ наше наступательное движеніе вызываетъ все большее и большее сопротивленіе въ Сѣверномъ и Среднемъ Дагестанѣ.

Знаменитый Ермоловъ внесъ плачъ и скрежетъ зубовный въ дагестанскіе аулы. «Размножай страхъ и ужасъ между злодѣями, писалъ онъ своему сподвижнику князю Мадатову, ты хорошо знаешь татаръ *)». Разорительный для горцевъ походъ князя Мадатова въ Табасарань приводитъ Ермолова въ восторгъ: «Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю тебя съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣло и окончилъ славно». Разоренія и потокъ продолжались. Бурная энергія кавказскаго цезаря сломила на время упорство дагестанцевъ. Ермоловъ въ 1820 году доносилъ Императору: «Довершено начатое въ прошломъ году покореніе Дагестана, и страна сія, гордая, воинственная и въ первый разъ покорствующая, пала къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества» **). Увѣренность Ермолова въ покореніи Дагестана должна была скоро поколебаться. Не такъ легко можно было окончательно овладѣть этой крѣпостью. На смѣну убитыхъ выставлялись новые ряды упорныхъ бойцовъ. Изъ развалинъ

*) Н. Дубровинъ, т. VI, стр. 369.
**) Н. Дубровинъ, т. VI, стр. 442.

выростали новыя башни. Нужно было еще много лѣтъ безпрерывной рѣзни, чтобы заставить примолкнуть Дагестанъ. Но только примолкнуть, а не покориться...

Почти пророческими явились слѣдующія слова Мустафы-Хана-Ширванскаго: «Неужели русскіе полагаютъ, что Дагестанъ имъ покорится и что они могутъ имъ владѣть! Русскіе не знаютъ дагестанскаго народа и того, что скорѣе они обезсилятъ и сами себя истребятъ, нежели покорятъ Дагестанскія горы и ущелья».

Ежегодно тысячи людей гибли и у насъ, и у неутомимаго непріятеля. Наши отряды громили аулы, не щадили жителей, угоняли скотъ, уносили горское добро; но если случай благопріятствовалъ горцамъ, то и они не оставались въ долгу. Не разъ приходилось нашимъ маленькимъ гарнизонамъ дѣлаться жертвой разъяренныхъ враговъ. Много славныхъ бойцовъ погибло въ неравной борьбѣ, защищая какой-нибудь заброшенный въ глуши редутъ или постовое укрѣпленіе. Немало ихъ замучено въ плѣну, погибло подъ кручей, на кольяхъ и въ клоповникахъ...

Собственно со времени походовъ Ермолова въ Чечню и Дагестанъ и открывается та «Кавказская война», которая прославила русское оружіе и стоила неимовѣрныхъ жертвъ государству.

Затянулась многолѣтняя борьба, ознаменовавшаяся съ обѣихъ сторонъ примѣрами величайшаго

героизма. Разноплеменный, бѣдный и некультурный гарнизонъ, не имѣя общаго руководителя, неистово храбро сражался съ могущественнѣйшей державой и въ своемъ нищенскомъ районѣ находилъ всѣ средства для сопротивленія и нанесенія громаднаго урона сильному противнику.

Осада и защита величайшей въ мірѣ крѣпости—Кавказа безпримѣрна въ исторіи. Есть чѣмъ гордиться, но больше еще причинъ къ горькому сожалѣнію о потраченныхъ дорогихъ силахъ.

Быть можетъ, лучше было бы держаться завѣта Екатерины II не входить «въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ» и стараться лишь охранять свои границы. Но выдержать такое оборонительное положеніе было тяжело...

Русскимъ начальникамъ хотѣлось разорить гнѣздо, и казалось такъ просто это сдѣлать...

Отрядъ ходилъ въ горы и если не погибалъ, то разорялъ аулы, и... уходилъ обратно, во всякомъ случаѣ съ значительными потерями. Вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточеніе у горцевъ росло, аулы вновь устраивались и укрѣплялись, служа приманкой для новаго движенія нашихъ войскъ.

Ермоловъ говорилъ, что штурмомъ кавказскую крѣпость взять нельзя, а надо ее лишь обложить. Но вѣрная оцѣнка положенія не могла удержать его воинственный пылъ. Желаніе покорить «воровъ» и «мошенниковъ» постоянно влекло того же самаго полководца въ чеченскіе лѣса и даге-

станскія горы. Экспедиція слѣдовала за экспедиціей. Все это было далеко отъ обложенія и требовало все новыхъ и новыхъ жертвъ.

«Отъ Урала до Дуная до большой рѣки
Колыхаясь и сверкая движутся полки».

Такими словами рисуетъ незабвенный поэтъ Кавказа движеніе нашихъ войскъ, и дѣйствительно ежегодно изъ Россіи тянулись вереницы новыхъ частей или рекрутъ на подкрѣпленіе таявшаго корпуса; но некомплектъ былъ постоянный.

Нельзя не преклониться предъ мужествомъ и пренебреженіемъ ко всякимъ лишеніямъ горцевъ, но такой же похвалы достойны и наши бѣдные солдаты! Оторванные отъ семьи на двадцать пять лѣтъ, они заранѣе должны были сродниться съ мыслью, что съ «погибельнаго Кавказа» возврата нѣтъ. Если не кинжалъ, не шашка, не вражеская пуля, то злая лихорадка, голодъ и жажда сведутъ его на громадное кладбище русскихъ воиновъ на Кавказѣ. Въ чемъ протекала жизнь солдата? Походы, походы безконечные, мучительные. Изъ жаркихъ долинъ приходилось подниматься на снѣговыя горы, таща на рукахъ артиллерію и обозъ. Перестрѣлки съ непріятелемъ, штурмы завалovъ и ауловъ, штыковая работа—бой на смерть...

А проведеніе дорогъ?!.. Приходилось дѣлать громадныя просѣки, работать мотыгой, киркой и лопатой, взрывать порохомъ и знать, что за скалой или кустомъ притаился врагъ, который ждетъ лишь

удобный моментъ, чтобы напасть на невѣрнаго. Мѣсяцы и годы проходятъ въ кочеваніи по горамъ и лѣсамъ. Наступаетъ время возвращенія на постоянную стоянку, въ штабъ-квартиру. На долго ли?! Да и что за отрада солдату. Низкая казарма,— чуть не землянка. Кромѣ солдатъ, обывателей русскихъ почти никого, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немногіе изъ солдатъ выписали женъ и образовали, такъ называемыя, «солдатскія женатыя слободки». Но много ли такихъ семействъ?.. Впереди ничего... Однако заброшенный за три-девять земель, въ тяжелой повседневно боевой обстановкѣ, солдатъ не падаетъ духомъ. Вѣрно служилъ онъ отечеству и, пренебрегая несокрушимыми для другого трудностями, поднялъ на вершину славнаго памятника русскаго воинства — исторіи кавказской войны—незабвенный типъ кавказскаго солдата.

Тяжелыя жертвы принесла наша доблестная кавказская армія, но русское сердце не горитъ ненавистью къ кавказскому горцу, защищавшему свою родину, свою свободу. Героями дрались наши прадѣды, дѣды, отцы и братья; но и противникъ былъ у нихъ народъ, завоевавшій своею храбростью вниманіе всего свѣта. Честь и слава обоимъ!

Въ началѣ этого столѣтія побѣда надъ горцами давалась русскимъ войскамъ сравнительно легко. Разрозненность горскихъ племенъ, постоянно враждовавшихъ между собою; новизна столкновенія

съ регулярными войсками, непривычный артилерійскій огонь, ружейные залпы,—все это помогало русскимъ брать верхъ надъ плохо, частью еще луками вооруженными дагестанцами. Но сравнительно въ короткое время горцы присмотрѣлись къ солдатскимъ мундирамъ, пріучились къ стройнымъ атакамъ, прислушались къ пушечной пальбѣ и научились дѣлать отличныя ружья. Не доставало лишь спайки для соединенія всѣхъ разрозненныхъ частей Дагестана въ одно грозное ополченіе. Такимъ цементомъ явилось мусульманство. Ученіе Магомета нашло себѣ ярыхъ поборниковъ среди Дагестана именно съ того времени, когда не мусульмане, русскіе, явились ихъ постояннымъ политическимъ непріятелемъ.

Религіозный фанатизмъ раздувался своеобразнымъ примѣненіемъ ученія Тариката. Религія заповѣдала воздержаніе отъ всякихъ излишествъ, ссоръ, убійствъ, разбоя, войны; умерщвленіе всякихъ дурныхъ похотей и стремленіе лишь къ созерцанію Бога. Послѣдователи Тариката носили наименованіе мюридовъ, которые должны были являться поборниками стремленія къ свѣту и истинѣ. На Кавказѣ мюридизмъ принялъ особый, воинственный характеръ. Истинные правовѣрные должны стремиться распространять ученіе Магомета, а слѣдовательно они не могутъ быть подвластны невѣрнымъ и прежде всего должны озаботиться сверженіемъ иновѣрческаго ига, а потомъ уже вы-

полнять другія заповѣди. Такой выводъ о неизбѣжности войны за вѣру, призывъ къ газавату былъ понятенъ и любъ дикимъ горцамъ. Вся сущность ученія Тариката представлялась имъ въ богоугодномъ пролитіи крови невѣрныхъ; къ тому же эти невѣрные притѣсняли ихъ, разоряли аулы, выгоняли на работы и вмѣшивались въ ихъ внутренній порядокъ.

Мюриды являлись своего рода орденомъ магометанства. Какъ меченосцы, забывая непоколебимые завѣты великаго учителя, насаждали христіанство среди Литвы и прибалтійскихъ жителей огнемъ и мечемъ, такъ и мюриды шли по тому же пути, кинжаломъ и пулей стремились оповѣстить ученіе о воздержаніи...

Суровые мюриды были враги аристократіи. Свирѣпый Наибъ-Кибитъ-Магома, чтобы показать приверженность къ мюридизму, въ одинъ день истребилъ всѣхъ телитлинскихъ бековъ. Тридцать три бека съ женами и дѣтьми были имъ сожжены*)!..

Возставали мюриды и противъ роскоши, веселья и всякихъ удовольствій.

Для мюридовъ опасности не существовало, и они безстрашно бросались на сильнѣйшаго противника.

Въ Дагестанѣ первый начинаетъ призывъ къ

---

*) Гаджи-Али, «Сказанія очевидца о Шамилѣ», стр. 15—17.

газавату яроглорскій мулла Магометъ*); но наиболѣе яркими представителями властнаго мюридизма являются Кази-мулла, а особенно послѣдній имамъ Шамиль.

Кази-мулла своими вдохновенными проповѣдями распалялъ и безъ того пылкія дагестанскія сердца. Смерть ханамъ, смерть бекамъ и наслѣдственнымъ старшинамъ! На землѣ должно существовать равенство, и повиноваться можно только духовному лицу. Подъ знамя Кази-муллы стекались недовольные прежнимъ строемъ, и онъ вихремъ проносился по Дагестану, Чечнѣ, блокировалъ русскія укрѣпленія, ворвался въ Кизляръ и, наконецъ, въ виду появленія сильнаго отряда подъ командою корпуснаго командира барона Розена, заперся въ Гимрахъ. При взятіи этого аула погибъ Кази-мулла.

Покойному имаму не удалось овладѣть резиденціею аварскихъ хановъ, державшихся враждебно по отношенію къ мюридизму. Преемникъ Кази-муллы Гамзатъ-бекъ путемъ коварства добился желаннаго и истребилъ потомковъ древнихъ нуцаловъ, но и самъ погибъ за это. Въ мечети на него набросились нѣсколько аварцевъ и изрубили въ куски.

Въ 1834 г. новымъ и самымъ знаменитымъ имамомъ былъ выбранъ гимринскій уроженецъ, мюридъ Шамиль. Избіенія аристократіи продолжались.

---

*) Н. Дубровинъ, т. VI, стр. 503.

Вліяніе имама скоро стало распространяться среди дагестанцевъ и чеченцевъ. Резиденцію свою онъ основалъ на развалинахъ разрушеннаго русскими аула Ахульго и здѣсь укрѣпился. Весною 1839 года командиръ кавказскаго отдѣльнаго корпуса генералъ Головинъ предпринималъ большую экспедицію для усмиренія Дагестана. Генералъ-адъютанту Граббе досталась тяжелая задача разорить шамилевское гнѣздо—Ахульго *).

Одиннадцать недѣль русскія войска дрались подъ стѣнами этого упорнаго аула. Убитыми и ранеными изъ строя выбыло 117 офицеровъ и 2.800 **) нижнихъ чиновъ. Взяли стѣны, но огня мусульманства не потушили. Шамиль успѣлъ укрыться съ семьей въ пещерѣ и избѣгъ плѣна.

Генералъ Граббе писалъ: «дѣлу конецъ, хотя бы Шамиль успѣлъ скрыться, нѣтъ ему больше вѣры въ горахъ (. . . .), мюриды, оставленные своимъ главою, погибли одинъ за другимъ, одинъ возлѣ другого». Сильно ошибался генералъ. Шамиль вновь появляется, и появляется съ мюридами, и заставляетъ признать горцевъ свою власть.

Собственно мюридовъ у Шамиля было около шести сотъ человѣкъ, но каждый изъ нихъ по безотвѣтной и какой-то озвѣрѣлой храбрости стоилъ

*) Нашъ маститый историкъ графъ Д. А. Милютинъ, участникъ этой экспедиціи, составилъ замѣчательное описаніе осады Ахульго.

**) Е. Вейденбаумъ, стр. 178.

десятковъ обыкновенныхъ воиновъ. Во время экспедицій мюриды распредѣлялись въ ополченія, руководили дѣйствіями и фанатизировали своихъ подчиненныхъ.

Съ развитіемъ мюридизма духовенство выступило на первый планъ. Старые обычаи и адаты должны были уступить мѣсто предписаніямъ Корана. Шамиль воспользовался этимъ подъемомъ духовной власти и, въ качествѣ главы дагестанскаго и чеченскаго мусульманства, имамъ пріучалъ населеніе видѣть въ себѣ верховнаго руководителя всѣми дѣйствіями населенія. Онъ ввелъ административное дѣленіе, поставивъ своихъ наибовъ, опредѣлилъ подати и способъ отбыванія воинской повинности. Завелъ постоянное войско и стремился организовать артиллерію. Повсюду шныряли шамилевскіе эмиссары, поднимая и мирныхъ жителей противъ Россіи. Колеблющіеся жестоко платились за это: свои же единовѣрцы ихъ разоряли и силой заставляли браться за оружіе противъ гяуровъ. Бѣднымъ пограничнымъ ауламъ приходилось тяжело. Имъ грозила кара и отъ русскихъ, и отъ Шамиля.

Жизнь дагестанцевъ переполнена была лишеніями: родные аулы разоряли по нѣскольку разъ, посѣвы сбивались своими и русскими войсками, угоняли скотъ, растаскивали послѣднее имущество. Населеніе страшно ожесточилось и лѣзло на штыки. Болѣе терять было нечего, жизнь стано-

вилась не въ моготу, а павшему въ бою съ «невѣрными» обѣщанъ былъ мусульманскій рай. Лермонтовъ чутьемъ великаго художника понялъ это наэлектризованное состояніе горцевъ и такъ картинно его изобразилъ:

«Онъ улыбался умирая!
Онъ вѣрно зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радушнымъ вѣнцомъ...»

(«Хаджи-Абрекъ»).

Много жизней и денегъ положила Россія на борьбу съ имамомъ. Неустанно онъ и его мюриды формировали скопища противъ насъ, тревожили наши отряды повсюду и старались перекинуть свое вліяніе и на Западный Кавказъ.

Начало сороковыхъ годовъ особенно памятно для Дагестана. Счастье Шамиля было въ зенитѣ. Рукою истинно замѣчательнаго организатора онъ всполошилъ весь мусульманскій Кавказъ.

Долгая, упорная борьба завершилась въ 1859 году 25-го августа плѣненіемъ Шамиля на Гунибѣ и заявленіемъ покорности дагестанцевъ. Вспышки въ 1866 году въ Табасарани и въ 1871 году въ Унцукулѣ показывали, что огонь еще не затушенъ, но костеръ тлѣетъ. Дѣйствительно, въ 1877 году пламя возстанія вновь охватило Дагестанъ, и для залитія его пришлось въ критическія для Россіи минуты выставить противъ горцевъ цѣлый кор-

пусъ войскъ, которыя такъ были необходимы на турецкой границѣ.

Мятежъ былъ усмиренъ. Приходится очень и очень сожалѣть, что не воспользовались послѣднимъ погромомъ и не обезоружили дагестанцевъ. Это былъ самый удобный моментъ.

Замирились ли они теперь совсѣмъ? Кто на это можетъ дать вѣрный отвѣтъ? Думаю, никто.

Показался Петровскій маякъ, и забѣлѣлись домики портоваго города.

Въ 1823 году близъ аула Тарки генераломъ Вельяминовымъ была заложена крѣпость, которую онъ назвалъ Отрадной, но, въ виду тревожныхъ событій, сопровождавшихъ постройку крѣпостцы, Ермоловъ переименовалъ ее въ Бурную. Впослѣдствіи укрѣпленіе перенесли ближе къ морю и назвали его Низовымъ.

Въ 1843 году скопище горцевъ ринулось на ничтожный фортъ, но встрѣтило сильный отпоръ. Капитанъ Бибановъ умѣло руководилъ обороной и нашелъ помощь въ случайно очутившейся тамъ партіи ссыльныхъ молоканъ. Крѣпостцѣ грозила бѣда неминуемая. Мужчины рѣшили всѣ лечь костьми въ послѣдней рукопашной схваткѣ съ непріятелемъ, а женщины приготовились взорвать пороховой погребъ. Но подоспѣла помощь въ лицѣ Фрейтага и Евдокимова. Гарнизонъ былъ освобожденъ. Укрѣпленіе покинуто.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Петровскомъ портѣ

возведены два мола, которые даютъ возможность укрыться судамъ отъ непогоды. Строителей упрекаютъ въ непредусмотрительности относительно заноса бухты пескомъ и указываютъ на неудобство входа въ гавань. Теперь здѣсь работаетъ землечерпательная машина, и нашъ пароходъ могъ свободно подойти къ самой пристани.

Какъ тянется долго время, пока судно совсѣмъ не ошвартовится! Матросъ, бросающій конецъ причала, не сразу попадаетъ въ цѣль; канатъ бухаетъ въ воду. Слышится брань и затѣмъ, прямо на головы публики, безцеремонно летитъ веревка.

Начинается скучное подтягиванье судна къ пристани.

Пароходъ пыхтитъ, то подвигаясь, то отступая, точно разсвирѣпѣвшій индюкъ шумитъ распущенными крыльями; стучатъ и звенятъ цѣпи, раздаются громкіе крики капитана и его помощниковъ. Всего въ нѣсколькихъ шагахъ стоятъ близкіе люди. Хотѣлось бы перелетѣть къ нимъ, а пароходъ все копошится, все утюжитъ воду. Наконецъ данъ трапъ, и все устремляется къ выходу.

Петровскъ до сихъ поръ еще мало устроился, до сихъ поръ еще мало украсился. Правда, за послѣднее время отдѣланъ и освященъ новый храмъ, остававшійся долгое время недостроеннымъ. Это единственная церковь на весь портовый городъ. Храмъ оцѣпляетъ рѣшетка изъ старыхъ, должно быть послужившихъ немало, больше-калиберныхъ

ружейныхъ стволовъ. Сколько смертоносныхъ выстрѣловъ вылетѣло изъ нихъ!.. Теперь они, какъ старые раскаявшіеся грѣшники, припали подъ сѣнь креста и молятъ о прощеніи.

На самомъ возвышенномъ пунктѣ Петровска прежде сторожевымъ постомъ стояла видавшая виды крѣпостца, а теперь тамъ сурово смотритъ большой тюремный замокъ.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Петровскъ, появилось нѣсколько весьма удовлетворительныхъ гостинницъ, но въ общемъгородъ мало измѣнился. Улицы все также невозможно вымощены, какими-то допотопными громадными булыгами. Улицы «съ проборомъ», какъ замѣтилъ мой петербургскій спутникъ. Дождевые потоки промыли себѣ неправильное ложе, которое еще болѣе мѣшаетъ удобному проѣзду. А затѣмъ пыль, пыль чудовищная для обитателей Петербурга, Царскаго Села и Петергофа и обычная для многихъ россійскихъ гражданъ. Поливаетъ улицы здѣсь конечно лишь дождь, и воображаю, какое смятеніе вызвало бы распоряженіе объ обязательной поливкѣ.

Петровскъ, долгое время служившій единственнымъ пунктомъ для принятія на Сѣверный Кавказъ съ Волги провіантскихъ и всякихъ военныхъ грузовъ, очень мало развивался. Начало шестидесятыхъ годовъ, совпавшихъ съ устройствомъ искусственныхъ портовыхъ сооруженій, нѣсколько его оживило. Цѣна на землю поднялась, начали

возводить постройки; но вскорѣ все это замерло, и Петровскъ сталъ приходить въ полный упадокъ.

Мечтой горожанъ было проведеніе къ нимъ желѣзной дороги. Этотъ, весьма важный стратегическій путь, приближавшій къ Россіи Среднюю Азію, долго оставался лишь въ предположеніи и отлагался въ угоду миѳическаго проекта пробуравливанія Кавказскаго хребта. Лишь благодаря личному непреклонному желанію усопшаго Императора Александра III появилась на свѣтъ Петровская вѣтвь Владикавказской дороги. Нефть и хлопокъ—вотъ грузы, которые потянулись во внутреннія губерніи, а оттуда идутъ фабрикаты. Кромѣ того, эта линія послужила ближайшимъ путемъ для передвиженія войскъ въ Среднюю Азію и обратно.

Въ городѣ вновь поднялась домостроительная горячка, но опять скоро остыла. Петровскъ является лишь передаточной станціей, что еще недостаточно для развитія города. Онъ не имѣетъ мѣстнаго значенія, не имѣетъ сколько нибудь значительнаго раіона, который экономически тяготѣлъ бы къ нему. Пока сѣверо-восточная часть Дагестана еще мало производительна; большія площади ждутъ орошенія и населенія. Починъ уже сдѣланъ. Изъ рѣки Сулака по плоскости мѣстными средствами постепенно ведутъ каналъ. Къ сожалѣнію, за послѣднее время работы, кажется, пріоста-

новились. Съ оживленіемъ этой полосы будетъ подниматься и значеніе Петровска.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго открытія средняго учебнаго заведенія, столь необходимаго для закрѣпленія къ городу зажиточнаго населенія. Петровскъ могъ бы служить для Юго-Востока Россіи мѣстомъ для морскихъ купаній, но для этого городу нужно поочиститься и принарядиться.

Въ самое послѣднее время подлѣ Петровска стали разводить виноградники; въ торговлѣ уже появилось вино мѣстныхъ садовладѣльцевъ. Напитокъ натуральный и по своимъ качествамъ несравненно выше бессарабскихъ винъ.

За садами, поднимаясь по горамъ, раскинулся довольно большой аулъ Тарки, бывшій когда-то резиденціей шамхаловъ.

Въ день пріѣзда въ Петровскъ мы поѣхали навѣстить одного молодого тарковскаго бека и застали тамъ празднованіе свадьбы. Намъ вынесли стулья на крышу и подали чай. Во дворѣ толпился народъ, заливалась зурна, и гремѣлъ барабанъ. Плясали лезгинку. Человѣкъ тридцать мужчинъ въ тактъ музыкѣ хлопали въ ладоши. Тутъ же стояли и сидѣли женщины съ многочисленнымъ дѣтскимъ поколѣніемъ. Чумазые, черноглазые ребятишки сбились въ такую живописную группу, точно сейчасъ служили моделью для рисунка Горшельта. Одна пара танцующихъ смѣняла другую. Плавно, обязательно потупивъ взоры,

дѣлала круги дама, а за ней, выдѣлывая ногами самыя хитростныя па, носился кавалеръ.

Танцами дирижировалъ «тамада», поджарый, лопоухій пожилой кумыкъ. Съ ногайкой въ рукѣ онъ подкрадывался и какъ коршунъ затѣмъ бросался на лѣниваго, не отбивающаго себѣ руки молодца. Дѣлая комически страшную физіономію, налеталъ «тамада» на мѣшавшихъ танцамъ мальчиковъ-сорванцовъ и все время зорко слѣдилъ, чтобы танцы не прекращались и безостановочно продолжались. Когда онъ находилъ нужнымъ ускорять темпъ лезгинки, — то самъ съ дикимъ воплемъ бросался въ плясъ. Одинъ изъ молодыхъ горцевъ хотѣлъ потихоньку улепетнуть домой, но «тамада» во-время спохватился. Намъ съ крыши хорошо было видно, какъ усердный руководитель «тоя» гнался за бѣглецомъ, перескакивая черезъ канавы и кусты, пока наконецъ не догналъ его, наказалъ ногайкой и не провелъ во дворъ, заставивъ вновь веселиться. Много я видѣлъ на вечерахъ дирижеровъ добровольцевъ, надрывающихъ себѣ горло и грудь, но, поистинѣ, подобнаго труженика не встрѣчалъ».

Тарки расползлись по всему склону горы. Въ узкихъ, непланированныхъ улицахъ кипитъ своеобразная сельская жизнь. Домой возвращается скотъ, повсюду слышится блеяніе и мычаніе. Снуютъ шустрые ребятишки верхами на отцовскихъ лошадяхъ, съ дѣтства пріучаясь быть лихими наѣздниками.

Неприглядно живется въ аулахъ. Полутемная сакля сложена изъ камня или сырцеваго кирпича. Внутри первобытный камелекъ для обогрѣванія и варки горячей пищи. Чуреки пекутся внѣ сакли, въ особыхъ печахъ, виднѣющихся во дворахъ въ видѣ маленькихъ и глиняныхъ шатровъ. Главная пища всѣхъ горцевъ—это хинкалъ, нѣчто въ родѣ малороссійскихъ галушекъ и чуреки — коржи изъ кукурузной или пшеничной муки. Баранина въ мѣстномъ обиходѣ не такое рѣдкое блюдо, какъ мясо въ русскихъ деревняхъ. Дагестанъ, какъ извѣстно, богатъ овцами. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ насчитывается ихъ болѣе двухъ милліоновъ.

Вина горцы не пьютъ, но водка получаетъ большое распространеніе. На свадьбѣ, музыканты, танцоры и особенно «тамада» безъ всякой закуски усердно опорожняли полные стаканы предательской влаги. Это уже плоды нашей культуры... хотя, впрочемъ, еще Бутковъ въ своихъ запискахъ говоритъ о шамхалѣ Тарковскомъ, современникѣ Екатерины II, что «водка россійская есть самый лучшій предметъ его упражненій».

Будучи убѣжденъ, что русскій человѣкъ безъ возліянія не можетъ обойтись, нашъ гостепріимный хозяинъ погналъ въ городъ нарочнаго за виномъ, и вскорѣ передъ нами выставили цѣлую батарею бутылокъ. Бекъ былъ немало огорченъ нашимъ отказомъ и сборами къ отъѣзду.

ПИСЬМО III.

16-го мая 1895 г.

Отъ Петровска до Шуры устроено шоссе. Первыя версты оно проходитъ по плоскости, зеленѣющей весной, а затѣмъ, извиваясь змѣей, карабкается на перевалъ. Почтовый четверикъ сытыхъ лошадей сначала рѣзво поднимаетъ нашъ тяжелый четырехмѣстный экипажъ, и мы скоро взбираемся все выше и выше.

По сторонамъ тянутся заросли мелкаго лѣса, въ прогалинкахъ между деревцами земля прикрыта полевыми цвѣтами; нѣкоторые изъ нихъ стараются побольше выставить себя напоказъ, ползутъ по вѣткамъ кустарника и силятся надъ его верхушкой поднять свою красивую головку. Недолговѣчно здѣсь царство зелени и цвѣтовъ! Пригрѣетъ сильнѣй солнце, и вся растительность поблекнетъ и пожелкнетъ.

Совсѣмъ у дороги примостился бѣдный аулъ.

Ни одного дерева не только по улицѣ, но и подлѣ поселка. Крошечныя сакли, саженные дворики и еле замѣтныя постройки для скота говорятъ не въ пользу благоденствія мѣстныхъ жителей. Бьющая въ глаза бѣдность однако не мѣшаетъ веселиться. У двухъ сакель толпится народъ; оттуда слышны звуки зурны и барабана. И здѣсь «той», и здѣсь среди голыхъ байгушей танцы.

Лошади умаялись, тяжело поводятъ боками и безъ особой охоты подвигаются впередъ. За однимъ изъ поворотовъ дороги насъ ждетъ подстава. Глядя на утомленный четверикъ, мнѣ пришла на умъ мысль о будущности примѣненія керосиновыхъ и электрическихъ двигателей. Какой это будетъ переворотъ! Неустанная сила, требующая очень незначительной пищи. Ни замореныхъ, ни бѣшеныхъ лошадей... Мало-мальски зажиточный горожанинъ заводитъ себѣ экипажъ.—Да и извозопромышленники, конечно, промѣняютъ своихъ тощихъ лошадокъ на «самоходы». А какое значеніе эти двигатели должны произвести въ арміи! Обозъ и артиллерійскіе парки, эти всегдашніе войсковые тормозы, съ упраздненіемъ запряжекъ значительно сократятся по размѣрамъ и будутъ двигаться внѣ зависимости отъ затруднительнаго всегда добыванія фуража. Какъ должны измѣниться дѣйствія артиллеріи, которая не будетъ больше бояться урона въ лошадяхъ! Это будетъ цѣлая эпоха въ жизни арміи.

Конечно, кавалерія долго еще останется на коняхъ; но наравнѣ съ ней, очень можетъ быть, будутъ по удобной мѣстности носиться какія нибудь самодвижущіяся смертоносныя колесницы...

Введеніе въ жизнь новѣйшихъ двигателей ударитъ однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику. Плохо придется конно-заводчикамъ и вообще всѣмъ кормившимся лошадью. Плохо придется и кучерамъ и извозчикамъ, такъ какъ будущимъ экипажемъ будетъ управлять горожанинъ, понаторѣвшій въ машинномъ дѣлѣ.

Пока же мы плетемся на лошадяхъ и, какъ ни стараются ямщики, какъ ни скачутъ пристяжныя, а все-таки на проѣздъ сорока-верстнаго скучнаго пути отъ Петровска до Шуры понадобилось около четырехъ часовъ.

Подъ городомъ безжизненная мѣстность оживляется, и волнистыя окрестности Шуры привѣтливо зеленѣютъ лѣсами и садами.

Вотъ и Шура! Одно-этажные небольшіе домики, узенькія улицы, много зелени и населенія около трехъ тысячъ. По виду городъ мало чѣмъ отличается отъ большихъ полковыхъ штабъ-квартиръ.

Основанъ онъ генераломъ Фезе въ 1834 г., въ годъ избранія Шамиля имамомъ. Въ разгаръ мюридизма Шура имѣла значеніе нашего опорнаго пункта въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Здѣсь формировались отряды для экспедицій, здѣсь мѣстное высшее военное начальство устроило себѣ штабъ-

квартиру. Такое значительное положеніе Шуры не избавляло и ея отъ нападенія. Въ 1843 году она была обложена горцами и пять недѣль находилась въ блокадѣ. Положеніе осложнялось тѣмъ, что здѣсь проживали офицерскія и солдатскія семьи. Продовольствіе и боевые припасы приходили къ концу, а непріятель не только не уходилъ, но съ каждымъ днемъ все больше усиливался и становился грознѣе. Командующій войсками генералъ Гурко собралъ военный совѣтъ. Рѣшено было бросить Шуру; ночью 13 декабря выступить нѣсколькими каре, помѣстивъ въ середину ихъ всѣхъ женщинъ и дѣтей, и штыками пробиться сквозь главныя силы въ Казіюртъ. Вѣроятно, немного бы осталось русскихъ послѣ такого движенія. Къ счастью, подоспѣлъ генералъ Фрейтагъ съ отрядомъ, наскоро сформированнымъ испуганнымъ командиромъ корпуса, получившимъ отъ лазутчика письмо на нѣмецкомъ языкѣ о безнадежномъ положеніи Шуры.

Черезъ шесть лѣтъ въ Шуру успѣлъ забраться самый предпріимчивый изъ шамилевскихъ наибовъ Гаджи-Муратъ. Партія въ двѣсти человѣкъ отчаянныхъ головъ, ночью подобралась къ областному городу, перебила наши «секреты», «сняла» часовыхъ и влетѣла въ большое освѣщенное зданіе. Горцы предполагали, что это домъ командира Апшеронскаго полка князя Орбеліани. Они надѣялись поживиться богатой добычей и захватить

знамена. Оказалось, что это былъ госпиталь. Горцы изрубили нѣсколькихъ больныхъ и, забравъ оловянную посуду, скрылись.

Передъ домомъ губернатора, на невысокомъ пьедесталѣ стоитъ въ непринужденной позѣ бронзовая фигура князя Аргутинскаго-Долгорукова. Доблестный генералъ много потрудился при завоеваніи Кавказа и въ самый расцвѣтъ могущества Шамиля всегда являлся грозой имама. Онъ никогда не рисковалъ ни своими отрядами, ни своею репутаціею спокойнѣйшаго человѣка. Многимъ онъ казался медлительнымъ, но зато въ дѣло шелъ онъ навѣрняка и почти не зналъ неудачи. Только желаніе захватить важный въ стратегическомъ отношеніи Гергебиль вывело его изъ обыкновеннаго спокойствія и подвинуло на безплодный штурмъ, стоившій намъ много жертвъ.

Въ своихъ запискахъ шамилевскій секретарь именуетъ князя—«проклятымъ аргутомъ, бурдюкомъ обмановъ, хитрымъ, настоящей лисицей». Видимо, сильно насолилъ горцамъ талантливый армянскій князь.

Кромѣ этого памятника недавно передъ мѣстною единственной церковью сооруженъ монументъ въ память боевыхъ заслугъ Апшеронскаго полка.

Какъ жалко, что до сихъ поръ не воздвигнутъ общій памятникъ Кавказской войнѣ! Мнѣ давно грезится на одной изъ возвышенностей Сѣвернаго Кавказа, близъ Пятигорска напримѣръ, громадная

искусственная скала, на вершину которой взобрались два бронзовые исполина, — солдатъ въ старой походной формѣ, съ ружьемъ за плечомъ, и кавказскій казакъ въ буркѣ. Оба они дружно водружаютъ въ расщелину гигантскій золотой крестъ.

Мнѣ вѣрится, что нѣчто подобное осуществится въ память безпримѣрной борьбы. Но только когда?...

Главная сокровищница Шуры это кладбище, на которомъ покоится вѣчнымъ сномъ немало русскихъ воиновъ, за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившихъ. Памятники здѣсь не отличаются красотой, но будятъ цѣлый рой воспоминаній и навѣваютъ грусть при мысли о тѣхъ рѣкахъ крови, которыя пролиты за Крестъ Святой и рай Магомета.

Здѣсь стоитъ памятникъ генералу Пассекъ, имя котораго въ сороковыхъ годахъ прогремѣло по всему Кавказу и стало извѣстно за предѣлами его. Популярность, которую онъ стяжалъ себѣ среди солдатъ за послѣдніе три года кратковременной службы, напоминаетъ Скобелевское обаяніе. Отъ Пассека ждали многаго, но удалой командиръ сложилъ свою буйную голову въ злополучной Даргинской экспедиціи въ 1845 году.

Молодого подполковника генеральнаго штаба судьба закинула въ 1843 году начальникомъ небольшого отряда, стоявшаго въ центрѣ Аваріи, въ Хунзахѣ въ то время, когда воинствующій мюридизмъ съ особенной силой охватилъ Сѣвер-

ный Дагестанъ и скопища Шамиля сняли тамъ всѣ наши укрѣпленія. Пассекъ получилъ приказаніе очистить Хунзахъ и отступить къ Шурѣ. Около Зирянъ маленькая колонна была окружена многочисленнымъ непріятелемъ, предполагавшимъ своимъ стремительнымъ налетомъ раздавить русскихъ. Пассекъ отбилъ нападеніе, укрѣпился какъ могъ въ Зирянахъ и рѣшился отсиживаться. Отряду пришлось въ зимнюю стужу переносить неимовѣрныя трудности и лишенія.

Въ солдатской пѣснѣ такъ описываются тѣ невзгоды, которыя вытерпѣлъ отрядъ:

Стали ѣсть мы лошадину
И варили и пекли.
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патрона порошкомъ.
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ.
Обносились, оборвались,
Все валилось съ плечъ долой.
Мы рогожки надѣвали,
Вмѣсто бурокъ и плащей;
Ноги кожей обшивали
Послѣ съѣденныхъ коней...

Цѣлый мѣсяцъ Пассекъ ждалъ помощи и отбивался отъ назойливаго врага; наконецъ подошелъ на выручку отрядъ генерала Гурко, только что въ свою очередь освобожденный генераломъ Фрейтагомъ изъ блокированной Шуры.

За блистательное руководство колонной Пассекъ былъ произведенъ, минуя чинъ полковника, прямо

въ генералъ-маіоры и награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Вскорѣ Пассеку довелось увѣнчать себя новыми лаврами: 3 іюня 1844 года подъ Кака-Шурой съ 1.400 человѣкъ онъ смѣло бросился на свыше 20 т. скопище. Непріятельское ополченіе стянуто было со всего нагорнаго Дагестана шамилевскими наибами, стремившимися наводнить Мехтулинское ханство и шамхальство.

Передъ боемъ генералъ Пассекъ отдалъ по отряду приказъ *), проникнутый страстной поэзіей крови; приказъ, будившій въ солдатѣ и чувство воина, и хищника.

«Товарищи, пора собираться въ походъ. Осмотрите замки, отточите штыки, поучитесь колоть на повалъ. Наблюдайте всегда и вездѣ тишину! наблюдайте порядокъ и строй. Въ дѣло дружно идти, въ дѣлѣ меньше стрѣлять—пусть стрѣляютъ стрѣлки, а колонны идутъ и молчатъ. По стрѣльбѣ отличу, кто сробѣлъ и кто нѣтъ, робкимъ стыдъ, храбрымъ слава и честь. Безъ стрѣльбы грозенъ строй. Пусть стрѣляютъ враги. Подойдите въ упоръ, а тогда ужъ ура! А съ ура на штыки и колите, губите враговъ. Что возьмете штыкомъ, то вамъ Царь на разживу даетъ. Грозны будете вы, страшны будете вы татарвѣ, нечестивымъ

*) Потто. «Хроника полковъ 21-ой дивизіи».

врагамъ.—Осѣнитесь крестомъ, помолитесь Христу и готовьтесь на славу на бой».

Юный генералъ разсѣялъ горцевъ. По словамъ одного бытописателя, послѣ блистательной побѣды «конь Пассека хромалъ отъ ранъ, шашка была покрыта кровью, но лицо сіяло радостью».

Черезъ годъ послѣ этой битвы Пассекъ, командуя авангардомъ въ Даргинскую экспедицію, былъ изрубленъ въ чеченскихъ лѣсахъ.

Современникъ Пассека, очень замѣтный военный писатель Окольничій, характеризуя дѣятельность покойнаго, говоритъ, что приговоры о немъ совершенно противоположны. Одни находили его вреднымъ, слишкомъ увлекавшимся начальникомъ, а другіе утверждали, что именно такой генералъ и нуженъ былъ Кавказу. Свой очеркъ Окольничій заканчиваетъ слѣдующими словами: «Онъ (Пассекъ) принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ надо было любить, уважать, сожалѣть и постоянно избѣгать».

Недалеко отъ кладбища раскинулся небольшой паркъ, на мѣстѣ засыпаннаго озера. Здѣсь мало гуляющихъ, и шуринцы главнымъ образомъ посѣщаютъ городской садъ, гдѣ по вечерамъ играетъ музыка, а въ ротондѣ, какъ это водится, играютъ въ карты. Публика толпится на одной аллеѣ, занимаясь точной ревизіей другъ друга. Остальную часть сада видимо совсѣмъ не посѣщаютъ. Не

интересно; да по вечерамъ тамъ и темень непроглядная.

Во время нашего пріѣзда давала спектакли драматическая труппа, странствующая между Петровскомъ и Шурою. По мѣстнымъ условіямъ труппа недурная, другихъ развлеченій нѣтъ, однако въ среднемъ сборы выражаются всего десятками рублей—что краснорѣчиво показываетъ незначительность населенія.

Долговременное пребываніе въ Шурѣ областного управленія не могло прилить жизни къ пункту, имѣющему мало данныхъ къ развитію. Недавно, при новой дислокаціи, выведенъ отсюда во Владикавказъ Апшеронскій полкъ и замѣщенъ пластунскимъ баталіономъ. Это перемѣщеніе уже сильно отразилось на мѣстномъ благосостояніи.

Городъ стоитъ въ сторонѣ отъ торговаго движенія, вдали отъ моря и желѣзной дороги. Въ будущее Шуры нельзя вѣрить. Сила обстоятельствъ должна заставить перенести областное управленіе изъ этого неудавшагося пункта въ Петровскъ, а еще лучше въ центръ плодороднаго, многолюднаго Южнаго Дагестана,—въ Дербентъ.

Владѣльческія права шамхала, уцмія и другихъ хановъ теперь уже не существуютъ. Одни лишились ихъ въ наказаніе за возстанія, другіе уступили свои перерогативы русской державѣ за матеріальное вознагражденіе.

Одинъ Дагестанъ стоитъ пока почти въ сторонѣ

отъ реформъ прошлыхъ двухъ царствованій. Управляетъ областью военный губернаторъ, у него два помощника. Все дѣлопроизводство сосредоточено въ канцеляріи губернатора, кромѣ которой есть еще только одно губернское учрежденіе—это областной судъ. Здѣсь предсѣдательствуетъ одинъ изъ помощниковъ губернатора, а членами являются депутаты отъ дагестанцевъ. Дѣла рѣшаютъ и по шаріату, и по адату. Приговоры утверждаются губернаторомъ, а въ случаѣ его несогласія передаются на усмотрѣніе главноначальствующаго на Кавказѣ. Низшей судебной инстанціей является окружной (уѣздный) судъ. Компетенція этихъ двухъ судебныхъ учрежденій распространяется лишь на туземцевъ-сельчанъ, составляющихъ, однако, 98% всего населенія области. Въ трехъ дагестанскихъ городахъ: въ Шурѣ, Петровскѣ и Дербентѣ дѣйствуютъ особые мировые отдѣлы Бакинскаго окружного суда.

Область дѣлится на девять округовъ, которые по всѣмъ частямъ состоятъ въ управленіи военныхъ окружныхъ начальниковъ.

Такое положеніе для многихъ читателей покажется нежелательнымъ, но лица, знающія мѣстныя условія, были бы наоборотъ непріятно удивлены судебными новшествами.

У насъ сильно раздаются голоса за сглаживаніе всѣхъ окраинныхъ особенностей администраціи и суда. Думаю, что съ этимъ поступать по-

спѣшно не слѣдуетъ. Не все то пригодно на Кавказѣ, что составляетъ благо для Европейской Россіи. Судебные уставы-Императора Александра II далеко не подходятъ къ современнымъ жизненнымъ условіямъ магометанской части Кавказа.

Въ настоящее время Дагестанъ пользуется полнымъ спокойствіемъ, ни разбоевъ, ни волненій нѣтъ. Отсутствіе воровства и грабежей главнымъ образомъ объясняется благородствомъ дагестанской натуры, но все-таки благо полной безопасности во многомъ надо приписать той желѣзной рукѣ, которая крѣпко держитъ Дагестанъ и его недавно еще покоренныхъ жителей. Въ прошлое царствованіе были моменты, когда можно было ожидать непріятныхъ осложненій. Въ 1886 году народная перепись вызвала отчасти непріятныя послѣдствія въ Чечнѣ, но Дагестанъ оставался спокойнымъ. Во время холеры, въ Петровскѣ, подготовлялись безпорядки пришлыми желѣзнодорожными рабочими, но въ корнѣ были затушены, и дагестанцы, несмотря на сильную смертность, не нарушили порядокъ.

Много, что нужно сдѣлать для этого края: нужны здѣсь школы, нужны дороги, нужно устройство казачьихъ поселеній. Что же касается организаціи суда и администраціи, то можно еще оставаться при существующей формѣ съ обяза-

тельнымъ условіемъ въ будущемъ пополнять личный персоналъ ея достойными русскими людьми.

Въ Шурѣ квартируетъ оригинальная воинская часть—Дагестанскій конный полкъ. Составъ его формируется вербовкой среди горцевъ. Прирожденная склонность къ воинскому дѣлу, а также отсутствіе заработка доставляли прежде съ избыткомъ кандидатовъ на открывавшіяся вакансіи. Теперь, кажется, число желающихъ не такъ велико, но во всякомъ случаѣ пока достаточно, чтобы въ полномъ составѣ держать наиболѣе лихую кавалерійскую часть. Каждый изъ всадниковъ съ раннято дѣтства гарцуетъ на лошади по самымъ головоломнымъ мѣстамъ и ловко владѣетъ оружіемъ. Кинжалъ, шашка, ружье,—такіе обычные въ горскомъ обиходѣ предметы, какъ вилы и топоръ въ русской деревнѣ.

Конный полкъ стоялъ лагеремъ подъ Шурой. Я съ моимъ петербургскимъ спутникомъ прекрасно провели вечеръ среди гостепріимныхъ дагестанскихъ офицеровъ. Насъ туда птицей принесла лихая тройка буланыхъ мѣстныхъ лошадей. Коренникъ-иноходецъ ни разу не сбился съ своего переваливающагося хода, пристяжныя посматривали на насъ злыми глазами, рвались въ стороны, точно хотѣли разнести въ дребезги экипажъ, а кучеръ-татаринъ, при каждомъ нашемъ окрикѣ не гнать лошадей, наддавалъ все сильнѣе и сильнѣе. Погода была прекрасная. Видъ на зеленую панораму

горъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ,—чудный. Игралъ прекрасный хоръ музыкантовъ-горцевъ, въ среду которыхъ попали нѣмецъ и французъ. Первый, бывшій корнетистомъ въ одномъ изъ петербургскихъ оркестровъ, теперь приглашенъ сюда дирижировать, а другой, еще юнопа-сирота, сынъ француза-музыканта, заброшеннаго судьбой въ Шуру, съ дѣтства сроднился съ полкомъ и поступилъ въ составъ его всадниковъ.

Лезгинка обязательно входитъ въ программу увеселеній. Всадники танцовали съ замѣчательной ловкостью. Нѣкоторые доходятъ до виртуозности и танцуютъ среди воткнутыхъ остріемъ вверхъ кинжаловъ.

Приходится жалѣть, что сыны дикихъ горъ при танцахъ не обращаютъ вниманія на свои лица. Смотрятъ они самымъ озабоченнымъ образомъ лишь на свои ноги, ни улыбки, ни тѣни удовольствія; а вмѣстѣ съ тѣмъ любятъ они танцы беззавѣтно и въ свободное время готовы цѣлые дни отбивать тактъ ногами.

Родоначальниками Дагестанскаго коннаго полка были нѣсколько десятковъ аварцевъ, не примирившихся съ жестокимъ режимомъ мюридизма и ушедшихъ къ намъ съ тѣмъ, чтобы отомстить за пролитую кровь родныхъ. Впослѣдствіи образовался цѣлый конно-иррегулярный полкъ, который принесъ большія услуги нашимъ войскамъ и выказалъ не разъ чудеса храбрости.

Въ кампаніи 1877 года было сформировано четыре полка, при чемъ, надо сознаться, не всѣ сотни наскоро набранныхъ всадниковъ оказались на высотѣ своихъ предшественниковъ. Однако этотъ опытъ не долженъ смущать тѣхъ, которые бы пожелали воспользоваться дагестанцами, какъ военной силой. Нельзя забывать, что въ 1877 — 78 году мы воевали съ турками, и въ самомъ Дагестанѣ развѣвалось знамя возстанія.

Дагестанцы, какъ конная милиція, могутъ оказать несомнѣнную поддержку нашей арміи въ борьбѣ съ Западомъ. Они во врея войны въ состояніи выставить около 15 тысячъ всадниковъ, которые не задумаются броситься на непріятельскія сообщенія и произвести страшный погромъ въ его тылу. Введеніе воинской повинности въ такомъ видѣ, чтобы очередные горцы лишь собирались ежегодно на мѣсяцъ для обученія и затѣмъ вновь распускались по домамъ, надо надѣяться, не произвело бы никакого волненія. Кадрами для милиціи служилъ бы современный конный полкъ. Желательно при этомъ повысить современное содержаніе всадниковъ, пропорціонально годамъ ихъ службы и тѣмъ сдѣлать привлекательнымъ продолжительное пребываніе въ полку.

Жалко оставлять втунѣ такой прекрасный боевой матеріалъ, какимъ являются дагестанцы. Въ случаѣ осложненій въ Турціи, слѣдовало бы постепенно лихую дагестанскую милицію передви-

нуть съ Кавказа въ Европейскую Россію и тѣмъ избавить край отъ горючаго матеріала. Предполагать, что такая рать можетъ поднять руку на насъ,—нельзя, такъ какъ они за собой оставляютъ въ нашихъ рукахъ заложниками свои семьи.

За время нашего короткаго пребыванія въ Шурѣ, насъ угостили «тоемъ» въ сосѣднемъ большомъ аулѣ Казанищахъ. По дорогѣ навстрѣчу намъ выѣхала цѣлая кавалькада всадниковъ, галопировавшихъ подлѣ экипажей. По пріѣздѣ въ аулъ взрослыхъ верховыхъ моментально смѣнили дѣти и лихо носились на горскихъ бойкихъ лошадяхъ. Въ старомъ шамхальскомъ домѣ насъ радушно привѣтствовали хозяинъ и прелестная хозяйка. Въ залѣ къ нашему пріѣзду собрались мѣстныя красавицы и скоро закружились въ лезгинкѣ.

Гостепріимный наибъ устроилъ угощенье на славу. Всѣ развеселились, и многіе изъ почетныхъ гостей вспомнили старину и выходили на арену попробовать свои силы въ лезгинкѣ. Черноглазая горянка робко подошла къ моему петербургскому спутнику и пригласила его протанцовать съ ней. Какъ онъ ни отнѣкивался, но ему пришлось исполнить желаніе мѣстной барышни, и при общихъ аплодисментахъ съ громаднымъ успѣхомъ дебютировать на казанищскихъ подмосткахъ.

Мѣстныя барышни угощали насъ своимъ за-

унывнымъ пѣніемъ, напоминавшимъ очень греческій церковный напѣвъ. Онѣ столпились въ углу въ тѣсный кружокъ и не глядя на слушателей превозносили въ пѣсняхъ доблести хозяина и гостей.

ПИСЬМО IV.

22-го мая 1895 г.

Изъ Шуры мы двинулись «въ горы», черезъ Дженгутай, Кизиль-Яръ, Урму, Леваши и Салтинку на Гунибъ.

Первую станцію проѣхали благополучно; но въ Дженгутаѣ, бывшей столицѣ Мехтулинскаго ханства, зарядилъ дождь, который преслѣдовалъ насъ съ перерывами дня два и тормозилъ наше движеніе. Кизиль-Ярскій длиннѣйшій подъемъ особенно дался намъ тяжело. Тяжелый экипажъ вязнулъ въ глинистомъ грунтѣ и угрожающе закатывался на крутыхъ горныхъ поворотахъ. На бѣду и ямщикъ и лошади, экстренно, изъ любезности къ намъ, высланные изъ Шуры, были на этомъ опасномъ пути въ первый разъ. Несмотря на замѣчанія и наши окрики, русскій ямщикъ продолжалъ ѣхать у самаго края дороги по колеѣ, пробитой арбами. Никакой ограды

здѣсь нѣтъ. Удалой парень разсуждалъ, вѣроятно, такъ, что если другіе проѣхали, то и онъ можетъ. Онъ не бралъ въ разсчетъ того, что арбы возятъ на быкахъ, которыхъ ведутъ въ поводу. Лѣвая пристяжная раза два срывалась и совсѣмъ выскакивала изъ сбруи, но счастливо успѣвала вскарабкаться на дорогу. Уставшія лошади выбивались изъ силъ. Мы должны были встать и мѣсить липкую грязь своими ногами. Холодный вѣтеръ, гулявшій въ горахъ, пронизывалъ насквозь. Мы продрогли, устали и проголодались. Вотъ такъ partie de plaisir!

Выѣхавъ рано утромъ изъ Шуры, мы предполагали завтракать у знакомаго въ Левашахъ, а между тѣмъ пока взобрались на Кизиль-Ярскій подъемъ, адмиральскій часъ давно уже пробилъ. Въ аулѣ достать ничего нельзя, на станціяхъ буфета нѣтъ, и намъ пришлось бы очень плохо, еслибъ услужливая жена станціоннаго приказчика, недавно сюда пріѣхавшая хохлушка, не угостила насъ яйцами, варениками и чаемъ. Ни у Кюба, ни у Донона не ѣдятъ съ такимъ апетитомъ, съ какимъ наша компанія принялась за это угощенье. Въ веселой бесѣдѣ путевые недочеты скоро отодвинулись на задній планъ, и подъ веселый акомпанимонтъ ладошъ самый пожилой изъ путешественниковъ даже сдѣлалъ нѣсколько круговъ лезгинки...

За Кизиль-Яромъ мѣстность крайне непривѣтливая, дикая, голыя скалы и лысыя вершины гро-

моздятся въ безпорядкѣ, навѣвая опять грустныя мысли. То тамъ, то здѣсь на горныхъ скатахъ и на террасахъ виднѣются небольшіе лоскутки обработанной земли, разбросанные зеленѣющими заплатами по сѣрому фону. Съ какимъ трудомъ приходится горцу отбивать у суровой природы возможность устроить себѣ крошечное поле для посѣва кукурузы и ячменя! Намекая на ничтожность земельныхъ угодій горцевъ, жители плоскости разсказываютъ, что выѣхалъ одинъ правовѣрный на свое поле, снялъ бурку, бросилъ на землю и только что хотѣлъ пахать, какъ хвать, а земли-то и нѣтъ. Схватилъ онъ бурку и хотѣлъ уже вернуться домой, а поле-то, оказалось, было прикрыто буркой...

Несмотря на непривѣтливую природу, горцы страстно любятъ свои родныя мѣста и не промѣняютъ на плодородныя поля на чужбинѣ. При насильственныхъ переселеніяхъ въ Россію многіе изъ горцевъ устраивались тамъ очень недурно и въ качествѣ землекоповъ, слесарей, кузнецовъ, мѣдниковъ, садовниковъ и даже сельскихъ приказчиковъ получали хорошій заработокъ; но, получивъ разрѣшеніе, бросали все и поголовно возвращались въ родныя ущелья на скудную землю и ничтожный заработокъ.

Единственное богатство горцевъ—это овцы. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣются большія стада крупныхъ, длинношерстныхъ, курдючныхъ овецъ, между которыми важно прохаживаются ихъ руко-

водители и наставники — остророгіе козлы. Нѣсколько злыхъ овчарокъ съ обрѣзанными ушами съ хриплымъ лаемъ летятъ къ экипажу, но не тратятъ своихъ силъ, подобно другимъ неразумнымъ собакамъ,—не гоняются за лошадьми и вскорѣ же возвращаются къ пастухамъ. Какъ однообразны кажутся овцы въ стадѣ, движущемся впередъ неудержимымъ треугольникомъ! Одинъ пастухъ знаетъ каждую овцу съ ея особенными неуловимыми для насъ примѣтами и отличіями. Всякъ силенъ въ своемъ дѣлѣ...

На одномъ горномъ скатѣ два стада сходятся все ближе и ближе. Блеяніе раздается все громче и громче. Кажется, вотъ, вотъ и произойдетъ общая свалка. Наконецъ, стада смѣшались, и все смолко и успокоилось. То молодые барашки соединились къ вечеру съ своими матерями.

Безлѣсныя горы становятся какъ-то еще пустыннѣе. Скоро и привалъ. Вотъ мѣсто, гдѣ въ прошлую кампанію разыгрались генеральныя стычки русскихъ отрядовъ съ горцами. Здѣсь большія скопища насѣли на наши колонны и, если бы имъ удалось раздавить ихъ, то ожидавшее исхода столкновенія колеблющееся большинство взялось бы за оружіе и тогда... Говорятъ, сосѣднія горы были усыпаны любопытными. Старое вооруженіе и отвычка драться сказались скоро. Возставшіе бѣжали, а поджидавшіе результата любопытные

сразу почувствовали приливъ благоразумія и разошлись спокойно по домамъ.

Аулъ Леваши. Вдали отъ русскихъ поселеній и войсковыхъ частей здѣсь пріютилось управленіе Даргинскимъ округомъ. Нѣсколько домиковъ и небольшой садъ. Въ этомъ мѣстечкѣ должны коротать жизнь двѣ, три офицерскія семьи и съ тревогой поглядывать на аулъ и его обитателей. Конечно, теперь полный миръ; но вѣдь и въ 1877 году была полная тишина, перешедшая въ страшную бурю...

Здѣсь же, въ Левашахъ, мнѣ пришлось встрѣтить вдову полковника Ч., гостившую у замужней дочери. Мужъ г-жи Ч., служившій начальникомъ Кумухскаго округа, въ послѣднее возстаніе былъ изрубленъ горцами на глазахъ ея. Она вмѣстѣ съ дочерью томилась въ заключеніи до взятія нашими войсками Согратля. Если мужчины, зная хорошо дѣйствительное современное положеніе края, и спокойны, то дамы врядъ ли также безразлично относятся, хотя и не выказываютъ страха.

Въ одно изъ былыхъ возстаній начальникъ мѣстнаго округа долженъ былъ двигаться съ отрядомъ и оставить почти безъ охраны свою молодую красавицу-жену подъ охраной небольшой команды. Возстаніе все разгоралось, и мужъ былъ крайне озабоченъ участью семьи. Одинъ изъ тайныхъ агитаторовъ, притворявшійся всегда преданнымъ Россіи, предложилъ начальнику округа свои услуги

конвоировать его семью. Получивъ довѣрительное письмо къ женѣ полковника, влюбленный въ нее горецъ отправился въ путь. Къ счастью, пылкій къ женскимъ прелестямъ авантюристъ долженъ былъ свернуть въ сторону, чтобы собрать шайку, и когда наконецъ прискакалъ за добычей, то, предупрежденная вѣрнымъ слугою о надвигавшейся опасности, красавица благополучно успѣла проскользнуть въ Шуру.

Горецъ-ловеласъ былъ пойманъ и отправленъ подъ конвоемъ въ областной городъ. По дорогѣ онъ ранилъ одного изъ проводниковъ и покушался бѣжать, но былъ тутъ же убитъ.

Воспоминанія о сравнительно недавнемъ прошломъ не должны особенно тѣшить женское воображеніе. Неприглядно здѣсь лѣтомъ, а воображаю, какъ жутко приходится въ зимніе мѣсяцы, когда ходятъ по горамъ сибирскіе бураны и дороги заносятся снѣгомъ на недѣли...

Однако и здѣсь люди живутъ. И здѣсь люди веселятся. Насъ привѣтливо встрѣтили въ домѣ начальника округа, который волей-неволей долженъ принимать всѣхъ проѣзжающихъ; а такихъ въ годъ проѣзжаетъ немало. Случается, и иностранцы-путешественники заѣзжаютъ подъ гостепріимный левашинскій кровъ. Домикъ небольшой, и хозяевамъ приходится тѣсниться, лишь бы уступить подъ ночлегъ помѣщеніе для непрошенныхъ гостей.

На другой день мы продолжали путь. За Левашами идетъ подъемъ, откуда дорога, боязливо прижимаясь къ крутымъ скатамъ, ползетъ внизъ и подъ конецъ сбѣгаетъ въ живописнѣйшую долину Кази-Кумухскаго Койсу. По правую сторону рѣки раскинулся роскошно обросшій фруктовыми садами аулъ Хаджалъ-Махи. Природа гигантскими когтями за многія столѣтія соскребла весь плодородный покровъ съ сосѣднихъ горъ и щедро раскидала его въ долинѣ. По горной тѣснинѣ, съ шумомъ сбрасываясь съ каменныхъ уступовъ, бѣшено кружится, клокочетъ и несется внизъ среди пышныхъ садовъ шоколадный Койсу. Каменная гряда грудью встрѣчаетъ бурный потокъ, но онъ не хочетъ знать преграды, просверливаетъ громаду, буравитъ свое ложе, бурлитъ, пѣнится, кипитъ и стремится дальше и дальше на соединеніе съ другими Койсу.

Картина дивная, поразительная!..

Черезъ Койсу перекинутъ красивый каменный мостъ, а внизу у самой воды прилѣпились на камняхъ крохотныя горскія мельницы. Сюда загляды-ваетъ тонкая струя воды и заставляетъ работать кукольные жернова. Мельники совсѣмъ свыклись съ грознымъ Койсу и спокойно перепрыгиваютъ черезъ узкіе рукава рѣки. Не дай Богъ оступиться, тогда ужъ не собрать костей. Видя, какъ мы заинтересовались ихъ ловкостью, одинъ изъ работниковъ, разставляя, насколько могъ, ноги, держался на противоположныхъ скользкихъ, уступахъ

самаго узкаго рукава Койсу. Внизу чернѣла грозная стихія, брызги обдавали его костюмъ, а онъ беззаботно посмѣивался и видимо не думалъ объ опасности.

Трудно оторваться отъ панорамы долины причудливаго Койсу, но надо торопиться, боимся опоздать на Гунибъ. Съ правой стороны рѣки въ неприступной казалось бы скалѣ издавна пробиты аульными инженерами искусные тоннели, по которымъ отведенная гораздо выше Хаджалъ-Маховъ, вода бѣжитъ по высокому горному скату и даетъ жизнь многимъ садамъ. Съ моста начинается подъемъ къ Купѣ. Долго еще виднѣется уходящая въ даль Хаджалъ-Махинская плодородная долина, убранная темной зеленью нескончаемыхъ садовъ. По обѣимъ сторонамъ ползущей въ гору дороги, стоятъ часовыми отдѣльныя фруктовыя деревья, составляющія общую аульную собственность. Вскорѣ показываются Купинскіе сады, и амфитаеатромъ развертывается самый аулъ Купа, приспособленный, какъ и многіе дагестанскіе аулы, къ многоярусной оборонѣ. Изъ оконъ здѣшнихъ сакель въ свое время немало было выпущено пуль по нашимъ войскамъ...

За Купой опять голая мѣстность.

Вдали виднѣется полоска Кара-Койсу. Ѣдемъ подъ гору. Экипажъ тихо покачивается, то и дѣло огибая горные выступы.

Въ одномъ мѣстѣ дороги, рабочіе убираютъ

остатки отъ обвала, загородившаго было проѣздъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Встрѣчаются рѣдкіе верховые, съ туго-набитыми ковровыми переметными сумками. Проползла скрипучая арба съ дровами. Просѣменили нѣсколько ишаковъ, понукаемые усерднымъ погонщикомъ. Картина мирная! А были годы, когда здѣсь безостановочно кипѣлъ бой на жизнь и смерть. Каждая пядь земли Средняго Дагестана обагрена русской кровью. Много здѣсь разыгралось душу раздирающихъ драмъ и кровавыхъ трагедій.

Какъ я уже раньше вспоминалъ, 1843 годъ былъ наиболѣе тяжелый изъ всѣхъ, проведенныхъ русскими войсками въ Дагестанѣ. Старикамъ есть что вспомнить... Шамиль, удалившійся было въ Чечню, вновь возвращается въ Дагестанъ и послѣдовательно овладѣваетъ цѣлымъ рядомъ русскихъ укрѣпленій. Надо сознаться, что особенности ли Кавказской войны или просто незадачи но Кавказскій корпусъ, поражая цѣлымъ рядомъ горойскихъ подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, не выдвинулъ значительнаго количества замѣтныхъ по талантамъ генераловъ, въ особенности въ николаевское время, вообще бѣдное даровитыми военно-начальниками. — Если Хаджи-Мурату мы можемъ противопоставить Пассека и Слѣпцова, то равнаго Шамилю у насъ, конечно, не было.

Въ 40-хъ годахъ это сказалось особенно въ томъ,

что мы, несмотря на урокъ 1840 года (на побережьи Чернаго моря), имѣя, подъ руками лишь небольшія силы, разсыпали ихъ по всему Сѣверному Дагестану и какъ бы сами предоставляли ихъ на жертву горцамъ. Плоды нашей разбросанности скоро сказались. Первымъ падаетъ Унцукуль, занятый за годъ передъ тѣмъ знаменитымъ впослѣдствіи Евдокимовымъ. Шамиль рѣшился наказать унцукульцевъ, передавшихся на нашу сторону. Маленькій русскій гарнизонъ не могъ служить надежнымъ оплотомъ противъ массы горскаго скопища, и потому на выручку Унцукулю поспѣшилъ подполковникъ Мингрельскаго полка, Веселитскій, съ однимъ сводным батаріономъ.

29-го августа 1843 года, колонна была неожиданно окружена въ тѣснинѣ. Шедшіе впереди офицеры пали первые, солдаты сброшены были въ Койсу и перебиты по одиночкѣ. Изъ двухъ апшеронскихъ ротъ спаслось только два человѣка, всѣ остальные были изрублены. Прислуга взвода единороговъ вся была перебита. Прапорщикъ Потемкинъ самъ сдѣлалъ послѣдній картечный выстрѣлъ, легъ на орудіе и тутъ же былъ изрубленъ *).

Въ Унцукулѣ около преданной Россіи, старшины Кибитъ-Ходжіо сгруппировали около пятисотъ аульныхъ жителей и рѣшили дорого продать свою

*) «Хроника полковъ 21-й дивизіи». Потто и «Воен. Сборн.» 1859 г. № 3, стр. 21.

жизнь. Въ теченіе трехъ сутокъ гарнизонъ не смыкалъ глазъ, изнемогалъ отъ жажды и сильно терялъ отъ непрерывавшейся стрѣльбы.

Болѣе тысячи *) шамилевскихъ муртизагитовъ легло подъ стѣнами, но и у защитниковъ, когда они были принуждены положить оружіе, осталось въ рядахъ всего 60 человѣкъ, и то безъ патроновъ и зарядовъ.

Укрѣпленіе и аулъ были разрушены. Все имущество не только солдатъ, но и унцукульцевъ было разграблено, «не оставили даже иглы»**),— прибавляетъ Гаджи-Али.

Въ горахъ замѣчался общій подъемъ духа и взрывъ ненависти противъ русскихъ. Начальникъ войскъ Сѣвернаго Дагестана, генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, получилъ отъ многихъ вольныхъ ауловъ составленное ими сообща посланіе***), рисующее тогдашнее отношеніе къ намъ горцевъ.

«Со времени появленія вашихъ ногъ на горахъ Дагестана, вы постоянно обманываете людей неосновательными надеждами, неудобоисполнимыми обѣщаніями, а это неприлично истинно-честнымъ и храбрымъ людямъ, какъ вы; тѣмъ болѣе, что вы служите Великому Государю, средства котораго огромны и который всюду можетъ даровать миръ и спасать отъ притѣсненій. Вы же, напротивъ,

---

*) «Воен. Сборн.» 1859 г. № 3, стр. 23—24.

**) Гаджи-Али, «Сказаніе о Шамилѣ», стр. 24.

***) «Воен. Сборникъ» 1859 г. № 5, стр. 313—314.

всегда разоряли наши деревни, истребляли наши имущества и забирали людей истинно-почтенныхъ. Намъ это было непріятно, но мы терпѣли по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мы не имѣли средствъ вамъ сопротивляться, не имѣли вовсе пушекъ, даже ружей въ достаточномъ количествѣ; во-вторыхъ, между нами нашлись люди, которые передавались вамъ изъ своекорыстныхъ видовъ и ради временной пользы жертвовали своими вѣрою и убѣжденіями. Такимъ образомъ волею-неволею повинуясь и сносившись съ вами, мы жили въ грѣхѣ, за прощеніе котораго намъ надобно долго умолять Царя-Царствъ.

«Теперь рѣшено! Мы оставляемъ навсегда вашу службу и отказываемся отъ повиновенія. Чтобы драться съ вами и защитить себя, мы занялись изготовленіемъ оружія, и хотя мы народъ бѣдный, но, соединясь въ славу Бога, надѣемся постоять за себя.

«Итакъ, мы возвращаемъ вамъ ваши ничтожныя выгоды и лживыя слова, и клянемся, что отнынѣ между нами и вами не останется ничего, кромѣ вражды и обнаженныхъ шашекъ. Мы совѣтуемъ вамъ оставить наши земли и уйти изъ Дагестана. Если не хотите послушать нашего совѣта, дѣлайте, какъ знаете, а мы съ своей стороны будемъ дѣйствовать, пока не совершится воля Божья... Кромѣ Бога, нѣтъ защиты!»

Силы Шамиля росли и росли. Дерзость горцевъ

увеличивалась со дня на день. 3-го сентября въ ихъ руки перешли Харачи. На помощь этому укрѣпленію, подобно Веселитскому, бросился съ тремя ротами маіоръ Зайцевъ; но также погибъ вмѣстѣ съ двумя третями нижнихъ чиновъ и тринадцатью офицерами, среди которыхъ сложили свои головы и пять прикомандированныхъ гвардейцевъ, мечтавшихъ пожать на Каквказѣ лавры и пріявшихъ мученическій вѣнецъ.

Генералъ Клугенау, подъ напоромъ все выше и выше поднимавшейся волны, отошелъ въ аварскую столицу Хунзахъ, рѣшивъ здѣсь отсиживаться и ждать выручки изъ Южнаго Дагестана.

Маленькія укрѣпленія Бѣлоканы и Цатанихъ были оставлены на жертву разсвирѣпѣвшаго непріятеля. Начальникъ Цатанихскаго гаризона, капитанъ Дементьевъ, получивъ приказаніе удерживаться во что бы ни стало, свято исполнилъ распоряженіе высшаго начальства. «Человѣкъ довольно преклонныхъ лѣтъ,—пишетъ о немъ Окольничій*),—Дементьевъ принадлежалъ къ исчезнувшимъ уже нынѣ типамъ, старыхъ «выслужившихся» воиновъ. Съ ограниченными понятіями, любившій придерживаться чарочки, онъ, подъ грубой оболочкой, таилъ энергію мужественную, сердце горячее и рѣшительное. Дементьевъ уже выслужилъ пансіонъ и подалъ въ отставку, но

*) «Воен. Сборн.» 1859 г. № 3, стр. 38—39. Окольничій.

военныя дѣйствія задержали его въ строю. Онъ вдругъ покидаетъ свои привычки и украшаетъ послѣдніе дни подвигами истиннаго геройства. Небритый и грязный капитанъ, готовясь умирать, явился предъ ротами чистенькимъ и вылощеннымъ, какъ на парадъ. «Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ,—такую рѣчь держалъ капитанъ гарнизону,—но не изъ трусости, а чтобы посмотрѣть, кто осмѣлится меня пережить. Быть можетъ, къ намъ скоро пожалуетъ Шамиль; но знайте, что помощи ждать намъ неоткуда. Братцы! будемъ драться на смерть, устоимъ или ляжемъ до единаго». Единодушное «ура!» было отвѣтомъ на эти геройскія слова». Вскорѣ появился непріятельскій авангардъ подъ командой ичкеринскаго наиба Шуаиба-муллы, истребившаго, въ Чечнѣ при Герзель-аулѣ, отрядъ генералъ-адъютанта Граббе. Жители Цатаниха, живо помня недавнюю расправу съ унцукульцами, поспѣшили присоединиться къ Шамилю.

6-го сентября началась перестрѣлка, и въ теченіе двухъ дней кипѣло жаркое дѣло. Недостроенное слабое укрѣпленіе, расположенное въ трущобѣ и открытое для вражскихъ выстрѣловъ съ сосѣднихъ горъ, не могло служить серьезнымъ препятствіемъ для подавляющей массы горцевъ. У непріятеля, по увѣренію самихъ горцевъ, выбыло изъ строя болѣе пятисотъ человѣкъ. У насъ изъ двухъ ротъ осталось 80 солдатъ. Шамиль пред-

ложилъ израненному гарнизону сдаться, но Дементьевы не сдаются. Когда перебили всю артилле́рійскую прислугу, грозный капитанъ самъ взялся за банникъ. Мѣткій выстрѣлъ шамилевской пушки опрокинулъ нашъ единорогъ, громадная непріятельская волна залила укрѣпленіе и его доблестнаго коменданта...

«Войско Шамиля, пишетъ Гаджи-Али, — потеряло много убитыми и ранеными. Изъ солдатъ никто не положилъ оружія». Тѣла убитыхъ защитниковъ Шамиль приказалъ сжечь.

Среди геройскихъ подвиговъ прорывается вдругъ признакъ полной растерянности. Прапорщикъ З—въ, стоявшій съ командой въ Акачахъ, почти безъ сопротивленія сложилъ оружіе и явился къ Шамилю вмѣстѣ съ пушкою и снарядами. Самъ Гаджи-Али возмущается этимъ слишкомъ осторожнымъ офицеромъ. Зато сосѣдній Гоцатлинскій гарнизонъ постоялъ за себя подъ командой капитана Кузьменко, «цвѣтъ лица котораго, по горскому сказанію, былъ желѣзный». Это былъ, пишетъ о немъ Гаджи-Али,—«настоящій храбрецъ». Однако, мужество коменданта не спасло отъ погибели ни его, ни гарнизона. Всѣ пали жертвами долга.

Въ то время, какъ горцы уничтожали порознь наши гарнизоны, генералъ Клугенау переживалъ тяжелыя минуты. Въ случаѣ паденія послѣдняго нашего оплота Хунзаха, шамилевское ополченіе

неудержимой лавиной слетѣло бы на беззащитную, оголенную отъ войскъ Прикаспійскую область. Вѣсть о страшныхъ событіяхъ въ Дагестанѣ долетѣла уже не только до Аргутинскаго въ Южный Дагестанъ, но и въ Тифлисъ до командира корпуса Нейдгарда. Все, что можно было собрать, было двинуто на подкрѣпленіе въ Дагестанъ, куда для общаго руководства направился и командующій войсками на кавказской линіи генералъ Гурко.

Князь Аргутинскій не хотѣлъ рисковать и бросаться на выручку сгоряча. Онъ выступилъ изъ Южнаго Дагестана, лишь стянувъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи войска. Быть можетъ, большая поспѣшность князя, оттянувъ горцевъ къ югу, спасла бы наши аварскіе гарнизоны отъ катастрофы.

13-го сентября князь Аргутинскій, отодвинувъ высланныхъ перегородить ему путь наибовъ Нуръ-Али и Гаджи-Мурата, соединился съ генераломъ Клугенау. Шамиль, ожидая наступленія русскихъ, потянулся на хребетъ Татусъ-балъ и тамъ принялся укрѣпляться; но наши начальники, удрученные предшествующими неудачами, не думали о наступленіи, а старались лишь обезпечить отрядъ отъ катастрофы и скоро отошли къ Геничутлю, для обезпеченія сообщеній съ плоскостью и подкрѣпленій отряда свѣжими запасами.

Въ Сѣверный Дагестанъ форсированнымъ маршемъ стягивались резервы, и вскорѣ на уком-

плектованіе сильно порѣдѣвшихъ рядовъ подошло 3,600 человѣкъ. Прибылъ и генералъ Гурко.

«Нравственное вліяніе наше, пишетъ Окольничій *),—сильно поколебалось, но народъ, видя повсюду штыки, продолжалъ вѣрить въ могущество Россіи и въ молчаніи ожидалъ развязки этой страшной и неожиданной борьбы. Одинъ толчекъ могъ бы все поправить... Но, увы! Дѣло это попало въ плохія руки».

Грустныя событія въ Аваріи навѣвали тяжелыя мысли на русскихъ, ждали новыхъ ударовъ отъ непріятеля, силы котораго въ глазахъ жителей областного города Шуры удесятерились. Генералъ Гурко, прибывъ сюда, отправилъ всѣ резервы въ горы. Въ это время, съ горъ донеслась новая волна слуховъ о томъ, что Шамиль съ большимъ скопищемъ идетъ на беззащитную Шуру. Немедленно полетѣло приказаніе къ Клугенау—оставить въ Аваріи лишь самые необходимые гарнизоны и спѣшить съ остальными войсками назадъ. Приказаніе было исполнено, но слухъ оказался вымысломъ. Шамиль, пользуясь преимуществами своего не обремененнаго обозомъ и поголовно посаженнаго на лошадей воинства, быстро перекинулся совсѣмъ въ другую сторону, къ Андрееву аулу и укрѣпленію Внезапному. Потерпѣвъ

---

*) Окольничій, «Воен. Сборн.» 1859 г. № 4, стр. 338.

здѣсь неудачу, Шамиль на время распустилъ свое утомленное ополченіе до 20-го октября.

Генералъ Гурко находилъ нецѣлесообразнымъ разбивать наши силы по отдѣльнымъ укрѣпленіямъ, но Клюки фонъ-Клугенау высказывался въ противоположномъ смыслѣ. Храбрость послѣдняго генерала была внѣ сомнѣнія, но даромъ военнаго предвидѣнія онъ не обладалъ. Къ сожалѣнію, совѣтъ его былъ принятъ, и наши баталіоны вновь растаяли по крѣпостцамъ и башнямъ.

Раньше уже я дѣлился воспоминаніями о дѣятельности оставленнаго въ Хунзахъ подполковника Пассека и бѣдственномъ положеніи самой Шуры, висѣвшей на волоскѣ отъ гибели.

Не могу удержаться, чтобы не разсказать о грустной участи, постигшей въ это злополучное время Гергебиль. На берегу Койсы для обороны каменнаго моста, незадолго передъ возстаніемъ, генераломъ Фезе построено было два форта, вооруженныхъ пятью орудіями. Отъ укрѣпленій къ рѣкѣ спускался зигзагами крытый путь. Надъ крѣпостцой, по террасамъ холма, одиноко выдвинувшагося въ дикомъ ущельи, амфитеатромъ раскинулся аулъ Гергебиль. Отсюда наше укрѣпленіе легко обстрѣливалось, и потому на одной изъ террасъ былъ устроенъ редутъ. Съ паденіемъ этой отдѣльной постройки, пишетъ Окольничій *),—не

*) «Военный Сборникъ» 1859 г., № 6, Окольничій.

было возможности держаться въ нижнемъ укрѣпленіи. Отлично понимая стратегическое значеніе Гергебиля, оберегавшаго Акушу, Цудохаръ и переправу на Кумуху, Шамиль спѣшилъ овладѣть имъ. Одиннадцати тысячное ополченіе имама окружило несчастную крѣпостцу, въ которой засѣли всего лишь двѣ съ половиною роты Тифлисскаго полка подъ командою георгіевскаго кавалера, маіора Шаганова. Нѣсколько разъ храбрый до ослѣпленія непріятель бросался на штурмъ, но съ большой потерей долженъ былъ отступить. Однако и нашъ гарнизонъ, отъ безпрерывнаго непріятельскаго огня, таялъ съ минуты на мунуту. Шамиль устроилъ передвижные деревянные брустверы. Постепенно перекидывая полѣнья дровъ передъ собою все впередъ и впередъ, горцы, укрываясь за ними и съ меньшими потерями, подвигались къ стѣнамъ Гергебиля. Гарнизонъ сильно страдалъ. Число защитниковъ замѣтно таяло. Не имѣя возможности удерживать оба форта, маіоръ Шагановъ рѣшилъ отстаивать до послѣдней возможности переправу, а верхній редутъ взорвать. Маскировать отступленіе остались унтеръ-офицеръ Знобищевъ и семь рядовыхъ. Горцы слышали окрики часовыхъ и не воображали, что въ это время рота спускается въ нижнее укрѣпленіе.

Тихо сползла рота внизъ. Снялись затѣмъ и часовые; но фортъ не опустѣлъ. Подъ офицерскимъ флигелемъ и казармою закопано было четыре бо-

ченка пороха, отъ которыхъ проводъ шелъ въ тайникъ, гдѣ помѣстились: юнкеръ Чаевскій, унтеръ-офицеръ Невѣровъ и рядовой Семеновъ. Всѣ три, идя на вѣрную смерть, вызвались охотниками взорвать фортъ, обезсилить тѣмъ врага и не дать ему возможности занять пунктъ, обстрѣливавшій нижнее укрѣпленіе.

Замѣтивъ необычную тишину, горцы бросились на штурмъ и не встрѣчая сопротивленія разсыпались по зданіямъ въ поискахъ добычи. Вдругъ раздался громовой трескъ; надъ Гергебилемъ взвился страшный столбъ дыма, пыли и разныхъ обломковъ; по суровому ущелью пронеслись душу раздирающіе вопли, и фортъ вмѣстѣ съ сотнями дагестанцевъ обратился въ страшную кучу каменьевъ и человѣческихъ тѣлъ... Тутъ же нашли могилу и доблестные три охотника Тифлисскаго полка. Честь, слава и вѣчная имъ память!

Многихъ мы знаемъ миѳическихъ героевъ Рима и Греціи, а имя Чаевскаго и его доблестныхъ товарищей, вѣроятно, неизвѣстно никому изъ подростающаго поколѣнія...

На выручку нашему бѣдному гарнизону спѣшилъ командующій войсками на линіи генералъ Гурко. Шамиль, увѣренный въ превосходствѣ своихъ силъ, не отступалъ отъ Гергебиля и посылалъ своихъ нафанатизированныхъ поборниковъ на приступъ. Генералъ Гурко подтянулся съ отрядомъ на ближайшія высоты, такъ что гарни-

зонъ видѣлъ уже долго ожидаемую выручку. Какъ радостно должно было биться сердце храбраго Шаганова и оставшихся еще въ живыхъ его сподвижниковъ. Но, о ужасъ! Русскіе баталіоны не двигались на помощь своимъ, а безъ боя повернули тыломъ и потянулись назадъ...

Отступленіе было рѣшено на военномъ совѣтѣ. Генералъ Клугенау, подполковникъ баронъ Торнау и капитанъ Невѣровскій, пишетъ Окольничій, — указывали на страшный рискъ движенія впередъ и возможность гибели цѣлаго отряда. Лишь одинъ полковникъ Ковалевскій «считалъ за стыдъ отступленіе въ виду погибающихъ товарищей».

Его настоянія были напрасны. Отступленіе отряда произвело чрезвычайно выгодное впечатлѣніе для Шамиля. Съ этого времени силы его стали увеличиваться новыми поборниками, убѣдившимися въ безсиліи русскихъ, тѣмъ болѣе, что генералъ Гурко приказалъ въ то же время Пассеку «скрытно» очистить Хунзахъ.

Горскій исторіографъ Гаджи-Али по этому поводу въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ: «Войска Шамиля воодушевились этимъ, а русскіе пали духомъ. Если бы не показался генералъ на возвышенности, то взятіе Гергебиля стоило бы большого труда... Шагановъ и солдаты, продолжаетъ онъ далѣе,—сражались днемъ и ночью, пока наконецъ не пали въ неравной борьбѣ. При штурмѣ легли костьми почти всѣ защитники, и непріятелю

достались въ плѣнъ лишь двадцать семь раненыхъ».

Паденіе Гергебиля было сигналомъ къ возстанію ауловъ, считавшихся мирными.

Могущество русской монархіи признавалось всѣми въ Западной Европѣ, сильныя народности дрожали передъ величавымъ Николаемъ I; а несчастные дикіе горцы, не обращая вниманія на нашъ престижъ, такъ дерзко бросили Россіи перчатку.

Въ 1843 году грознымъ напоромъ Шамиль стеръ двѣнадцать нашихъ укрѣпленій и захватилъ 35 пушекъ. А сколько перебито народу!

Потянулись на Кавказъ изъ внутреннихъ губерній резервы. Длинная, утомительная дорога постепенно сокращала, убавляла колонны. Остатки ихъ подбрасывались въ жаркій боевой костеръ и скоро сгорали, не испепеливъ своего опаснаго и опытнаго врага. Пришелъ наконецъ и цѣлый 5-й армейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Лидерса. Все это таяло и расплывалось въ ущельяхъ горъ.

Въ 1845 году Николай I призвалъ къ боевой дѣятельности почивавшаго въ Одессѣ на лаврахъ героя Краона, новороссійскаго генералъ-губернатора графа*) Воронцова, и далъ ему обширныя полномочія и средства, дабы сломить непокорныхъ.

---

*) Пожалованный въ княжеское достоинство за экспедицію въ Дарго.

Однако до усмиренія еще было далеко. Новый главный начальникъ единственный исходъ находилъ въ томъ, чтобы ружье и шашку промѣнять на топоръ и кирку. По его плану надо было не торопясь разработывать дороги, въ стратегическихъ пунктахъ устраивать сильныя штабъ-квартиры и постепенно, съ обезпеченнымъ успѣхомъ, надвигаться на горцевъ.

Но многимъ подобная система была не по сердцу. Одни искали отличій, а изъ Петербурга торопили поскорѣе и построже наказать хищниковъ. Намѣстникъ принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько рискованныхъ экспедицій. Онъ совершилъ печальный Даргинскій походъ, посылалъ войска подъ Гергебиль, Салты и другіе горскіе укрѣпленные пункты въ глухихъ горахъ. Всѣ эти походы дорого обошлись нашимъ войскамъ.

Въ 1847 году рѣшено было вернуть отбитый отъ насъ Гергебиль, и намѣстникъ двинулъ туда сильный отрядъ *). Дагестанцы отлично понимали стратегическое значеніе Гергебиля и Салтовъ и заблаговременно съ свойственнымъ искусствомъ озаботились укрѣпить важный пунктъ. Гергебиль одѣлся сильными завалами и даже батареями. Горцами устроена была фланговая оборона и возведены блиндажи и траверзы.

Загудѣли наши сильныя батареи и выбросили

*) «Акты Кавк. Арх. Ком.» т. X, стр. 451—453.

въ Гергебиль 1,200 артиллерійскихъ снарядовъ. Когда пробита была въ стѣнѣ брешь, то десять баталіоновъ двумя колоннами двинулись на штурмъ и ворвались въ аулъ. Но горцы не унывали. Пропустивъ наши баталіоны въ свою ограду, какъ въ западню, они открыли убійственный огонь изъ казематовъ. Роты лѣзли по террасамъ, унизаннымъ саклями, и проваливались черезъ фальшивыя крыши на кинжалы гергебильцевъ. Ряды русскихъ начали рѣдѣть. Мюриды воспользовались разстройствомъ колоннъ, бросились съ страшнымъ гикомъ въ шашки и выбили атаковавшихъ изъ аула. Вторичная попытка взять открытой силой мѣстную твердыню окончилась также печально и князь Воронцовъ принужденъ былъ отступить, при чемъ предпріимчивый гарнизонъ пытался уничтожить нашъ арьергардъ.

Потерпѣвъ неудачу подъ Гергебилемъ, князь Воронцовъ спѣшилъ загладить неблагопріятное впечатлѣніе и рѣшилъ овладѣть, во что бы ни стало, другимъ важнымъ пунктомъ—Салтами. Въ концѣ іюля 1847 г. наши войска обложили аулъ, и чтобы не повторить рискованнаго Гергебильскаго штурма, предприняли осадныя работы. Помимо потерь отъ нашихъ артиллерійскихъ снарядовъ гергебильцамъ приходилось сильно страдать отъ испорченой нами воды.

Горцы дѣлали противъ насъ вылазки, отстрѣливались и вели даже минныя работы. Аулъ без-

пощадно осыпали снарядами, взрывали стѣны и башни, но онъ, свирѣпо огрызаясь, стойко держался. Лишь на пятидесятый день осады, 14-го сентября послѣ сильной канонады войска наши рѣшительно двинулись на приступъ. Тысячу двѣсти горцевъ *), защитниковъ Салтовъ, дрались отчаянно, за дорогую цѣну продавая свои позиціи, и наконецъ уступили намъ облитыя кровью Салты. Въ этотъ день въ рядахъ нашихъ не досчитались 30 офицеровъ и около 1,000 нижнихъ чиновъ**). Князь Аргутинскій былъ раненъ въ щеку, а знаменитый защитникъ Низоваго Бибановъ при большой вылазкѣ салтинцевъ убитъ наповалъ.

Черезъ годъ подъ Гергебиль подошли еще болѣе значительныя силы. Помимо вспомогательныхъ войскъ тутъ было подъ ружьемъ 15 баталіоновъ ***) и двадцать пять орудій. Отрядомъ командовалъ князь Аргутинскій. Съ 9-го іюня по 6-е іюля нашъ отрядъ постепенно все сильнѣе сжималъ Гергебиль. Непріятель отбивался довольно удачно своими орудіями и безпокоилъ насъ конными партіями, державшимися внѣ аула. — 6-го іюля послѣ сильной бомбандировки наши колонны овладѣли Гергебилемъ. Защитники знаменитаго аула успѣли прорваться черезъ нашу

*) «Акты Кавк. Арх. Ком.» т. X, стр. 457.
**) «Акты Кавк. Арх. Ком.» т. X, стр. 461.
***) «Акты Кавк. Арх. Ком.» т. X, стр. 467.

цѣпь и отойти въ укрѣпленный лагерь, гдѣ собралось большое скопище Хаджи-Мурата и Муссы-Бѣлоконскаго. Аулъ былъ разрушенъ. Громадныя деревья, плоды многолѣтнихъ заботъ трудолюбивыхъ жителей, сожжены.

Взятіе нами Гергебиля нисколько не потушило энергію горцевъ, оно еще болѣе ихъ ожесточило. Нашему отряду, принужденному отступить, пришлось перенесть тяжелыя минуты и отражать самыя яростные натиски мюридовъ.

И за какія безотрадныя, голыя горы дрались мы съ такимъ ожесточеніемъ! Только въ долинѣ узкимъ бордюромъ взлелѣяны деревья, а все остальное пустынное пространство могло быть дорого лишь здѣшнимъ уроженцамъ.

Въ 40-хъ годахъ, послѣднимъ опытомъ захвата Дагестана, открытой силой была бомбардировка аула Чоха.—Князь Аргутинскій ограничился лишь канонадой и не повелъ войска на приступъ. Аулъ сильно пострадалъ отъ усиленнаго артиллерійскаго огня, но снятіе осады произвело среди горцевъ крайне неблагопріятное для насъ впечатлѣніе. Гаджи-Али такъ отзывается по поводу нашего отступленія: «Когда Аргутинскій возвратился изъ подъ Чоха, Шамиль и наибы обрадовались, думая, что русскіе обезсилѣли и на землѣ не осталось ни одного солдата и человѣка, который могъ бы противиться имъ, горцамъ».

Вотъ и Салтинскій мостъ *), прикрытый желѣзной обшивкой, продырявленной во многихъ мѣстахъ артиллерійскими снарядами. Въ казармѣ мирно сидятъ десятокъ пластуновъ, да часовой ходитъ дозоромъ по мосту. Внизу, въ ущельи, сжатый сблизившимися утесами несется Кара-Койсу. Въ полу моста продѣланъ люкъ, черезъ который во время мѣсячной блокады гарнизонъ получалъ воду. Нѣтъ здѣсь ни памятника, ни доски съ надписью для увѣковѣченія геройской защиты... У казармы на скалѣ большими красными буквами выведено не то проба кисти, не то реклама: «красилъ маляръ имя рекъ...»

Узкая дорога безъ парапетовъ извивается по скаламъ, сбѣгающимъ къ Койсу. Вотъ тутъ, — показываютъ намъ, — слетѣлъ съ семнадцати-саженной высоты докторъ Б. и остался живъ; на этомъ случайно выдавшемся уступѣ продержался цѣлую ночь всадникъ съ лошадью, полетѣвшій подъ кручу; а еще раньше, не доѣзжая Салтинскаго моста, почтовая тройка скатилась внизъ. Пристяжныя погибли; повозка разлетѣлась въ дребезги, ямщикъ сильно разбился, а коренникъ отдѣлался лишь легкими ушибами и пошелъ опять «въ гонъ».

По противоположному, лѣвому берегу кой-гдѣ виднѣются слѣды дороги, то «Шамилевская тро-

*) Описаніе возстанія горцевъ въ 1877 г. и защита Салтинскаго моста помѣщены ниже, послѣ писемъ.

па». Современная дорога, прорубленная по разработанному плану, въ горныхъ скатахъ, несмотря на свои значительные недочеты, отличается отъ Шамилевской тропы, точно паркетъ отъ деревенскихъ ухабовъ, а вѣдь по старому пути ходили наши отряды, возили артиллерію, передвигали обозы.—Какихъ страшныхъ трудовъ и усилій требовало подобное полное опасностей движеніе нашихъ войскъ!..

Съ каждымъ шагомъ все ближе придвигаемся мы къ высоко поднимающему свои вершины Гунибъ-дагу. Далеко, далеко виднѣется бѣлый домъ начальника округа, точно ласточкино гнѣздо, прилѣпленное къ скалѣ. Съ горы струятся маленькія водопады. Одѣтыя зеленью горы смотрятъ привѣтливо и ничѣмъ не напоминаютъ о тѣхъ страшныхъ событіяхъ, которыхъ онѣ были свидѣтелями, не напоминаютъ и о той крови, которой онѣ въ волю напились за время долголѣтней Кавказской войны. Проѣхать Гунибскій мостъ, подняться по утомительному подъему въ гору, въ укрѣпленіе, — и конечный пунктъ нашего путешествія въ горы достигнутъ.

ПИСЬМО V.

22-го мая 1895 г.

Гунибъ! Въ 1859 году это слово было у всѣхъ на устахъ. Тогда онъ вдругъ возвысился на степень резиденціи имама. Но недолго пришлось Гунибу рисоваться въ этой роли; дни величія Шамиля были тогда уже сочтены. Князь Барятинскій, со дня назначенія намѣстникомъ, дѣятельно занялся усиленной подготовкой покоренія Восточнаго Кавказа.

Отдавая должное способностямъ и успѣшной дѣятельности князя, нельзя его не упрекнуть въ томъ, что, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, онъ слишкомъ роскошно обставлялъ Кавказъ войсками и администраціею. Организація гражданскаго и военнаго управленія Кавказа въ 50-хъ годахъ принимаетъ грандіозныя формы. Въ Тифлисѣ учреждено было главное управленіе, подраздѣленное на департаменты. Вмѣсто отдѣльнаго корпуса организована цѣлая Кавказская армія.

Какъ все это было далеко отъ простоты Ціціанова и Ермолова!..Требованіе новыхъ силъ и средствъ вынудило Императора Александра II къ слѣдующему заявленію *): «Я увѣренъ, что съ свѣтлымъ государственнымъ умомъ его, онъ (кн. Барятинскій) не будетъ терять изъ виду, что Кавказъ есть часть Россіи и что Россія въ правѣ отъ него требовать, чтобы, при теперешнемъ затруднительномъ нашемъ финансовомъ положеніи, онъ съ своей стороны помогалъ ей уменьшеніемъ, а не увеличеніемъ расходовъ».

Глядя на громадныя затраты, можно было утѣшаться лишь тѣмъ, что князь Барятинскій быстрыми шагами шелъ къ умиротворенію Кавказа. Главнымъ исполнителемъ плановъ главнокомандующаго явился генералъ Евдокимовъ, человѣкъ неустанной энергіи и желѣзнаго характера. Уроженецъ Кавказа, онъ, получивъ самое ограниченное образованіе, поступилъ юнкеромъ въ полкъ и затѣмъ посвятилъ себя всего боевой службѣ. Выдѣляющаяся храбрость, здравый смыслъ и отличное знаніе мѣстныхъ условій сравнительно скоро выдвинули его. Еще въ молодые годы князь Барятинскій присматривался къ дѣятельности не знавшаго устали Евдокимова, служившаго тогда по народному управленію. Впослѣдствіи, въ бытность свою намѣстникомъ, онъ оцѣнилъ его по достоин-

*) «Русская старина» 1882 г.

ству и пользовался широко способностями и опытомъ этого генерала. Немало было порицателей у Евдокимова и порицателей, имѣвшихъ силу; но князь Барятинскій не обращалъ вниманія на сплетни, извинялъ Евдокимову его слабости и былъ усерднѣйшимъ предстателемъ за него передъ Государемъ. Намѣстникъ быстро двинулъ своего любимца по пути отличій и доставилъ ему даже графскій титулъ.

Евдокимовъ постепенно выбиваетъ мюридовъ изъ самыхъ затаенныхъ чеченскихъ тѣснинъ. «Дагестанцы,—пишетъ Ѳадеевъ*),—дрались упорно, никогда не уступая безъ боя чужой для нихъ земли, но ичкеринскіе чеченцы оказывали сопротивленіе только подъ глазами тяготѣвшихъ надъ ними союзниковъ». 1-го апрѣля 1859 года Евдокимовымъ былъ взятъ послѣдній оплотъ Шамиля въ Чечнѣ, его тамошняя резиденція—Ведено. Какое значеніе имѣло это событіе на весь ходъ войны, можно судить по слѣдующимъ строкамъ изъ письма намѣстника къ Евдокимову**): «Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя на устахъ у каждаго. Великій день былъ для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ обявилъ мнѣ о взятіи Ведено».

---

*) Р. Ѳадеевъ, «60 лѣтъ Кавк. войны», стр. 97.

**) «Русскій Архивъ» 1889 г., кн. 2, стр. 293—294.

Наступила очередь Дагестану, этому гнѣзду мюридизма. Долгіе предшествующіе годы постоянной борьбы истощили этотъ край. Народъ стоналъ отъ постояннаго сверхъестественнаго напряженія. Нужно было только удивляться, откуда брались тѣ жизненные соки, которые питали воинствующій Дагестанъ. По первому зову всякій домохозяинъ, имѣвшій хотя пару быковъ, обязанъ былъ являться верхомъ въ ополченіе и продовольствовать себя за свой счетъ. Ополченія собирались, упорно дрались за родную землю и геройски умирали въ борьбѣ карлика съ гигантомъ.

Стратегическія соображенія заставляли иногда Шамиля оголить отъ поселеній ту или другую мѣстность, и тогда онъ, не стѣсняясь, переселялъ жителей на новыя мѣста и разорялъ старые аулы. Послѣдніе годы, помимо прежнихъ тягостей, прибавилось еще для горцевъ новое горе, въ видѣ старшаго сына Шамиля — Кази-Магомеда, изображавшаго изъ себя маленькаго тирана. Усиленное наше движеніе впередъ въ 1856—1859 годы заставляло дагестанцевъ выставлять свои лучшія силы въ Чечню, Салатавію и Лезгинскую линію. Разгромъ русскими областей, пограничныхъ съ Дагестаномъ, былъ смертнымъ приговоромъ и для суровой «страны горъ».

Князь Барятинскій собралъ возможно большее число войскъ, чтобы покончить однимъ ударомъ. Ему удалось стянуть для движенія въ глубь Да-

гестана около сорока тысячъ штыковъ и шашекъ. Остальные двѣсти тысячъ *) человѣкъ Кавказской арміи не могли быть тронуты; они разстаяли по различнымъ укрѣпленіямъ и этапамъ.

Долгая, исполненная случайностей и неожиданностей Кавказская война пріучила относиться скептически къ экспедиціямъ, пріучила не придавать имъ рѣшающаго значенія. Такъ и на этотъ разъ ни въ Петербургѣ, ни даже на Кавказѣ не вѣрили въ скорое окончаніе военныхъ дѣйствій; но князь Барятинскій былъ другого мнѣнія и далеко заранѣе до взятія Гуниба назначилъ своего адъютанта Тромповскаго сопровождать Шамиля въ Петербургъ. Лѣтомъ 1859 года наши колонны: генерала Евдокимова — изъ Ведено, полковника Кауфмана изъ Шатоя, барона Врангеля изъ Буртуная, генерала Манюкина изъ Шуры и князя Меликова съ Лезгинской линіи двинулись на приступъ Дагестанскихъ горъ.

Шамиль перенесъ свою резиденцію въ дагестанскій Килятль. Имамъ сжигалъ всѣ аулы на лѣвомъ берегу Койсу и силою угонялъ жителей Андіи на правый берегъ, защищенный длинной линіей горскихъ укрѣпленій. Переправы были разрушены.

Предосторожности эти однако не могли удержать могучаго русскаго потока. Авангардъ отряда

---

*) Р. Ѳадеевъ, стр. 106.

Врангеля, благодаря находчивости нашихъ охотниковъ и подполковника Девеля, а также распорядительности и мужеству полковника Ѳ. Ѳ. Радецкаго, въ виду непріятеля, устроилъ переправу у Согрытло. Неожиданное для Шамиля появленіе нашихъ войскъ по правую сторону Андійскаго Койсу рушило его планы. Онъ кидался по Дагестану, какъ раненый левъ. А русскіе все подвигались ближе и ближе къ центру.

Манюкинъ, овладѣвъ бывшимъ когда-то нашимъ фортомъ Бурундукъ-Кале, переправился у Зирянъ черезъ Аварское Койсу и соединился съ Врангелемъ 22-го іюля. Въ этотъ же день Лезгинскій отрядъ разгромилъ общество Анкратль и Илонхеви.

Сильныя наши колонны охватили Шамиля съ фланговъ и угрожали его тылу.

Многіе аулы, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, выслали депутатовъ съ выраженіемъ покорности.

Мирная волна прокатилась по горамъ. Наибы представляли въ русскій лагерь шамилевскія знамена. Укрѣпленія Игали, Улу-Кале и Чиркатъ положили оружіе. Въ громадномъ, славномъ своимъ боевымъ прошлымъ, аулѣ Чохѣ, приверженцы Шамиля хотѣли еще защищаться, но мирная партія одержала верхъ и сама принудила воинствующихъ очистить укрѣпленіе. Передавшійся въ 40-хъ годахъ на сторону Шамиля, числившійся прежде

генераломъ русской арміи, Элисуйскій султанъ Даніилъ-Бекъ сдалъ укрѣпленный аулъ Ирибъ съ девятью орудіями и отправился съ повинной къ главнокомандующему. Свирѣпый мюридъ Кибитъ-Магома и тотъ со всѣмъ обществомъ Тилитль отступился отъ имама и выразилъ покорность русскимъ.

Оставаться долѣе въ Килятлѣ Шамилю было невозможно, и онъ рѣшилъ укрыться на горѣ Гунибъ. По дорогѣ туда ему пришлось испытать горькое разочарованіе. Жители общества Куяды не пропустили *) по своимъ землямъ его, Шамиля, недавняго полнаго властелина, и успѣли даже отбить у него тридцать два вьюка съ разнымъ добромъ...

У Шамиля еще было достаточно силы, чтобы испепелить непокорный аулъ, но нельзя было терять времени, и онъ спѣшилъ запереться на Гунибѣ.

Тяжелыя чувства должны были волновать стараго имама. Столько лѣтъ мечемъ, огнемъ и силою своей проповѣди сбивалъ онъ горцевъ въ одно государство, и вдругъ все это разноплеменное зданіе разлѣзлось по всѣмъ швамъ. Почва ускользала изъ подъ его ногъ. Онъ не могъ не видѣть, что это не простая экспедиція прежнихъ временъ, не набѣгъ только для разоренія ауловъ;

---

*) «Военн. Сборн.» 1859 г., № 10, стр. 508.

нѣтъ, отовсюду надвигались сильныя колонны и грозной силой врѣзывались въ самое сердце изстрадавшагося за долгую борьбу, исходящаго кровью Дагестана. Гордый имамъ не могъ допустить мысли о подчиненіи общему влеченію утомленныхъ дагестанцевъ явиться на поклонъ къ русскому начальству. Да и какъ еще русскіе примутъ его?!.. А быть можетъ звѣзда еще и не совсѣмъ закатилась и удастся отсидѣться?.. Лишь бы русскіе дали передохнуть измученному Дагестану, а тамъ заблудшіе вновь обратятся на путь истины и явятся подъ его зеленое знамя.

И Шамиль забрался съ своей семьей на Гунибъ. Подлѣ него осталось четыреста мюридовъ и лишь три наиба: Гебиръ Андійскій, Дебиръ Хунзахскій и Нуръ-Магомедъ Сугратлинскій. Эта горсть храбрецовъ составляла все воинство, которое онъ могъ противопоставить нашимъ силамъ. Шамиль, глядя на небольшую группу приближенныхъ, сказалъ*): «У меня были братья, которыхъ я считалъ панцырями; но вотъ они стали моими врагами. Я считалъ ихъ за мѣткія стрѣлы. Да! Они были таковы, но только теперь въ моемъ сердцѣ».

Потомъ онъ замѣтилъ: «Если бы я довѣрялъ русскимъ, то непремѣнно помирился бы теперь съ ними, съ тѣмъ, чтобы они дозволили мнѣ

---

*) Гаджи-Али. «Сб. св. о горцахъ», вып. VII, стр. 61—62.

уѣхать въ Мекку, и потомъ посмотрѣлъ бы на горцевъ, какъ они будутъ раскаиваться, когда русскіе начнутъ вертѣть на ихъ головахъ жернова мукъ и наказаній...»

Наши войска тѣснымъ кольцомъ охватили Гунибъ. Здѣсь сосредоточились почти*) исключительно баталіоны 21-й дивизіи, которой издавна приходилось всегда вести борьбу съ дагестанскими мирюдами.

25-го августа войска двинулись на штурмъ Гуниба. Малочисленный гарнизонъ Шамиля геройски дрался съ нашими колоннами, которымъ приходилось преодолѣвать чрезвычайныя мѣстныя препятствія и карабкаться по крутымъ скатамъ.

Не имѣя возможности сбить съ Гуниба штурмующихъ, Шамиль съ оставшимися еще въ живыхъ мюридами заперся въ аулѣ.

Князь Барятинскій приказалъ прекратить перестрѣлку и предложилъ сдаться.

Вотъ какъ Гаджи-Али описываетъ этотъ историческій моментъ**): «Когда увеличились крики со всѣхъ сторонъ, чтобы кто-нибудь изъ довѣренныхъ Шамиля былъ высланъ къ главнокомандующему, Шамиль позвалъ меня и приказалъ идти заключить миръ съ русскими и просить пощады. Я вышелъ изъ селенія съ товари-

*) Въ отрядѣ былъ еще баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка.

**) «Сб. св. о кавк. горцахъ», вып. VII, стр. 66—68.

щемъ Юндсомъ Чиркеевскимъ. На пути мы встрѣтили полковника Лазарева, который указалъ намъ дорогу къ главнокомандующему. Князь Барятинскій принялъ насъ очень ласково и сказалъ намъ, чтобы мы представили къ нему Шамиля. Возвратясь въ селеніе, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммеда съ семействомъ и мюридами въ мечети. Мы сказали Шамилю, что главнокомандующій проситъ его, чтобы онъ пришелъ, и что не будетъ никакой измѣны. Но Шамиль уже приготовился защищаться, положивъ передъ собой шапку и заткнувъ полы за поясъ. Онъ рѣшился умереть, а потому отвѣчалъ намъ: «Вы должны сражаться, а не говорить мнѣ, чтобы я шелъ къ главнокомандующему! Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день». Кази-Мухаммедъ сказалъ Шамилю: «Я не хочу сопротивляться, я выйду къ русскимъ; а ты, если хочешь, то дерись!» Шамиль очень разсердился; даже женщины, которыя находились въ мечети съ оружіемъ въ рукахъ, стали стыдить и ругать Кази-Мухаммеда за его трусость, а нѣкоторыя проклинали его. Въ такомъ положеніи мы оставались до четырехъ часовъ. Затѣмъ Шамиль, видя измѣну сына, согласился идти къ главнокомандующему. Мы всѣ обрадовались. Одѣвъ Шамиля, мы посадили его на лошадь, при чемъ онъ, обратясь къ дѣтямъ своимъ, сказалъ имъ: «Будьте покойны теперь, Кази-Мухаммедъ и Шофи-Мухаммедъ. Вы начали

портить дѣла мои и докончили своею трусостію». Шамиль выѣхалъ изъ селенія въ сопровожденіи пѣшихъ мюридовъ. Увидѣвъ его, всѣ войска, которыя находились вокругъ селенія, закричали: «Ура!» Шамиль испугался и возвратился въ селеніе, думая, что его обманутъ и убьютъ. Но одинъ изъ числа мюридовъ, Мухаммедъ-Худанатъ-оглы гоцатльскій, сказалъ Шамилю: «Если ты побѣжишь, то этимъ не спасешься; лучше я убью сейчасъ Лазарева и начнемъ газаватъ». Въ то время впереди русскихъ отдѣльно стоялъ полковникъ Лазаревъ, который, замѣтивъ насъ, сказалъ: «Куда вы возвращаетесь? не бойтесь! между нами не будетъ измѣны». Шамиль возвратился и подъѣхалъ къ барону Врангелю, который поздоровавшись съ нимъ, отправилъ его къ главнокомандующему. Доѣхавъ до ставки главнокомандующаго, Шамиль слѣзъ съ лошади; здѣсь взяли его и представили главнокомандующему».

За современнымъ укрѣпленіемъ Гунибъ верховая дорога ведетъ къ березовой рощѣ, у которой князь Барятинскій, сидя на камнѣ, принималъ имама. Художники Горшельтъ и Виллевальде занесли этотъ эпизодъ на полотно.

26-го августа 1859 года, въ день коронованія императора Александра II, по войскамъ Кавказской арміи отданъ былъ краткій, но знаменательный приказъ: «Шамиль взятъ. Поздравляю Кавказскую армію».

Если отъ поцѣлуевъ богомольцевъ стираются бронзовыя фигуры святыхъ въ итальянскихъ соборахъ, то неужели не останется никакого слѣда отъ тѣхъ душевныхъ волненій, восторговъ или терзаній, которые испытываютъ люди при видѣ того или другого предмета?!.. Не можетъ быть, чтобы такія сильныя проявленія не отражались какимъ-либо образомъ и на предметѣ поклоненія.

За тридцать шесть лѣтъ много народу стояло здѣсь въ тѣни березовой рощи у знаменитаго камня. Какія разнообразныя чувства волновали туземцевъ и русскихъ при видѣ того мѣста, гдѣ подписанъ былъ смертный приговоръ независимости Восточнаго Кавказа...

Надъ камнемъ Барятинскаго теперь сдѣланъ наметъ. Хотѣлось бы видѣть тутъ что-нибудь болѣе грандіозное, болѣе отвѣчающее важности событія.

Послѣ взятія Гуниба, Шамиля вмѣстѣ съ семьей подъ конвоемъ драгунъ повезли въ Россію: сначала въ Петербургъ, а потомъ на постоянное жительство въ Калугу.

Имамъ былъ видимо очень доволенъ ласковымъ пріемомъ и не могъ пожаловаться на матеріальную обстановку. Въ горахъ онъ такъ мало видѣлъ удобства и роскоши, что на отпускаемыя ему отъ казны средства онъ въ Калугѣ могъ жить не нуждаясь.

Гаджи-Али, разсказывая*) о семьѣ Шамиля, не-

*) «Сборникъ свѣд. о горцахъ», вып. VII, Гаджи-Али, стр. 69 — 79.

одобрительно относится къ изнѣженности его сыновей. Они «не довольствовались (въ Дагестанѣ) чуреками изъ чистой пшеницы, а ѣли еще пловъ изъ рису и кромѣ китайскаго чаю пили кофе». Отецъ же ихъ, «когда останавливался у наибовъ, то просилъ угощать себя хинкаломъ и калмыцкимъ чаемъ». Вотъ какой спартанскій образъ жизни велъ властитель Дагестана.

Жизнь свою окончилъ Шамиль въ Меккѣ.

Окольничій, талантливый авторъ описанія событій, потрясшихъ Дагестанъ въ 40-хъ годахъ, характеризовалъ имама такими словами: «Шамиль — геній. Если бы онъ родился гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, во Франціи — онъ потрясъ бы міромъ. Въ исторіи онъ станетъ наряду съ Чингисъ-Ханомъ и Тамерланомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы имъ въ дѣйствительности, если бы судьба не свела его съ могущественною монархіею, борьба съ которой не можетъ быть успѣшна. Успѣхи оружія и энергія настоящихъ дѣйствій на Кавказѣ смирятъ этого грознаго владыку горъ; съ гибелью или смертью его, война должна кончиться, потому что есть много данныхъ предполагать, что ему не будетъ дано преемниковъ. Такіе люди родятся вѣками и вызываются на поприще обстоятельствами, которыя не часто повторяются».

Съ плѣненіемъ Шамиля дѣйствительно присмирѣлъ и весь воинствовавшій Восточный Кавказъ.

Современный Гунибъ представляетъ цѣлый маленькій городокъ казармъ и домиковъ для войскъ и чиновъ народнаго управленія. Все это обнесено крѣпостной стѣной. Въ самомъ укрѣпленіи и за его оградой роскошно зеленѣютъ деревья и огороды. Воды въ волю, она повсюду журчитъ въ видѣ водопадовъ и каскадовъ. Съ балкона дома начальника округа открывается чудная картина. На югъ уходитъ вдоль плоскогорье, за которымъ поднимаются горные исполины, и внизъ по теченію Кара-Койсу сбѣгаютъ къ рѣкѣ крутые скаты, на террасахъ которыхъ прижались окутанные деревьями аулы.

Вглядываясь въ мѣстность отъ Кизиль-Яра до Гуниба и зная, что сосѣдніе съ ними Аварскій и Кумухскій округи представляютъ такую же пересѣченную поверхность и въ которую рѣдкими оазисами вкраплены плодородныя точки, можно смѣло сказать, что здѣсь не могутъ укрѣпиться сколько-нибудь значительныя поселенія русскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Уйди отсюда горцы, и три четверти Дагестана на сотни лѣтъ обратятся въ полную пустыню. Великое счастье, что дагестанцы офиціально покорились до 1864 года и ихъ силой не выселяли съ горъ и не предлагали выбора между Турціей или устройствомъ на плоскости, какъ это было впослѣдствіи съ адигейскими племенами. Изъ Дагестана уходили тогда лишь желающіе перекочевать въ предѣлы единовѣрной Турціи.

Такихъ набралось, впрочемъ, немало, и не одинъ десятокъ тысячъ перебрался отсюда въ Анатолію на горе себѣ и не на радость туркамъ.

Переселеніе это убавило населеніе, но аулы все-таки выжили эту операцію, выжили они и экзекуцію послѣ возстанія 1877 года. Тогда много народу было выселено въ Европейскую Россію. Многіе изъ нихъ погибли въ непривычныхъ условіяхъ, а оставшіеся въ живыхъ вернулись въ родныя пепелища и зажили старой жизнью.

Русскому поселянину здѣсь не за что взяться. Одно время существовало предположеніе о устройствѣ казачьихъ поселеній въ горахъ. Въ письмѣ отъ 25-го іюля 1844 года военный министръ, графъ Чернышевъ, предлагалъ тогдашнему командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгардту поселить три-четыре полка по теченію Аварскаго Койсу. Хорошо, что кипѣвшая тогда бойня въ Дагестанѣ не позволяла предпринять подобный рискованный шагъ. Набрались бы бѣды несчастные казаки и ихъ семьи.

Нѣтъ, обработку горъ надо оставить привычнымъ къ нимъ горцамъ; а казачьи поселенія устроить необходимо на плодородной прибрежной Каспійской плоскости, а также по нижнему Самуру и по Алазани, такъ, чтобы они кольцомъ стянули Дагестанъ. Въ горахъ казачьи поселки мыслимы лишь при штабъ-квартирахъ нашихъ войскъ. Среди же воинственнаго населенія нагорныхъ мѣст-

ностей—въ Ботлихѣ, Хунзахѣ, Гунибѣ, Чирахѣ и Ахтахъ необходимо всегда имѣть сильные регулярные гарнизоны. Тогда при всякомъ волненіи можно въ корнѣ его затушить, а не дожидаться подкрѣпленій, карабкающихся въ тревожныя минуты, обыкновенно, черезъ всякія препятствія съ плоскости и потому достигающихъ цѣли уже тогда, когда пламя разгорѣлось яркимъ пожаромъ.

Сравнивая прежнія войска съ современными, нельзя не видѣть, что артиллерія и инженерныя части сильно спеціализировались и отодвинулись отъ главнаго рода оружія—пѣхоты. Теперь уже немыслимо, чтобы ротный командиръ, подобно Цатанихскому Дементьеву, самъ работалъ банникомъ, строилъ редуты и взрывалъ мины. Проще было прежде! Конечно, подобная простота немыслима для борьбы съ усовершенствованнымъ Западомъ; но цѣлесообразно ли всегда придерживаться одинаковой организаціи, какъ для обороны Вислы, такъ и для Дагестана или Памировъ? Для плохо вооруженнаго народнаго ополченія, сидящаго однако за каменными аульными стѣнами, орудійный выстрѣлъ, даже изъ самой неусовершенствованной пушки и выпущенный не на основаніи изученія таблицъ стрѣльбы, произведетъ впечатлѣнія болѣе, чѣмъ движенія отлично обученной роты, вооруженной бездымными скорострѣлками. Съ азіатскимъ противникомъ и средства борьбы должны быть иныя. Вотъ почему мнѣ

кажется, что въ составъ тѣхъ отдѣльныхъ резервныхъ баталіоновъ, которые бы составили гарнизонъ нагорнаго Дагестана, было бы въ высшей степени желательно включить по горно-артиллерійскому взводу. Въ этихъ штабъ-квартирахъ нужно во что бы то ни стало завести казачьи слободки, которыя дали бы возможность держать при каждомъ баталіонѣ для развѣдочной службы мѣстныя конныя казачьи команды.

Почтовый трактъ отъ Шуры до Гуниба очень бѣдно снабженъ лошадьми, такъ что въ тѣ дни, когда назначена почта, приходится высиживать на станціяхъ. Мы торопились въ одинъ день и притомъ засвѣтло сдѣлать переѣздъ изъ Гуниба въ Дешлагоръ. Встали спозаранку, а лошадей все нѣтъ. Выбраться намъ удалось лишь въ девять часовъ и то на тройкѣ вмѣсто четверика; а въ другой экипажъ запрягли «вольныхъ», съ тѣмъ, чтобы на слѣдующей станціи воспользоваться обратными почтовыми.

На Салтинской почтовой станціи, стоящей вдали отъ поселеній, русскій приказчикъ одинъ съ своей семьей среди ямщиковъ-мусульманъ. Только силой привычки можно объяснить, что здоровый и грамотный человѣкъ соглашается за 18 рублей въ мѣсяцъ вести безпокойную жизнь, вдали отъ русскаго жилья, въ душной, лихорадочной норѣ, подлѣ которой даже нѣтъ ни садика, ни огорода.

Опять потянулись тѣ же скалы, тѣ же стремнины и обрывы.

Маленькая христіанская колонія служащихъ въ Левашахъ въ праздничныхъ костюмахъ и веселомъ настроеніи встрѣтила насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Незамѣтно пролетѣло время за роскошнымъ завтракомъ, и мы выбрались въ дальнѣйшій путь только въ три часа. Наша компанія увеличилась двумя моими товарищами по училищу, полковниками-грузинами и однимъ инженеромъ. Мы направились черезъ Мекечинскій перевалъ въ Дешлагоръ. Несмотря на то, что нашъ путь пролегалъ по проселочной дорогѣ, она намъ показалась сначала лучше почтовой. По мѣрѣ удаленія отъ Левашей мѣстность становится плодороднѣе, показываются, вмѣсто бѣдныхъ обработанныхъ лоскутьевъ, цѣлыя поля, засѣянныя пшеницей и ячменемъ. Бойкія лошади живо докатили насъ до перевала. Теперь скоро и «плоскость». Невольно хочется взглянуть назадъ, на оставленный за нами нагорный Дагестанъ. Издали и непривѣтливыя окрестности Левашей съ голыми возвышенностями, освѣщенными близкимъ къ закату солнцемъ, имѣли свою прелесть. Что-то таинственное рѣяло надъ этимъ дикимъ и грандіознымъ пейзажемъ. Человѣческая рука за цѣлыя тысячелѣтія не измѣнила ничего. Здѣсь никогда не было ни зданій, ни дорогъ, ни вырубленныхъ лѣсовъ и насаженныхъ садовъ. Чуть

виднѣвшіяся Леваши боязливо прятались за горную складку, и застывшая горная волна царила во всю ширь своей богатырской натуры...

На перевалѣ дулъ довольно сильный вѣтеръ, пришлось застегнуть пальто на всѣ пуговицы. Притаившись за вершиной, насъ ждала подстава. Мы не стали дожидаться перепряжки и, послушавъ добраго совѣта одного изъ бывалыхъ полковниковъ, вышли изъ экипажа и пошли пѣшкомъ по крутому спуску. Пріятно расправить засидѣвшіяся ноги, которыя охотно сами бѣгутъ подъ гору. Отдѣлившись отъ другихъ, я съ однимъ офицеромъ довольно далеко ушелъ впередъ, а экипажи все еще не подъѣзжали. Наконецъ, сзади послышался топотъ лошадей и окрики моего петербургскаго спутника. Онъ торопилъ насъ вернуться назадъ, такъ какъ троечная коляска слетѣла подъ кручу вмѣстѣ съ ямщикомъ и лакеемъ Александромъ.

Офицеръ не вѣрилъ этому сообщенію.

— Эхъ, батюшка, не обманете. Навѣрное «той» устроили.

Энергичный петербуржецъ выходилъ изъ себя и, весь красный отъ напряженія, кричалъ совершенно надсѣвшимся голосомъ:

— Ахъ, какой тамъ, прости Господи, «той»!— Можетъ быть, два человѣка до смерти разбились, а вы шутите. Скорѣе, господа!

Мы примолкли и направились назадъ. Хорошее

расположеніе духа, не оставлявшее насъ до сихъ поръ всю дорогу, сразу куда-то улетѣло.

— Въ жизнь свою такого ужаса не видѣлъ, вновь заговорилъ петербуржецъ.—Я еще говорю полковнику: зачѣмъ ямщикъ такъ гонитъ лошадей? А тутъ поворотъ. Ка-акъ они загремятъ внизъ... Ужасъ! ужасъ, что такое! Тамъ каша какая-то.

Къ счастью, страхи оказались напрасными: коляска на-лету задержалась на выступѣ. Ямщикъ и лошади отдѣлались лишь незначительными ушибами, лакей Александръ предусмотрительно заранѣе сошелъ съ козелъ. Колескѣ досталось больше—оглобли разлетѣлись въ дребезги.

Вся наша компанія сжалась въ два экипажа. Послѣ Кизильярскаго подъема мы привыкли къ горнымъ дорогамъ и не безпокоились о крутизнѣ спусковъ и отсутствіи парапетовъ. Теперь же подъ живымъ впечатлѣніемъ крушенія мы стали значительно осмотрительнѣе. Ямщикъ, на видъ совсѣмъ мальчикъ, плохо справлялся съ сытымъ сѣрымъ четверикомъ. Правый дышловой не слушался возжи и немилосердно тянулъ вправо.

При первомъ большомъ спускѣ къ намъ обернулось испуганное, обвѣтренное, красное лицо Александра.

— Встанемте, господа, Ей-Богу лучше встанемте! заговорилъ растерянный лакей.

Мы нерѣшительно переглянулись, но юркій, весьма разговорчивый инженеръ насъ задержалъ.

— Нѣтъ, господа, останемтесь. Неужели вы боитесь? Вѣдь тутъ не гора, а сущіе пустяки.

Мы остались. Однако пустяки оказались довольно непріятными. На одномъ изъ поворотовъ, когда конецъ дышла описывалъ кругъ надъ спускомъ, правая дышловая потянула въ свою сторону. Непріятная секунда... Инженеръ мигомъ вскочилъ и приготовился выпрыгнуть, но это ему не удалось. Мой петербургскій спутникъ крѣпко схватилъ его за ногу и злобно заговорилъ:

— Нѣтъ, вы не выскочите, вы слишкомъ храбры. Вѣдь тутъ пустяки, а не горы...

— Какой вы, право, странный! Что же мнѣ дѣлать. Погибать съ вами за компанію. Благодарю покорно. Вчера я подъ дождемъ ѣхалъ изъ Хунзаха въ Леваши и не позволялъ поднять верхъ въ колескѣ на случай, если прійдется выскочить— вѣдь въ этомъ одно спасенье.

Со слѣдующаго крутого спуска мы сошли пѣшкомъ. Наши разговоры о крушеніяхъ видимо разстроили и беззаботнаго ямщика. Онъ просилъ свести подъ узцы праваго дышлового. Александръ ни за что не хотѣлъ подойти къ лошадямъ, и пришлось нянчиться съ четверикомъ старому кавказскому офицеру.

— Ваше благородіе, я на васъ надѣюсь... Тпрр! Ваше благородіе, я надѣюсь. Бормоталъ съ козелъ ямщикъ и предоставилъ свой четверикъ на попеченіе бывалаго офицера.

Наконецъ дорога пошла ровнѣе. Горы стали привѣтливѣе и веселѣе. Съ лѣвой стороны по камнямъ шумитъ быстрая рѣчка. Въ одномъ мѣстѣ спускающійся къ дорогѣ скатъ прорѣзанъ оригинально узкою щелью, стѣны которой высоко поднимаются надъ журчащимъ внизу ручейкомъ. По сторонамъ дороги встрѣчаются отдѣльные домики и хуторки, не особенно солидной конструкціи. Сюда изъ сосѣднихъ ауловъ на лѣто для полевыхъ работъ спускаются горцы и живутъ какъ бы на дачѣ.

Становится темно.

— Сколько осталось верстъ до Дешлагара? спрашиваемъ ямщика.

— А кто ее знаетъ. Я здѣсь сегодня въ первой.

— Тутъ, кажется, скоро мостъ долженъ быть?

— Не, тутъ мостъ долженъ быть снесенъ. Тутъ моста я никакого не видѣлъ. Надо въ бродъ ѣхать.

Всѣмъ это не нравилось, а петербургскій спутникъ въ особенности выходилъ изъ себя.

— Какъ же ты переѣдешь? Ты насъ Богъ знаетъ куда вхлюпаешь?!

— Ничего, проѣдемъ какъ-нибудь.

Наконецъ, мы у переправы.

Впередъ поѣхалъ нукеръ, а за нимъ грузно бухнулась въ рѣчку и наша тяжелая коляска.

— Валяй, что будетъ! крикнулъ ямщикъ.

Вода быстро неслась у насъ подъ ногами. Колеса гулко перекатывались по галькамъ, мы тихо

двигались вверхъ по теченію, отыскивая болѣе удобнаго выѣзда на берегъ. Наконецъ ямщикъ круто повернулъ, ухнулъ, и четверикъ, несмотря на крутой откосъ, лихо выкатилъ экипажъ на берегъ.

— Молодецъ! крикнулъ петербуржецъ и сунулъ рублевку на чай кучеру.

Вскорѣ мы выбрались изъ ущелья на плоскость. Вдали на легкой возвышенности свѣтились привѣтливо огоньки штабъ-квартиры Самурскаго полка Дешлагара. Дорога шла по берегу этой же рѣчки, проѣвшей себѣ въ черноземѣ и глинѣ глубокое ложе. Ямщикъ норовилъ все ѣхать по самому краешку дороги. Удивительная у нихъ сноровка выводить изъ себя моего петербургскаго спутника...

Наконецъ, маленькій подъемъ, и мы покатили по Дешлагарской набережной къ полковому собранію, гдѣ намъ, восьми гостямъ, любезно было отведено помѣщеніе. Подлѣ клуба на бульварѣ игралъ отличный полковой хоръ музыкантовъ и гуляли мѣстные обитатели. Послѣ нашихъ скитаній по пустыннымъ горамъ, маленькая сутолока глухого мѣстечка казалась намъ оживленіемъ. Отъ набережной спускались внизъ сады и скрывались подъ ночнымъ покровомъ. Оттуда слышалось несмолкаемое щелканье соловьевъ и вѣяло пріятной прохладой.

Скоро музыка перешла на хоры собранія, а мы заняли мѣста за столомъ, обильно уставленными всякими закусками, водками и винами. Послышались тосты, запѣли грузинскую заздравную, мо-

тивы которой подхватилъ музыкантскій хоръ, и маленькія путевыя невзгоды вскорѣ были забыты.

На утро, въ Духовъ день, сначала моросилъ дождь, а потомъ показалось солнышко и освѣтило чудную панораму садовъ, веселыхъ горъ и виднѣвшагося на горизонтѣ моря.

Окутанная деревьями полковая церковь стоитъ на площади, окруженной новыми казармами и командирскимъ домомъ съ хорошенькимъ садомъ. Праздничный звонъ колоколовъ весело переливается по окрестнымъ холмамъ. Настанетъ ли когда-нибудь время, когда перезвонъ сотенъ колоколовъ будетъ разноситься по всѣмъ дагестанскимъ горамъ?! Заблестятъ ли золотые кресты вмѣсто печальныхъ, непривѣтливыхъ минаретовъ?!.. Внутри храма стѣны убраны разнообразными древесными вѣтвями и гирляндами цвѣтовъ. Полъ густо усыпанъ роскошной, ароматной травой. Изъ зелени пріятно выдѣляется рѣзной орѣховый иконостасъ безъ позолоты и мишуры съ образами безъ металлическихъ окладовъ,—произведеніе кисти одного изъ старыхъ самурскихъ офицеровъ.

Полкъ въ лагеряхъ, и потому военныхъ немного, зато радуютъ глазъ молящіяся крестьянскія семьи, переселившіяся на постоянное жительство въ Дешлагаръ.

Въ своихъ «Очеркахъ Кавказа» я отмѣчалъ уже настоятельную необходимость стройной организаціи переселенія въ южную часть Терской обла-

сти, въ Приморскій Дагестанъ, Кубинскій и Ленкоранскій уѣзды. Пока переселенцы здѣсь являются пасынками, и многимъ изъ нихъ отказываютъ въ приписк‍ѣ къ поселкамъ. Дѣло устройства русскихъ поселеній на Восточномъ такъ же, какъ и на Западномъ Кавказѣ, дѣло большой государственной важности. Земля здѣсь есть; правда, она не размежована, но свободныя пространства несомнѣнно существуютъ. Можно недорого пріобрѣсти и у частныхъ владѣльцевъ. Нужно однако скорѣе этимъ озаботиться, пока не захватили все въ свои руки пришлые инородцы. Безъ правительственной помощи обойтись нельзя. Послѣдняя ярче всего можетъ выразиться въ покупкѣ черезъ посредство крестьянскаго банка въ пустѣ лежащей земли, въ устройствѣ путей сообщенія, ирригаціонныхъ сооруженіяхъ, постройкѣ храмовъ, школъ съ образцовыми садами и виноградниками.

Не можетъ человѣчество не любить тепла и солнца, не можетъ оно не желать тянуться къ югу. Нужно только показать дорогу и облегчить путь. Мы, русскіе, такъ и измерзлись на сѣверѣ, что намъ для возбужденія жизнедѣятельности необходимо обогрѣться на югѣ, а не обрекать добровольно себя сибирскимъ, еще горшимъ, климатическимъ условіямъ. Мы раздвигаемъ давно политическую границу на югъ; плодами пролитой крови пользуются разные инородные ловкіе люди, а русскіе продолжаютъ на своихъ плечахъ выносить тяготы окраинныхъ дефицитовъ.

ПИСЬМО VI.

29-го мая 1895 г.

Отдохнувъ въ самой гостепріимной обстановкѣ въ Дешлагарѣ, мы направились далѣе на югъ, черезъ Каякентъ, Джемикентъ, Ханъ-Мамедъ-Калу, въ Дербентъ. Зеленыя горы отступаютъ все дальше и дальше, и мы послѣ двухъ-трехъ сравнительно небольшихъ спусковъ выѣзжаемъ на совершенно ровную мѣстность, въ Прикаспійскую полосу. Много здѣсь земли втунѣ пустуетъ. И какой земли! Хлѣба здѣсь буйные, и покосы роскошные.

Гонъ на станціяхъ не большой. Лошадей въ волю, и онѣ, играючи, катятъ насъ по гладкой дорогѣ. Въ Каякентѣ мы остановились у одного бека.

Хозяинъ, гигантъ встрѣтилъ насъ верхомъ съ нукерами еще за околицей аула. Жители высыпали на улицу и привѣтливо кланялись незнакомымъ урусамъ. Въ 1877 году это же селеніе да-

леко недружелюбно привѣтствовало нашу колонну. Подъ Каякентомъ отрядъ Теръ-Асатурова имѣлъ серьезное дѣло съ повстанцами, и молодое аульное поколѣніе, отставшее послѣ 1859 года отъ боевого дѣла, не только узнало пороховой дымъ, но и убѣдилось въ разрушительномъ дѣйстіи гранаты и картечи. Можетъ быть—многіе изъ тѣхъ, которые съ такими улыбающимися, добрыми лицами кланяются намъ, участвовали во время послѣдняго возстанія въ разгромѣ мѣстнаго конвойнаго поста и, съ кремневками въ рукахъ, дрались съ нашими баталіонами. Бѣдные жители поплатились сильно за желаніе поднять газаватъ. Многихъ перестрѣляли, многіе побывали на поселеніи въ Россіи. Послужило ли все это имъ хорошимъ урокомъ?

Домъ бека мало чѣмъ отличается отъ другихъ большихъ сакель, но внутри отдѣланы чистенькія комнатки. Есть и кабинетъ, и кунацкая, и столовая. Имѣется здѣсь и европейская мебель, кровати съ безукоризненнымъ бѣльемъ и исполинскими подушками, есть и письменный столъ съ фотографіями и разными бездѣлушками.

Бекъ устроилъ угощенье на славу. Главной приманкой былъ конечно классическій шашлыкъ съ разнообразными придатками и цѣльный барашекъ. Послѣ завтрака мы простились съ милыми двумя кавказскими полковниками, съ истинно-кавказ-

скимъ радушіемъ провожавшими насъ съ горныхъ вершинъ до самаго каспійскаго берега.

За Каякентомъ тянется довольно значительный лѣсъ. Здѣсь мѣста богаты дичью. Въ особенности много кабановъ и фазановъ. Въ шестидесятыхъ годахъ въ этомъ лѣсу поселился отставной унтеръ-офицеръ Самурскаго полка Лущикъ, замѣчательный охотникъ. Онъ устроилъ избушку и блаженствовалъ по-своему, считая себя полнымъ господиномъ лѣса. Лущикъ лѣчилъ окрестныхъ жителей разными травами и ветеринарными снадобьями. Каякентцы вѣрили въ его медицинскія познанія, питали къ нему почтеніе и считали охотника за колдуна. Когда въ 1877 году искра возстанія заронена была въ Каякентѣ, то старый самурецъ сейчасъ же примѣтилъ, что дѣло неладно и ему не сдобровать. Въ ожиданіи вспышки, онъ не оставался ночевать въ своей хижинѣ, а въ глухомъ углу свилъ себѣ гнѣздо на деревѣ и тамъ спалъ. Желая избавиться отъ близкаго контролера, аульные жители надумали отправить охотника на тотъ свѣтъ; но такъ какъ ему, какъ колдуну, никакой кинжалъ, никакая пуля не были, по ихъ мнѣнію, страшны, то они и рѣшили сжечь Лущика въ то время, когда онъ будетъ спать. Въ темную ночь партія зачинщиковъ возмущенія въ аулѣ пробралась къ охотничьей сторожкѣ и притаилась за кустами, въ ожиданіи, когда Лущикъ заснетъ. Въ хаткѣ свѣтился огонекъ, и охотникъ,

отходя ко сну, молился передъ образомъ. Скоро свѣчка погасла, и все смолкло. Тогда потихоньку подползли къ избѣ, обложили ее камышомъ и сухими вѣтками и подожгли. Каякентцы ликовали—колдунъ сгорѣлъ. Они и не подозрѣвали, что догадливый самурецъ потихоньку выбрался и забрался въ свое гнѣздо.

Каково же было ихъ удивленіе и ужасъ, когда вскорѣ вмѣстѣ съ войсками пришелъ старикъ и указалъ всѣхъ участвовавшихъ въ поджогѣ.

Послѣ усмиренія возстанія Лущикъ безбоязненно вновь поселился въ Каякентскомъ лѣсу, гдѣ и прожилъ въ полномъ спокойствіи до своей кончины.

За Каякентомъ на юго-западѣ въ горахъ прячутся Башлы. Здѣсь въ 1810 году разыгрались печальныя событія. Дагестанъ, мало еще занятый русскими войсками, заволновался, желая протянуть руку помощи Чечнѣ, которую Ермоловъ началъ сжимать желѣзными объятіями. Генералъ Пестель, думая предупредить окончательное возстаніе каракайтагцевъ, занялъ двухтысячнымъ отрядомъ аулъ Башлы *). Именно этотъ шагъ и послужилъ толчкомъ къ общему возстанію.

Отовсюду стремились горцы на выручку башлинцевъ. Вооруженная толпа росла, и скоро 20-ти тысячное скопище охватило селеніе со всѣхъ сто-

---

*) Н. Дубровинъ, т. VI, стр. 319.

ронъ. Пестель, не ожидая подобнаго оборота дѣла, не принялъ во-время нужныхъ мѣръ. Непріятель успѣлъ ворваться въ Башлы, и многіе изъ нашихъ солдатъ погибли въ одиночку. Подполковникъ Мищенко и маіоръ Износковъ не растерялись и въ общей суматохѣ все-таки успѣли собрать возлѣ себя часть отряда, заняли замокъ владѣтеля—уцмія и рѣшились дорого продать свою жизнь. Трое сутокъ отрядъ оставался безъ пищи, крова и сна. Трое сутокъ шла несмолкаемая перепалка, и наши грудью встрѣчали постоянныя атаки горцевъ.

Наконецъ и они утомились, и ополченіе ихъ стало расходиться. Тогда нашъ гарнизонъ штыками проложилъ себѣ дорогу и благополучно выбрался изъ страшной западни.

Дорого пришлось поплатиться прикаспійскимъ ауламъ за ихъ возмущеніе: Башлы, Джемикентъ, Берикой, Дели-Чебанъ, Ханъ-Мамедъ-Коли были разорены Ермоловымъ...

Давно все это было. Теперь спокойно, тихо.

По дорогѣ проѣзжаемъ мимо усадьбы помѣщика-христіанина. Здѣсь это очень рѣдкое явленіе. Подлѣ дома съ большимъ бельведеромъ идутъ постройки длинныхъ конюшень. Молодецкой наружности хозяинъ пригласилъ насъ взглянуть на его усадьбу.

— Э! такъ строить нельзя. Безъ поперечныхъ

стѣнъ конюшни вѣтромъ свалитъ,—замѣтилъ инженеръ.

— Вотъ пустяки! Отчего имъ валиться. Вѣдь стропилы на крышѣ не позволятъ стѣнамъ падать.

— Ваша постройка совершенно противорѣчитъ строительному уставу.

— Ну, буду я еще здѣсь съ уставами справляться. Смотрите на мой бельведеръ, Махинище поразительное! Цѣлый замокъ! Инженеры меня тоже останавливали: или, говорили, отъ собственной тяжести провалится, или вѣтромъ ее сшибетъ, и она домъ завалитъ, а вотъ, видите, любуйтесь, восьмой годъ стоитъ цѣлехонькій. Любодорого посмотрѣть. Ц-цъ!—причмокнулъ онъ.

Строитель пригласилъ насъ въ домъ. Туда надо было проходить по какимъ-то зыбкимъ жердочкамъ. Въ нижнихъ комнатахъ устроена экипажная мастерская. Стоятъ англійскія броки, карета, виднѣются колеса съ резиновыми шинами. Впечатлѣніе такое, что будто мы не въ прикаспійскомъ захолустьѣ, а у Неллиса или Брейтигама. Такъ какъ въ домѣ кромѣ мастерской нечего было смотрѣть, то хозяинъ вывелъ насъ на крылечко, приказалъ подать чаю и угостилъ выводкою рысистыхъ лошадей. Нѣкоторые были дѣйствительно интересные экземпляры и по словамъ коннозаводчика стоили большихъ тысячъ. По двору бродили худые, но породистые щенята — юные отпрыски большой псарни, съ которой выѣзжаетъ помѣщикъ

на охоту. За службами виднѣлся виноградникъ, видимо не пользовавшійся особой симпатіей хозяина. Любезный помѣщикъ оставлялъ насъ у себя отобѣдать, прибавляя между прочимъ, что поваръ недурной, платитъ онъ ему 40 рублей въ мѣсяцъ. Но намъ нужно было торопиться, да и мы были еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ каякентскаго угощенія. Подивившись оригинальному хозяйничанью широкой, богатырской натуры, мы поблагодарили за гостепріимство и двинулись въ путь. На этотъ разъ намъ попался замѣчательно искусный ямщикъ-персіанинъ. Правую руку онъ гдѣ-то потерялъ; однако это нисколько не мѣшало ему съ замѣчательнымъ искусствомъ управлять четверикомъ рѣзвыхъ и очень строгихъ лошадей.

По гладкой дорогѣ экипажъ катился со скоростью двадцати верстъ въ часъ, но лишь только приходилось переѣзжать ухабъ или рытвину, какъ по мановенію руки волшебника-ямщика борзые кони умѣряли бѣгъ и потомъ снова припускали во весь духъ. Ни раньше, ни позже мы такъ лихо уже не ѣздили.

По сторонамъ виднѣются поля не только пшеницы, ячменя, пшена и кукурузы, но и рисовыя плантаціи—чалтыки. Культура этого питательнаго растенія требуетъ затопленія особо приготовленныхъ, огражденныхъ валиками площадокъ. Въ результатѣ вредныя испаренія, разносящія по ближайшимъ окрестностямъ упорныя лихорадки. Впро-

чемъ съ вредоносностью чалтыковъ многіе не согласны.

По дорогѣ встрѣчаются туземцы съ несомнѣннымъ семитическимъ профилемъ—это горскіе евреи Откуда они занесены на Кавказъ? Знаменитый изслѣдователь кавказскихъ нарѣчій II. Усларъ *) говоритъ, что съ большою вѣроятностью можно предположить, что значительная часть вавилонскихъ плѣнниковъ евреевъ была поселена въ Закавказьи, начиная отъ юго-западнаго берега Каспійскаго моря до юго-восточнаго берега Чернаго.

Впослѣдстіи армянскіе цари еще не разъ выводили большія партіи переселенцевъ изъ Іерусалима. Западно-кавказскіе евреи, подготовленные къ воспринятію великихъ истинъ, много способствовали массовому распространенію христіанства въ армянскомъ царствѣ. Евреи, сдѣлавшись христіанами, перестали чуждаться иноплеменниковъ и вскорѣ путемъ браковъ вполнѣ слились съ армянами и частью съ грузинами, надѣливъ ихъ своими талантами и способностями.

Восточные іудеи подпали подъ гнетъ персовъ. Пережившіе всякія невзгоды, потомки ихъ усвоили себѣ татскій (персидскій) языкъ, переняли отъ мѣстныхъ жителей многіе нравы и обычаи, но остались вѣрны религіи праотцевъ.

Горскіе евреи живутъ и въ городахъ, и дерев-

---

*) «Сборникъ свѣд. о горцахъ», вып. II, стр. 5.

няхъ. Въ Дагестанѣ они ютятся главнымъ образомъ въ раіонѣ Дербента. Они недурно справляются съ полевыми работами и усердно ухаживаютъ за своими виноградниками. Въ качествѣ наемныхъ рабочихъ они цѣнятся ниже настоящихъ горцевъ, но зато переносятъ свободно лѣтній зной, тогда какъ у другихъ жителей нагорнаго Дагестана, лѣтомъ, по ихъ выраженію, «голова пухнетъ», и они съ наступленіемъ жаровъ не соблазняются никакими выгодными условіями и уходятъ домой въ горы.

За Джемикентомъ приходится переправляться въ бродъ черезъ многоводный Буганъ. Рѣчка стремительно катитъ сильную струю, и экипажъ не можетъ выдержать такого натиска. На берегу насъ встрѣтили десятки перевозчиковъ въ одномъ исподнемъ платьѣ. Они съ гикомъ бросаются въ воду, подбадриваютъ лошадей и, придерживая коляску за колеса и крылья, выносятъ насъ благополучно на другой берегъ. При переправѣ ноги пришлось поднять на сидѣнье, такъ какъ вода заливала коляску. Благодаря предусмотрительно продѣланнымъ въ экипажѣ отверстіямъ, вода скоро вытекла, а горячее солнце сейчасъ же все обсушило.

Жители, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, гурьбами выходятъ навстрѣчу. Выѣзжаютъ и верховые на мѣстныхъ горячихъ лошадяхъ, по своимъ статьямъ напоминающихъ карабаховъ.

Русскіе землевладѣльцы въ Дагестанѣ составляютъ большую рѣдкость: два, три и обчелся. За

послѣдніе годы недалеко отъ Дербента, графъ Воронцовъ-Дашковъ пріобрѣлъ одно изъ бывшихъ уцміевскихъ имѣній—Геджухъ. Въ этомъ помѣстьѣ въ теченіе шести лѣтъ обработано восемьдесятъ десятинъ винограду. Съ горы открывается видъ на гигантскій, мощный темно-зеленый виноградникъ, разбитый на правильные кварталы. Мало кто изъ частныхъ владѣльцевъ имѣетъ такую большую площадь правильныхъ насажденій. Вино еще не вышло въ продажу, но тѣ, кто пробовалъ, отзываются съ большой похвалой о его качествахъ. Устройство воронцовскихъ виноградниковъ начинаетъ уже благотворно отражаться на садахъ окрестныхъ жителей, которые, подъ руководствомъ ученаго винодѣла и садовода, практически усвоиваютъ себѣ усовершенствованные пріемы посадки, обрѣзки кустовъ и приготовленія вина.

Подлѣ имѣнія графа Воронцова-Дашкова тянется возвышенность подъ именемъ Иранъ-Харабъ—погибель Персіи. Здѣсь виднѣются остатки укрѣпленнаго лагеря персидскаго Надиръ-шаха, разгромленнаго горцами и принужденнаго отказаться отъ завоеванія нагорнаго Дагестана.

Отодвинувшіяся было совсѣмъ отъ моря горы начинаютъ своими зелеными скатами придвигаться опять поближе къ Каспію, а у Дербента совсѣмъ сбѣгаютъ къ нему, оставляя лишь узкую полосу для свободнаго проѣзда.

Персіяне давно поняли стратегическое значеніе

этого пункта и устроили здѣсь крѣпость, монументальныя стѣны которой уходили въ самое море. Прежде каменная ограда далеко тянулась въ горы и служила защитой отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ дагестанцевъ. Въ настоящее время городскія стѣны находятся въ полуразрушенномъ состояніи. Не пощадило ни время, ни люди цитадели, которая господствовала надъ всѣмъ городомъ, расположеннымъ у ея ногъ. Здѣсь полное разрушеніе. Не такъ давно еще были приспособленія для квартированія войскъ, но теперь — это жалкія руины.

Съ цитадели открывается красивая панорама моря и террасами спускающихся къ нему городскихъ домовъ съ плоскими крышами и длинными зелеными бордюрами садовъ. Мнѣ вспомнился видъ на Геную...

Подлѣ цитадели тѣснятся небольшіе двухъ-этажные дома мусульманъ съ миніатюрными двориками, въ которыхъ шелестятъ одинокія деревья. Улицы въ этой части города настолько узки и съ такими уступами и подъемами, что проѣхать по нимъ въ экипажѣ невозможно.

Въ мусульманскомъ кварталѣ высится древняя довольно большая мечеть; а подлѣ нея во дворѣ храма гордо поднимаютъ голову надъ всѣмъ городомъ исполины-платаны.

Ниже мусульманскаго расположились армянскій и еврейскій кварталы. Ближе къ морю тянется

бѣдная, невзрачная слободка, тутъ же строятся казармы резервнаго баталіона. Петръ Великій, занявъ Дербентъ, устроилъ себѣ домикъ у самаго берега и тѣмъ показалъ, гдѣ надо было строиться горожанамъ, но они какъ-то до послѣдняго времени отворачивались отъ моря, предпочитая жаться поближе къ цитадели. Тамъ, гдѣ должны были быть красивыя виллы, теперь пока зеленѣютъ огороды, отъ которыхъ сильно пахнетъ лукомъ и чеснокомъ.

Дербентъ богатъ садами. Въ особенности южная его окраина на большое разстояніе покрыта сплошь виноградниками и плодовыми деревьями. Городъ и весь его раіонъ славятся фруктами и винодѣліемъ, хотя и то и другое ведется по старинѣ, безъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій.

Не заботясь особенно о качествахъ плода, мѣстные жители, главнымъ образомъ, бьютъ на количество. Есть виноградники, которые, въ виду очень частой посадки кустовъ и поливки, даютъ до 800 ведеръ вина, точнѣе сусла. Но цѣна этому продукту ничтожная. Доходитъ иногда до 40 копѣекъ и то не всегда можно найти покупателя. Выдерживать вина въ Дербентѣ не умѣютъ, да и негдѣ ихъ выдерживать, такъ какъ сносныхъ погребовъ почти нѣтъ.

А между тѣмъ климатическія и почвенныя условія въ Дербентѣ крайне благопріятны для по

становки винодѣлія на высокую степень совершенства. Но ни знаній, ни капиталовъ тутъ нѣтъ...

Фрукты и столовый виноградъ, по неимѣнію порта и желѣзной дороги, доставляются внутрь Россіи изъ Дербента съ большими затрудненіями. При этомъ приходится, во избѣжаніе скорой порчи, посылать совсѣмъ незрѣлые плоды и тѣмъ подрывать добрую славу мѣстныхъ сортовъ. Что же касается раннихъ черешень, вишень, абрикосовъ, алычи, то ихъ безъ желѣзной дороги и думать нельзя отсюда высылать.

Съ теченіемъ времени на долю дербентскаго раіона выпадетъ, вѣроятно, долгъ снабжать виномъ и фруктами Приволжье и Сибирь.

Я уже указывалъ, что здѣсь нѣтъ знаній и капиталовъ. Первому горю отчасти помочь можетъ лишь устройство въ Дербентѣ школы садоводства; а второму—приливъ русской предпріимчивости на югѣ.

Изъ Персіи ежегодно привозятъ въ Россію болѣе чѣмъ на три милліона рублей разныхъ фруктовъ и консервовъ. Все это можно было бы получить съ Кавказа.

Конечно, при этомъ является желаніе, чтобы выручаемыя за это деньги попали въ руки русскихъ переселенцевъ, которые необходимо должны двинуться сюда.

Мы радуемся, что за послѣднее время хлопокъ въ значительномъ количествѣ идетъ изъ Турке-

стана, и уменьшается привозъ его изъ Америки. Я также не печалюсь, глядя на усиленіе хлопковаго производства; но и не могу приходить въ восторгъ. Кто получаетъ выгоды отъ среднеазіатскаго хлопководства? Главнымъ образомъ производители—нерусскіе. Положимъ, всѣ мы поддан-ные одного государства, но невольно хочется, чтобы кусокъ послаще достался своему, родному. Слишкомъ ужъ долго русскій народъ потомъ и кровью жертвовалъ въ пользу южныхъ окраинъ; пора ему и попользоваться существенно отъ нихъ, а не смотрѣть равнодушно, какъ всякіе пришельцы будутъ нашими руками жаръ загребать, предоставляя намъ попрежнему пользоваться ржаными и ячменными полями, кислыми яблоками, клюквой и морошкой.

Да, нужно внести больше эгоизма съ тѣмъ, чтобы облегчить тяготы русскаго хлѣбопашца и открыть ему свободный доступъ въ болѣе благословенныя страны.

Прежде, до открытія анилиновой краски, Дербентъ являлся главнымъ поставщикомъ марены. Обработка плантацій этого красильнаго растенія и была главнымъ занятіемъ окрестныхъ жителей. Цѣна на марену стояла высокая, и прикаспійскіе дагестанцы получали громадныя заработки. Но вотъ химія сгубила здоровую простоту. Природа уступила искусству; при чемъ достоинство тканей

съ анилиновой окраской оказалось значительно ниже маренной. Однако рынокъ не желаетъ знать этихъ подробностей,—онъ требуетъ дешеваго товара, а слѣдовательно и химической окраски.

Смертный часъ мареноводству пробилъ, и бывшіе богачи, владѣльцы большихъ плантацій, разорились безвозвратно. Въ землѣ и до сихъ поръ лежатъ плоды затраченныхъ капиталовъ. Прежде пудъ марены стоилъ 8—15 руб., а теперь ее берутъ неохотно за 30 копѣекъ.

Утромъ въ четыре часа приходитъ пароходъ изъ Баку. Лишь только появляется онъ на рейдѣ, какъ отъ берега при крикѣ и гвалтѣ матросовъ-адербейджанцевъ отваливаютъ нагруженныя киржимы и подъ парусами идутъ къ пароходу, бросающему якорь въ почтительномъ разстояніи отъ берега. Непріятно болтаться въ лодкѣ у трапа и затѣмъ, цѣпляясь за поручень, взбираться на палубу! Во время волненія пароходъ зачастую не останавливается, проходитъ мимо. Иногда скоро разводящаяся зыбь заставляетъ капитана, не докончивъ нагрузки, уходить въ море.

Можно себѣ представить, какъ это тяжело отзывается на коммерческомъ движеніи товаровъ. Никто не можетъ даже съ приблизительной достовѣрностью опредѣлить время отправки и прибытія грузовъ, а нужно принять во вниманіе, что изъ Дербента вывозится много винограду и фруктовъ, т. е. товаровъ скоро портящихся. Нельзя

не обратить вниманія, на прискорбное отсутствіе въ Каспійскомъ морѣ защитныхъ портовъ. Во время нерѣдкихъ бурь кромѣ Баку и Петровска судамъ негдѣ укрыться и онѣ гибнутъ въ морской пучинѣ...

Неудобство открытаго рейда, давно уже заботило дербентцевъ, и въ разгаръ маренной горячки приступлено было къ образованію капитала на постройку порта путемъ взиманія особаго попуднаго сбора съ отправляемой марены. Собрано было около 250 тыс. рублей. Прошло уже болѣе четверти столѣтія, капиталъ долженъ былъ бы удвоиться и составить уже значительный фондъ къ открытію работъ по устройству небольшого защитнаго порта. Оказывается, что деньги, принятыя въ казну, были своевременно израсходованы на другія неотложныя, но не дербентскія нужды.

Почившій Императоръ Александръ III обратилъ вниманіе на ущербъ, нанесенный Дербенту, и выразилъ рѣшительное желаніе, чтобы обиженный городъ былъ вознагражденъ за долготерпѣніе. Надо надѣяться, что въ виду этого, скоро вырастетъ молъ, который прикроетъ отъ каспійскаго волненія приходящія въ Дербентъ суда. Дай-то Богъ!

Слухи ходятъ, что Владикавказская дорога собирается построить питательную вѣтвь отъ Петровска до Дербента *). Линія эта длиною съ немно-

*) Въ настоящее время проектъ дороги принялъ реальную форму. 250 т. повелѣно возвратить Дербенту.

гимъ сто верстъ, проходя по совершенно ровной мѣстности и пересѣкая лишь небольшія рѣчки, обойдется недорого и свяжетъ Россію съ плодороднымъ фруктовымъ и рисовымъ раіономъ. Конечно, постройка этой вѣтви благопріятно отзовется на приморскомъ Дагестанѣ; но это лишь одинъ этапъ къ соединенію съ Закавказьемъ черезъ Баку и продолженіемъ главной линіи черезъ Ленкорань и Персію къ Индійскому океану.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ не умолкаетъ споръ о томъ, какой желѣзнодорожной линіи должно быть дано преимущество — Перевальной черезъ главный хребетъ или Прикаспійской. А возъ и нынѣ тамъ. Россія до сихъ поръ не соединена съ Закавказьемъ, не соединена и съ Персіей. Затративъ 12 милліоновъ въ теченіе трехъ лѣтъ можно было бы внутреннія губерніи связать непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ Закавказьемъ, пробудить къ жизни богатѣйшіе округа — Кайтага-Табасаранскій, Кюринскій и Кубинскій и проложить кратчайшій путь изъ Европейской Россіи къ самому торговому кавказскому центру — къ Баку. Впослѣдствіи, при наростаніи средствъ, можно было бы позволить себѣ и роскошь тоннеля черезъ гигантскій хребетъ; но теперь, казалось бы, долженъ быть осуществленъ наиболѣе доступный и дешевый способъ соединенія съ Закавказьемъ — именно проложеніе рельсовъ по гладкому и не пустынному, а сравнительно населенно-

му каспійскому побережью. Такой дорогѣ не страшны случайности обваловъ и возможности захвата въ непріятельскія руки.

Очень жалко, что въ вопросѣ о направленіи желѣзно-дорожной линіи интересы Дагестана представлены очень слабо. Нѣтъ здѣсь ни богатыхъ помѣщиковъ, нѣтъ ни фабрикантовъ, ни коммерсантовъ, имѣющихъ голосъ. А пора заступиться за этотъ уголокъ Россіи, который можетъ принести посильную пользу отечеству, но для этого необходимъ приливъ сюда русскихъ соковъ по удобному, желѣзнодорожному пути.

Ходятъ слухи о проектѣ постройки въ Персію желѣзной дороги отъ Карской линіи черезъ Эриванъ. Дорога въ Персію можетъ имѣть значеніе лишь при условіи соединенія ея съ общей сѣтью россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Слѣдовательно, до постройки линіи черезъ главный хребетъ, Эриванскій путь не будетъ играть выдающейся роли. Когда же можетъ быть осуществлено грандіозное сооруженіе кавказскаго тоннеля?! И какія средства понадобятся на это! Можетъ ли такая исключительно горная дорога служить интересамъ большого коммерческаго грузового движенія?

Не проще ли вести линію черезъ забытый Ленкоранскій уѣздъ и затѣмъ черезъ богатѣйшія въ Персіи прикаспійскія области; т. е. такимъ путемъ, который освященъ исторіей; путемъ, который не отстранитъ и Волгу отъ міровой дороги.

По линіи Петровскъ—Дербентъ—Ленкорань, при желаніи правительства, удобнѣе всего двинуть русскія колоніи, въ видѣ казачьихъ поселеній и занять для нихъ роскошные уголки съ мягкимъ климатомъ. Въ раіонѣ же Эривани и далѣе въ Персіи дорога прорѣжетъ армянскія поселенія, среди которыхъ нѣтъ мѣста русскимъ селамъ.

Пароходъ уходитъ отъ красиво разсыпавшагося по горѣ Дербента и отъ его зеленыхъ садовъ. Вдали, на югѣ, величественно вздымается своей сѣдой вершиной Шахъ-дагъ. Судно держится недалеко отъ берега, и черезъ шесть часовъ мы уже въ Петровскѣ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ далекій 2,500-верстный путь на сѣверъ, въ Петербургъ.

Что же нужно Дагестану?

Нуженъ притокъ русскихъ силъ, нужны школы, нужны дороги.

Возстаніе въ Дагестанѣ въ 1877 году [1]).

Вспышки въ 1866 году въ южномъ Дагестанѣ, въ Табасарани, а въ 1871 году «въ горахъ», въ Ункратлѣ, уже показывали, что, при случаѣ, пламя можетъ вновь разгорѣться. Наступилъ 1877 годъ, и вскорѣ открылась вторая Восточная война. Дагестанъ былъ, повидимому, настолько спокоенъ, что оттуда предполагали двинуть 21 пѣхотную дивизію на турецкую границу. Но выступить противъ турокъ не привелось дагестанскимъ полкамъ, имъ оказалось много дѣла и въ постоянномъ своемъ раіонѣ.

Первыя волненія обнаружились въ Чечнѣ, а оттуда перебросились въ Дагестанъ, сначала въ Гум-

---

*) Въ интересахъ лучшаго ознакомленія съ Дагестаномъ я прибавляю къ своимъ письмамъ и небольшой очеркъ о возстаніи 1877 года. Свѣдѣнія заимствованы главнымъ образомъ изъ рукописныхъ источниковъ и исторіи Самурскаго полка, составленной Подп. Петровымъ.

бетовскомъ и Дидоевскомъ обществахъ а потомъ и по всей области.

Для пресѣченія начавшагося броженія въ распоряженіе начальника нагорнаго Дагестана, полковника князя Накашидзе двинуто было — 2 баталіона и горная полубатарея. Первый аулъ, въ который приходилось дагестанскимъ войскамъ вступить съ бою, былъ Сіухъ. Сравнительная дальнобойность и скорострѣльность нашихъ ружей не давали возможности горцамъ удерживаться на позиціи, они несли значительныя потери, а сами почти не могли причинить намъ вреда. Въ прежнее шамилевское время вооруженіе горцевъ, не принимая конечно въ разсчетъ артиллеріи, было лучше, чѣмъ наше, и кавказскій солдатъ больше довѣрялъ своему штыку, чѣмъ ненадежной кремневкѣ. Теперь обстоятельства измѣнились, и наши далеко неудовлетворительныя скорострѣльныя винтовки казались горцамъ недосягаемымъ совершенствомъ. При Сіухѣ однихъ убитыхъ горцевъ насчитывали 80 человѣкъ, въ то время какъ у насъ былъ всего одинъ раненый.

Главные зачинщики движенія въ Гумбетовскомъ обществѣ оказались жители Артмуха и Дануха; оба эти аула были уничтожены. Въ виду полученныхъ свѣдѣній о возстаніи дидоевцевъ, весьма важнаго по сосѣдству съ Грузіей общества, отрядъ кн. Накашидзе поспѣшилъ сюда. Остерегаясь втягиваться въ ущелье Койсу, по которому пролегаетъ крат-

чайшій и сравнительно удобный путь, начальникъ отряда предпочелъ перевалить черезъ снѣговой Богозскій хребетъ. Переходъ по трудности своей можетъ быть отнесенъ къ числу героическихъ подвиговъ. Отрядъ выступилъ съ бивака 10-го іюня, въ 4 часа утра, и началъ карабкаться по снѣжнымъ тропинкамъ, только къ 2-мъ часамъ дня взобрался на вершину и къ вечеру спустился къ Планхевскому ущелью.

Дагестанскій отрядъ во-время поспѣлъ въ Дидо, горцы успѣли уже разорить Кадорскую башню и стали проникать въ Алазанскую долину, угрожая Телавскому уѣзду. Наиболѣе укрѣпленнымъ аломъ оказался Асахо, сюда 16-го іюня и пододвинулась колонна князя Накашидзе, въ распоряженіе котораго пришли изъ Кахетіи двѣ роты Тифлисскаго мѣстнаго полка, Сигнахская и Телавская мѣстныя команды и пять сотенъ милиціи.

Въ теченіе двухъ дней, артиллерія и баталіоны осыпали снарядами и пулями асаховскіе завалы и башни. Ассхоевцы не выдержали свинцоваго дождя, вышли изъ аула и просили пощады. Только на крышѣ одной большой сакли мелькали нѣсколько человѣкъ въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ плащахъ. Здѣсь заперлись тридцать семействъ, не желавшихъ положить оружія. На предложеніе сдаться или по крайней мѣрѣ выпустить женщинъ и дѣтей послышались восклицанія: «нашъ домъ—наша могила, наши семейства должны погибнуть съ нами».

Цѣлый день длилась осада баррикадированнаго зданія, женщины наравнѣ съ мужчинами принимали участіе въ защитѣ и, выбѣгая на крышу, бросали каменья въ охотниковъ. Наконецъ милиціонеры обложили саклю горючимъ матеріаломъ и подожгли ее. Когда затрещалъ огонь и пламя еще робко начало облизывать стѣны, опять стали убѣждать осажденныхъ сдаться. Вмѣсто отвѣта раздались выстрѣлы. Нѣкоторые выбѣгали изъ дома съ кинжалами въ рукахъ и бросались на милиціонеровъ, но тутъ же и погибали. Пламя страшнаго костра поднималось все выше и выше, губительный, ѣдкій дымъ душилъ защитниковъ сакли. Вскорѣ рухнула крыша и погребла несчастныхъ фанатиковъ...

Разгромленіе Асахо привело въ трепетъ однообщественниковъ, и въ этомъ околодкѣ всѣ изъявили полную покорность. Въ Терской области на р. Аргуни и въ Ичкеріи волненіе не улегалось и вспыхивало въ разныхъ пунктахъ. Предводитель инсургентовъ Алибекъ жегъ поселенія чеченцевъ и силою заставлялъ жителей приставать къ своей партіи. Поставленные среди двухъ огней, поселяне разбѣгались по лѣсамъ.

Въ то время, какъ по опушкѣ Дагестана пробѣгала электрическая искра возстанія, въ самомъ центрѣ горцевъ приготовлялись серьезныя событія, угрожавшія страшнымъ взрывомъ.

Наши нерѣшительныя дѣйствія на турецкой гра-

ницѣ перетолкованы были, какъ пораженіе. Горское духовенство, вліятельныя лица и наконецъ иностранные эмиссары, присланные черезъ посредство сына Шамиля — Кази-Магомы, увѣряли народъ, что турки двигаются съ трехъ сторонъ къ Чечнѣ и Дагестану, и будто наступило время вновь поднять газаватъ.

Въ большомъ аулѣ Гунибскаго округа Согратлѣ, собрались на совѣтъ дагестанскіе массу и рѣшили развернуть зеленое знамя. Имамомъ былъ избранъ Хаджи-Магометъ, сынъ всѣми почитаемаго столѣтняго старика Абдурахмана-Хаджи.

Вновь зашевелился Дагестанъ, повсюду шныряли агенты, наэлектризовывали горцевъ и увѣряли въ скоромъ прибытіи войскъ султана. Сильныхъ русскихъ отрядовъ нигдѣ горцы не видѣли, а приближеніе турокъ казалось вѣроятно.Соблазнъ стать подъ зеленое знамя былъ великъ, тѣмъ болѣе, что упорство и сопротивленіе здравомыслящихъ могло ихъ привести къ погибели отъ рукъ своихъ односельчанъ; съ приходомъ же русскихъ, по опыту знали горцы, возмутившіеся аулы предавались разрушенію, и тутъ некогда было отличать праваго и виноватаго. Весьма возможно, что многіе, даже большинство жителей, предпочли бы мирныя занятія ужасамъ возстанія; но выбора для нихъ не было— фанатики приступали къ горлу, русская сила была далеко и могла лишь карать, но и то послѣ горскаго страшнаго самосуда. Вольными и невольными

вожаками горцевъ явились: потомокъ казикумухскихъ владѣльцевъ, отставной маіоръ Джафаръ-Ханъ, русскій наибъ ротмистръ Абдулъ-Меджидъ, другой наибъ штабсъ-капитанъ Фатали-бекъ и братъ извѣстнаго Кибитъ-Магомы, прапорщикъ милиціи Муртузали.

Въ южномъ Дагестанѣ во главѣ возмутившихся стали: сынъ бывшаго правителя Кайтага, генерала Джамалъ-бека — Мехти Уцміевъ, потомокъ кюринскихъ хановъ Магометъ-Али и наибъ Кази-Ахметъ-бекъ.

Въ распоряженіи командующаго войсками Дагестанской области, кромѣ сроднившихся съ краемъ полковъ 21-й пѣхотной дивизіи *), были 2 линейныхъ баталіона, 2 кадровыхъ и 9 мѣстныхъ командъ, распредѣленныхъ гарнизонами по укрѣпленіямъ и этапнымъ пунктамъ, два конно-иррегулярныхъ полка, 12 горныхъ и 24 полевыхъ орудія. Оказалось, что войскъ этихъ было недостаточно для удержанія въ покорности Дагестана, и пришлось просить подкрѣпленія. Изъ внутреннихъ губерній доставлены были четыре резервныхъ баталіона, да кромѣ того съ сѣвернаго Кавказа пришли пять баталіоновъ **) съ соотвѣтствующей артилеріей и шесть казачьихъ сотенъ.

*) 2¼ баталіона находились на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Одинъ изъ этихъ баталіоновъ во время возстанія перевезенъ былъ въ Дербентъ. Три ширванскихъ баталіона охраняли Алазанскую долину.

**) Въ числѣ ихъ одинъ пластунскій.

Такимъ образомъ, въ Дагестанѣ собралось около двухъ дивизій пѣхоты и дивизія кавалеріи. Опять повторилась старая, грустная исторія. Горцы оказывали громадную услугу туркамъ.

Въ среднемъ Дагестанѣ, среди немногихъ искусственныхъ сооруженій, громадную важность играетъ желѣзный Георгіевскій мостъ черезъ Кара-Койсу. Салтинское ущелье, въ концѣ котораго переброшенъ Георгіевскій мостъ, представляетъ какъ-бы глубокую и узкую трещину, съ крутыми, часто совершенно отвѣсными боками, въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты. Дорога прорублена въ скалистомъ берегу на высотѣ 30 саженъ надъ рѣкою, которая съ страшнымъ шумомъ бурлитъ и несется по узкому дну ущелья. Занятіе этой переправы горцами перерѣзывало сообщеніе плоскости съ западнымъ Дагестаномъ. Съ весны здѣсь начали возводить мостовыя укрѣпленія, а самый мостъ облицовали листовымъ желѣзомъ. Работу производили чины инженерной команды и вольнонаемные мастеровые. 29-го августа горцы напали на ничтожную горсть русскихъ, бой былъ неровенъ; защитники Георгіевскаго моста дрались отчаянно, но были всѣ уничтожены, и переправа оказалась въ рукахъ ликовавшихъ мятежниковъ, которые, не теряя времени, начали укрѣпляться. Въ тотъ же день вѣсть о взятіи моста понеслась перекатомъ по горамъ. Въ Гунибѣ, гдѣ стоялъ лагеремъ двухъ-баталіонный отрядъ, конечно, очень скоро узнали о гибели команды, и

исправлявшій должность начальника средняго Дагестана полковникъ Войно-Оранскій, захвативъ баталіонъ Самурскаго полка и 2 горныхъ орудія, на рысяхъ бросился къ мосту. Солдаты чувствовали необходимость форсированнаго марша и все время бѣжали. Десятиверстное разстояніе пройдено было въ часъ съ четвертью. Горцы не ожидали такого скораго прибытія и не успѣли еще докончить заваловъ въ ущельи. Послѣ усиленнаго обстрѣливанія роты бросились на мостовую башню и, несмотря на огонь горцевъ, отбили ворота и ворвались туда. Не теряя мгновенія, поручикъ Булгаковъ вмѣстѣ съ охотниками ринулся за перебѣжавшими черезъ мостъ горцами и штыками проложилъ путь къ входу въ оборонительную казарму, выстроенную для укрытія мостового гарнизона. Только-что возведенная постройка успѣла уже обагриться кровью строителей, разрушителей и готова была принять новыя жертвы.

Мостъ съ укрѣпленіями перешелъ въ наши руки, и гарнизономъ здѣсь оставлена была рота поручика Булгакова. Офицеръ этотъ, несмотря на небольшой чинъ, былъ уже старый служака, кавказскій ветеранъ, много «сломалъ» походовъ и въ званіи юнкера успѣлъ заслужить всѣ четыре степени знака отличія военнаго ордена.

На описаніи защиты Георгіевскаго моста я нѣсколько далѣе останавливаюсь, въ виду малой распространенности свѣдѣній объ этомъ геройскомъ дѣлѣ.

Колонна ушла, и мостъ остался на попеченіи Булгакова. Воспользовавшись кой-какимъ оставшимся отъ инженерныхъ работъ матеріаломъ, гарнизонъ дѣятельно принялся за возстановленіе пробоинъ. Внутри моста сдѣлана была изъ бревенъ и досокъ обшивка, повѣшены ворота, пробиты новыя бойницы и пристрѣлкой опредѣлены разстоянія до различныхъ пунктовъ. Сбитые съ позиціи горцы вскорѣ вновь нахлынули къ Георгіевскому мосту и отрѣзали всѣ къ нему доступы. Хотя мѣткая стрѣльба нашей роты и не позволяла горцамъ слишкомъ близко придвигаться къ мосту, но они надѣялись изнурить солдатъ постоянной перестрѣлкой и тогда безъ труда овладѣть переправой.

Днемъ и ночью приходилось быть настороже.

При оставленіи роты на мосту, она была снабжена сухарями по 10-е сентября, мясо же и другіе продукты предполагалось доставлять изъ Гуниба. Но съ занятіемъ мятежниками дорогъ и возведеніемъ на нихъ сильныхъ заваловъ, сообщеніе было прекращено. Поддержаніе сообщенія было не подъ силу не только булгаковской ротѣ, но и полковникъ Оранскій не рѣшался рисковать и отложилъ отправленіе колонны съ продуктами. Въ виду такого оборота дѣла, рота оставалась на сухояденіи. Въ отрядѣ была извѣстна опытность и распорядительность бывалаго и видавшаго виды поручика, начальство знало, что онъ не потеряется и постарается накормить своихъ боевыхъ товарищей.

Къ счастію, 2-го сентября, вблизи моста показалось нѣсколько головъ рогатаго скота. Вѣроятно скотъ былъ направленъ съ цѣлью выманить гарнизонъ изъ башенъ, тѣмъ не менѣе, поручикъ Булгаковъ рѣшился предпринять вылазку; вызвались нѣсколько человѣкъ охотниковъ, которымъ удалось захватить одного быка и при томъ безъ всякихъ потерь съ нашей стороны. И такъ мясо было найдено; но не мало затрудненій представляло снабженіе гарнизона водою. Георгіевскій мостъ виситъ на высотѣ тридцати семи саженъ надъ рѣкою Кара-Кайсу, и на такомъ значительномъ разстояніи представляется затрудненіе къ добыванію воды черезъ люкъ, устроенный въ настилкѣ.

Ведро, прикрѣпленное къ длинной веревкѣ, летало въ глубокую пропасть и, зачерпнувъ воды, раскачиваясь во всѣ стороны и расплескиваясь, лѣниво поднималось на верхъ, а вскорѣ вновь съ шумомъ неслось прильнуть къ холоднымъ волнамъ Кара-Койсу.

Скалистые берега рѣки, по мѣрѣ приближенія ко дну, постепенно суживаются и сдавливаютъ рѣку, оставляя ей лишь узкій проходъ. При постоянномъ вѣтрѣ въ узкомъ проходѣ, ведра бились о горныя стѣны и цѣплялись за острые камни. На одномъ изъ выступовъ праваго берега лежалъ разлагавшійся трупъ одного изъ инженерныхъ солдатъ, сброшенный туда мятежниками послѣ захвата ими Георгіевскаго моста. Такое близкое сосѣд-

ство, помимо тяжелаго впечатлѣнія, сильно заражало воздухъ. Отъ постояннаго употребленія веревка стала перетираться, въ запасѣ былъ лишь конецъ каната.

Когда, наконецъ, порвалась веревка, размотали канатъ, но въ тотъ же день и его не стало, вмѣстѣ съ нимъ въ волнахъ Койсу осталось изможденное и избитое скалами ведро. Вода была близка, но доступъ къ ней невозможенъ. Шумъ рѣки и видъ воды еще болѣе усиливали жажду, и мученія гарнизона становились невыносимыми. Къ чести его нужно сказать, что люди геройски переносили лишенія, и порядокъ ни на минуту не нарушался. Скоро нашли средство выйти изъ такого критическаго положенія: связали солдатскія лямки отъ мѣшковъ, ружейные ремни, и ремни вырѣзанные изъ кожи отбитаго быка; къ этой импровизированной веревкѣ, вмѣсто ведеръ, привязывался ранцевый котелокъ. Можно себѣ представить, сколько труда стоило доставать воду такимъ способомъ и, главное, сколько страданій испытывали сто тридцать человѣкъ, пока съ тридцати-семи-саженной глубины появлялся съ водой на донышкѣ небольшой котелокъ, который, конечно, раскачивался и расплескивался еще сильнѣе, чѣмъ болѣе тяжелое погибшее ведро. Понятно, что такая веревка не могла долго служить; котелки часто обрывались и, 4-го сентября, гарнизонъ остался совершенно безъ воды...

Поручикъ Булгаковъ и достойный помощникъ его подпоручикъ Короновскій своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ поддерживали бодрость духа въ нижнихъ чинахъ и, не предвидя исхода изъ этого ужаснаго положенія, стойко переносили волю судьбы. Провидѣніе сжалилось надъ несчастными; помощь была близка. 5-го сентября, нагорный отрядъ, подъ начальствомъ полковника князя Накашидзе, приблизился къ Георгіевскому мосту и оттѣснивъ мятежниковъ, перешелъ мостъ.

По прибытіи отряда рота была вновь снабжена сухарями по 9-е октября, крупою и мясомъ. Оставлено было также нѣсколько веревокъ и ведеръ.

Съ движеніемъ Нагорнаго и Гунибскаго отрядовъ въ Даргинскій округъ (10-го сентября), гарнизонъ Георгіевскаго моста вновь былъ совершенно отрѣзанъ отъ всѣхъ сообщеній, такъ какъ мятежники, по удаленіи нашихъ войскъ, заняли прежнія свои позиціи.

Нужно ли говорить, съ какою тоскою и сожалѣніемъ слѣдили защитники моста за удалявшимся отрядомъ. Каждаго изъ чиновъ мостового гарнизона всей душой тянуло туда, на просторъ, подальше отъ тѣсной тюремной клѣтки. Какимъ заманчивымъ казался горный походъ, преисполненный также многихъ лишеній. Колонна втянулась въ ущелье и скрылась. Опять однѣ голыя скалы, казалось, еще суровѣе придвинулись къ мосту, а

изъ мѣстныхъ расщелинъ и изъ-за утесовъ вновь стали показываться непріятельскія папахи...

Поручикъ Булгаковъ, въ виду всякихъ могущихъ быть случайностей, рѣшилъ экономить провіантомъ и, съ половины сентября, онъ началъ уже уменьшать порцію сухарей, доведя ее въ послѣдніе дни своего пребыванія на мосту до 1/4 фунта въ день на человѣка. Порціонный скотъ скоро былъ израсходованъ, осталось лишь немного говяжьяго сала; горячая пища варилась изрѣдка. Да и варить ее часто не приходилось, во-первыхъ потому, что добываніе воды было сопряжено съ большими трудностями, вслѣдствіе господствовавшихъ здѣсь въ это время года вѣтровъ; а во-вторыхъ, за отсутствіемъ топлива. Весь лѣсъ, имѣвшійся на мосту, былъ сожженъ, ближайшій кустарникъ вырубленъ и, къ концу сентября, гарнизонъ остался совершенно безъ горючаго матеріала. Георгіевскому гарнизону пришлось испытать и голодъ, и жажду; не замедлилъ появиться и новый недругъ — холодъ. Рота оставлена была на мосту тотчасъ же послѣ дѣла 29-го августа, когда по тревогѣ солдаты вышли въ строй въ гимнастическихъ рубашкахъ и скатанныхъ шинеляхъ; кромѣ этого съ ними не было никакой верхней одежды, даже мундировъ.

Отсутствіе топлива и теплой одежды, а также чрезвычайно утомительная караульная служба дурно отозвались на здоровье солдатъ, многіе заболѣли упорной кавказской лихорадкой, для лѣченія

же въ ротѣ не имѣлось никакихъ средствъ. Въ послѣдніе дни сидѣнія болѣзненность усилилась: появился даже тифъ и двое рядовыхъ сдѣлались жертвою его.

Въ такомъ безотрадномъ положеніи гарнизонъ находился до 16-го октября, когда были съѣдены послѣдніе сухари. Извѣстій изъ отряда никакихъ не получалось. Между тѣмъ мятежники повидимому и не думали снимать блокады и попрежнему занимали высоты, окружающія мостъ. Они укрывались за каменьями и вели перестрѣлку съ гарнизономъ, а по ночамъ спускались на дорогу большими партіями и сильно безпокоили гарнизонъ. Три раза горцы дѣлали отчаянныя безуспѣшныя попытки завладѣть укрѣпленіемъ, но каждый такой приступъ обходился горцамъ очень дорого.

Поручикъ Булгаковъ рѣшился во что бы то ни стало дать знать Гунибскому воинскому начальнику объ угрожающей опасности гарнизону умереть отъ голода.

Но какъ это сдѣлать? Горцы занимали всѣ выходы и, чтобы прорваться черезъ нихъ, требовалась сильная команда, дѣйствія которой открытою силою подняли бы общую тревогу между горцами, и тогда гибель ея была бы неизбѣжна. Конечно, Булгаковъ могъ попробовать пробиться со всей своей ротой къ Гунибскому отряду. Весьма возможно, что онъ и успѣлъ выполнить такое движеніе. Но вѣдь съ уходомъ гарнизона важный стратегическій

пунктъ, Георгіевскій мостъ, оказался бы въ рукахъ горцевъ, и наши отряды были бы разъединены. Не такого закала былъ Булгаковъ, чтобы могъ оставить довѣренный ему постъ... Въ такую критическую минуту къ поручику Булгакову явились двое рядовыхъ: Иванъ Ковалевъ и Степанъ Юдинъ, которые вызвались доставить донесеніе на Гунибъ или умереть, спасая начальниковъ и товарищей. Было рѣшено отправить охотниковъ ночью и переодѣтыми въ горскій костюмъ. Тревожные часы переживалъ мостовой гарнизонъ въ ожиданіи ночи. Удастся ли отважная попытка пробраться черезъ цѣпь? Или двумъ молодцамъ придется сложить сегодня же головы, а товарищамъ ихъ вскорѣ также погибнуть? Вечерѣло. Солдаты, размѣстившись у бойницъ сѣвернаго фаса, съ тоскою посматривали на дорогу, по которой 10-го сентября ушли ихъ товарищи. Вдругъ одинъ изъ часовыхъ крикнулъ: «на перевалѣ кавалерія!» Всѣ бросились къ бойницамъ, и дѣйствительно, на Куппинскомъ спускѣ показались казаки, а за ними авангардъ пѣхоты. Это была колонна полковника Перлика, высланная изъ сел. Куппы. Нужно ли говорить, съ какимъ восторгомъ всколыхнулась изголодавшаяся, измерзшая рота...

Впослѣдствіи поручикъ Булгаковъ за блистательное руководство защитой Георгіевскаго моста награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, и, такимъ образомъ, грудь его увѣнчалась пятью

Георгіевскими крестами—случай исключительный, едва-ли не единственный *).

Пока длилась двукратная блокада Георгіевскаго моста, въ Дагестанѣ совсѣмъ стало не ладно. 30 августа шайки мятежниковъ перерѣзали болѣе сорока солдатъ гунибскаго и хунзахскаго линейныхъ батальоновъ. Бѣдныя жертвы были застигнуты врасплохъ внѣ своихъ штабъ-квартиръ. На другой день горцы на верхнемъ Гунибѣ отбили подъемныхъ лошадей и порціонный скотъ. Положеніе Гунибскаго округа становилось очень серьезнымъ, и сюда двинутъ былъ нагорный отрядъ князя Накашидзе.

Волненіе не остановилось на одномъ Гунибскомъ округѣ, а обозначилось и въ другихъ пунктахъ.

Открыто возстали жители села Согратль, общества Тлессерухъ, Карахъ, Тилитль, Гидатль, Кородо и Куяда. 8 сентября вспыхнулъ бунтъ въ Казикумухскомъ округѣ, въ мѣстности, отличавшейся сравнительною преданностью намъ даже въ шамилевскій періодъ.

Начальникъ Кумухскаго округа, старый кавказецъ, полковникъ Чемберъ приказалъ наибу штабсъ-капитану Фатали-беку отправиться съ милиціей усмирять Согратль; наибъ собралъ ополченіе, но съ тѣмъ, чтобы пристать къ мятежникамъ...

---

*) Въ настоящее время г. Булгаковъ подполковникъ въ отставкѣ.

Въ полночь Абдулъ-Меджидъ и Фатали-бекъ вступили въ Кумухъ и арестовали всѣхъ чиновъ окружного управленія, а на разсвѣтѣ толпы ринулись къ незначительному кумухскому укрѣпленію. Здѣсь гарнизономъ стояли 50 человѣкъ карадахской мѣстной команды. Солдаты не сдались, защищались геройски, наконецъ, выпустивъ всѣ патроны, приняли непріятеля въ штыки и умолкли навсегда подъ натискомъ громадной массы. Сколько разъ въ кавказскую войну геройски погибали и погибали часто безвѣстно эти «мѣстныя команды»!.. Составляй они частицу какого нибудь полка, они прославили бы его, а въ безымянной «мѣстной командѣ» зачастую всѣ эти подвиги мужества и храбрости проходили безслѣдно для исторіи.

Послѣ уничтоженія гарнизона очередь дошла и до чиновъ окружного управленія. Горцы устроили нѣчто въ родѣ суда и затѣмъ безжалостно перебили всѣхъ; трупы сбросили въ пропасть и засыпали камнями. Несчастная семья полковника Чембера, свидѣтельница ужасной расправы, отведена была въ плѣнъ, въ Согратль.

Кумухская рѣзня возбуждающе подѣйствовала на дагестанцевъ, имъ казалось, что наступило время газавата; быстро поднялись общества Цудахаръ, Куппа, Даргинскій округъ и наконецъ волненіе распространилось по всему южному Дагестану.

9 сентября нагорный и гунибскій отряды соединились у Георгіевскаго моста. Вмѣстѣ съ подошед-

шимъ съ плоскости сводным баталіономъ весь отрядъ возросъ до 5 баталіоновъ, сила эта однако считалась недостаточною для энергическихъ дѣйствій, и потому рѣшено было ждать новыхъ подкрѣпленій.

Князь Накашидзе перешелъ къ Ходжалъ-Махи и имѣлъ очень серьезное дѣло при селеніи Куппа, расположенномъ по обѣимъ сторонамъ ущелья.

Въ виду тревожныхъ извѣстій, приходившихъ «съ горъ», князь Меликовъ двинулъ изъ Шуры полковника Теръ-Асатурова съ конно-иррегулярнымъ полкомъ, баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями. У селенія Леваши многочисленное скопище вздумало атаковать отрядъ Теръ-Асатурова. Мятежники не выдержали нашего огня и показали тылъ, тогда вслѣдъ за ними понеслись лихіе всадники-дагестанцы и принялись косить шашками. Мятежники-горцы оставили четыреста человѣкъ убитыхъ, въ числѣ ихъ погибъ измѣнникъ Фаталибекъ. Бой у Леваши происходилъ въ то время, когда отрядъ князя Накашидзе послѣ дѣла у Куппы достигъ Хаджалъ-Махи. На выстрѣлы посланы были авангарды для поддержки Теръ-Асатурова.

Отрядъ князя Накашидзе къ 13 сентября стянулся къ Леваши, а Теръ-Асатуровъ, усиливъ свою колонну, двинулся къ Дешлагару.

Дешлагаръ, штабъ-квартира Самурскаго полка, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовался полнѣйшимъ покоемъ. Когда-то, еще въ началѣ 50-хъ годовъ, зна-

менитый наибъ Шамиля Хаджи-Муратъ появлялся въ окресностяхъ Дешлагара, но появлялся на мгновеніе, чтобы тайкомъ захватить полковыхъ лошадей и скрыться. Стоя нѣсколько въ сторонѣ отъ воинственныхъ горскихъ операцій, Дешлагаръ сравнительно недурно обстроился, окружилъ себя роскошными садами и огородами, раскинувшимися въ плодородной долинѣ, обрамленной зелеными, улыбающимися горами. Отставные женатые солдаты охотно оставались здѣсь доживать свой вѣкъ, и ихъ простенькіе, маленькіе домики образовали здѣсь цѣлую слободку. Немало изъ офицеровъ Самурскаго полка въ Дешлагарѣ родились, выросли и поступили юнкерами на службу.

Всякій житель мѣстечка имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ полку и жилъ его интересами; поэтому понятно, съ какимъ интересомъ слѣдилъ Дешлагаръ за дѣйствіями своего полка и обратно офицеры и солдаты въ походѣ съ нетерпѣніемъ ждали вѣсточки изъ штабъ-квартиры. Семейства офицеровъ и другіе жители форштадта не помышляли о какой-либо опасности, какъ вдругъ отъ командующаго войсками получено было 9 сентября извѣщеніе о возстаніи вблизи Дешлагара и приказано было приготовиться къ защитѣ. Произошелъ страшный переполохъ. Мирные жители бросились въ крѣпость, но и она не могла служить прочной защитой, такъ какъ была укрѣпленнымъ пунктомъ лишь по названію. Съ выступленіемъ полка въ походъ, гарни-

зонъ Дешлагара состоялъ изъ одной роты и различныхъ мелкихъ командъ. Наскоро подновлялись старыя стѣны, свозился въ укрѣпленную часть провіантъ, заготовлялась вода. Горцы прервали сообщеніе съ Деребентомъ и Шурой, испортили водопроводъ, сожгли сѣно и маленькія постройки въ садахъ. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, Мехтибекъ собралъ шайку числомъ до 6 т. и приближался къ укрѣпленію. Онъ не разсчитывалъ на скорую выручку гарнизона и потому не особенно торопился съ нападеніемъ.

12 сентября появились непріятельскіе разъѣзды. О тяжеломъ положеніи Дешлагара въ отрядѣ ничего не знали. Одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, туземецъ, вызвался доставить туда извѣстіе. Дѣйствительно ему удалось обмануть бдительность сторожевыхъ непріятельскихъ постовъ. На мекегинскомъ перевалѣ онъ сообщилъ отряду о пятидневной блокадѣ штабъ-квартиры. Колонна Теръ-Асатурова уже двигалась по направленію къ Дешлагару, пришлось прибавить шагу. Баталіонъ Самурскаго полка спѣшилъ въ свою штабъ-квартиру, гдѣ оставлены были знамена и другія полковыя регаліи, а также имущество офицеровъ и солдатъ.

13 сентября шедшая на помощь Дешлагару колонна сдѣлала въ одинъ переходъ, лишь съ маленькими привалами, 45 верстъ, при чемъ послѣднія двадцать верстъ Самурскій баталіонъ почти бѣжалъ.

Съ появленіемъ подкрѣпленій мятежники, занявшіе передъ тѣмъ сады, стали отступать.

Планы Мехти разрушились. Онъ предлагалъ захватить Дешлагаръ, произвести этимъ впечатлѣніе, оттуда сдѣлать набѣгъ на Петровскъ и тамъ надѣлать намъ много бѣдъ. Богъ хранилъ эти русскіе поселки, одиноко затерявшіеся среди мусульманскаго моря.

Опасность грозила не только Дешлагару, но даже Дербенту. Здѣсь гарнизонъ состоялъ только изъ мѣстной команды въ 472 штыка, а между тѣмъ вокругъ поднимались всѣ горскія общества. Сѣверная Табасарань выбрала своимъ вождемъ прапорщика Умалатъ-бекъ Рустанъ-Кадіева; Южная Табасарань также нашла себѣ предводителя — Асланъ-бека. Возстаніе быстро перекатывалось къ Самуру и вскорѣ взялся за оружіе Кюринскій округъ. Укрѣпленіе Ахты съ гарнизономъ въ 280 человѣкъ было въ крайней опасности. Окрестные жители, впрочемъ, не особенно предпріимчивы и сюда еще не успѣлъ дойти девятый валъ. Немедленно вытребованъ былъ съ восточнаго берега, изъ Красноводска, батальонъ Апшеронскаго полка и часть мѣстнаго батальона изъ Баку.

Отрядъ Теръ-Асатурова по дорогѣ изъ Дешлагара на югъ имѣлъ дѣло съ скопищами у Утемиша, у Каякента и Джемикента. Потери горцевъ были громадны, у насъ же было ранено 26 человѣкъ милиціонеровъ. Возставшіе не могли устоять про-

тивъ болѣе совершеннаго оружія и давали дорогу колоннѣ, двигавшейся на выручку Дербента.

Нужно отдать полную справедливость рѣшительности полковника Теръ-Асатурова, который не терялъ дорогого времени и, не давая опомниться горцамъ отъ новаго для нихъ скорострѣльнаго огня, тѣснилъ ихъ далѣе и далѣе; 23-го сентября отрядъ былъ въ виду Дербента и въ 7 часовъ вечера, «при салютаціонной стрѣльбѣ съ крѣпостныхъ стѣнъ и радостныхъ крикахъ жителей», вступилъ въ городъ.

Прибытіе подкрѣпленій произвело на мѣстныхъ жителей самое радостное впечатлѣніе; «прекратившаяся-было торговля вновь началась; явилась возможность подъ прикрытіемъ карауловъ отъ временной милиціи приступить къ полевымъ и садовымъ работамъ».

Оставаться въ бездѣйствіи не приходилось. Начальникъ Южнаго Дагестана генералъ Комаровъ вступаетъ въ командованіе собравшимися въ его раіонѣ войсками и принимается за усмиреніе края. 29-го сентября нашъ отрядъ стоитъ уже подъ Башлами. Жители оставили аулъ. Наши войска открыли здѣсь большіе запасы зерна, заготовленнаго Мехти для турокъ, прибытіе которыхъ онъ наивно ждалъ съ минуты на минуту. Башлы были уничтожены.

Джафаръ Казикумухскій и Мехти-бекъ-Уцміевъ собрали въ Янги-Кентѣ около 4 тыс. возмутившихся. Надъ всѣмъ селеніемъ господствовалъ громадный укрѣпленный замокъ Мехти-бека.

Послѣ горячаго обстрѣливанія 4-го октября аулъ былъ занятъ, но замокъ еще держался. На предложеніе сдаться полученъ былъ отказъ. Зданіе это окружили со всѣхъ сторонъ, и наши охотники пытались поджечь его, но мѣткіе выстрѣлы засѣвшихъ тамъ трехсотъ горцевъ заставили отказаться отъ этой мысли. Ночью оставшіеся въ живыхъ защитники замка рѣшились прорваться черезъ нашу цѣпь, но принуждны были вернуться. Аулъ пылалъ. Освѣщеный заревомъ пожара, замокъ былъ ясно виденъ, и наша артиллерія снова возобновила огонь. Съ трескомъ и грохотомъ рушились одна за другой постройки укрѣпленія, но защитники его не сдавались; попрежнему на крышѣ развѣвался черный значекъ, какъ-бы предупреждавшій объ отчаянной рѣшимости мятежниковъ умереть подъ грудами развалинъ своего убѣжища. На разсвѣтѣ наши войска ворвались въ домъ Мехти и обезоружили, оставшихся еще въ живыхъ, восемнадцать горцевъ.

Послѣ пораженія подъ Ягни-Кентомъ кайтагцы постепенно отставали отъ возмутителей и округъ успокоивался. Къ этому времени подошли съ сѣвера въ Дагестанъ подкрѣпленія и явилась возможность перенести наши дѣйствія на Самуръ, къ блокированнымъ Ахтамъ, куда генералъ Комаровъ и выступилъ 1-го ноября.

По мѣрѣ движенія отряда впередъ, многіе жители являлись съ повинной. Они увидѣли, что ихъ

провели и вмѣсто привѣтствія турецкихъ войскъ имъ придется въ случаѣ упорства испытать разореніе отъ русскихъ баталіоновъ.

Къ генералу Комарову явились даже Асланъ-бекъ Руджинскій и самозванный кубинскій ханъ—Нохъ-бекъ-Джабраиловъ.

Видя неудачу своего предпріятія, Мехти-бекъ, съ пятью ближайшими приверженцами, задумалъ бѣжать въ Персію, но у устья Самура былъ пойманъ. При поимкѣ, въ схваткѣ съ всадниками конно-иррегулярнаго полка, Мехти получилъ тяжелую рану, отъ которой и умеръ въ дербентскомъ госпиталѣ.

Работавшій надъ возмущеніемъ въ окрестностяхъ Ахты капитанъ Кази-Ахметъ успѣлъ бѣжать.

7-го ноября кайтагскій отрядъ вошелъ въ Ахты, находившіяся въ блокадѣ въ теченіе 35 дней.

Въ срединѣ ноября въ Самурскомъ округѣ былъ возстановленъ порядокъ.

Отряду, остававшемуся «въ горахъ» у аула Леваши, пришлось выдержать серьезный напоръ непріятеля.

3-го октября изъ лагеря отправлено было двѣ роты Апшеронскаго полка и сотня милиціи за 14 верстъ въ аулъ Урли за провіантомъ. На обратномъ пути, на полдорогѣ, нашъ обозъ стали окружать горцы. Маіоръ князь Магаловъ наскоро устроилъ вагенбургъ и успѣлъ послать милиціонера въ Ла-

ваши къ князю Накашидзе. Сейчасъ же на помощь пошелъ баталіонъ Самурскаго полка. Наступившая ночь и большія массы мятежниковъ заставили пріостановить наступленіе и ждать разсвѣта. Непріятель пытался уничтожить прикрытіе обоза, но встрѣченный спокойными залпами апшеронцевъ отхлынулъ. На утро князь Накашидзе съ 6 ротами и 4 орудіями придвинулся къ вагенбургу. Подъемный скотъ былъ угнанъ непріятелемъ. Пришлось мѣшки съ сухарями взвалить на верховыхъ лошадей, нѣкоторыя же арбы потащили сами солдаты. Однако вскорѣ пришлось пріостановиться. Громадныя массы горцевъ, подъ предводительствомъ ротмистра Абдулъ-Меджида, преграждали путь, занимая господствовавшія надъ дорогой высоты. Приходилось бы идти «сквозь строй», къ разстрѣлу. Въ то же время лагерь въ Левашахъ былъ также окруженъ.

Въ эту критическую минуту маіоръ Гайдаровъ *) предложилъ начальнику отряда съ своими тремя ротами сбить горцевъ съ крутой горы Ангунакъ. Горцы не помышляли о такой дерзости, сосредоточили весь огонь на дорогу и не замѣтили приближенія

*) Магометанинъ, дагестанскій уроженецъ. За выдающуюся распорядительность и храбрость, выказанную въ упоминаемомъ дѣлѣ, онъ получилъ Георгіевскій крестъ 4 ст., а во время Ахалъ-Текинской экспедиціи въ чинѣ подполковника за взятіе Геокъ-Тепе заслужилъ Георгія 3-й степени. Въ настоящее время г. Гайдаровъ — генералъ-маіоръ запаса.

нашихъ ротъ, цѣплявшихся по едва проходимымъ тропинкамъ. Когда наши молодцы съ подпоручикомъ Петровымъ *) во главѣ взобрались на гребень, ошеломленные горцы отхлынули отъ завалов. Не позволяя солдатамъ увлекаться рукопашной схваткой съ громаднымъ скопищемъ, офицеры успѣли собрать роты и учащенными залпами окончательно привели въ смятеніе растерявшихся горцевъ. Послѣдніе оставили на мѣстѣ четыреста труповъ и въ паническомъ страхѣ ринулись бѣжать, а горсть нашихъ храбрецовъ, увлекшись успѣхомъ, гнались за ними около двухъ верстъ.

Отрядъ и обозъ нашъ были спасены. По возвращеніи колонны въ Лаваши, окружавшіе лагерь горцы были разсѣяны.

Болѣе возбужденная часть возставшихъ даже и послѣ этого погрома еще не унялась и въ эту же ночь, съ 4-го на 5-го ноября, фанатики напали на Кутиши, гдѣ стояли три сотни 4-го конно-иррегулярнаго полка **). Подполковникъ Мамоловъ, съ сотенными командирами и ста преданными намъ всадниками, запершся въ башнѣ. Остальные разбѣжались или перешли на сторону возмутившихся. 5-го октября осажденныхъ въ башнѣ выручили. Въ наказаніе кутишинцамъ, ихъ хлѣбъ, стоявшій въ стогахъ, и одна треть аула, преданы были огню.

---

*) Награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.

**) Сформированнаго во время кампаніи.

«Въ дни 3, 4 и 5-го сентября»,—значится въ журналѣ военныхъ дѣйствій,—«мятежники выставили почти всѣ свои силы въ среднемъ Дагестанѣ, дѣйствовали скопищемъ достигшимъ двадцати тысячъ, но потерпѣли полное пораженіе на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только появлялись. Громадныя потери убитыми и ранеными подѣйствовали на нихъ отрезвляющимъ образомъ, и спокойствіе въ большей части Даргинскаго округа было возстановлено».

Для окончательнаго погашенія бунта нужно было двинуться въ глубь горъ; но двинуться съ болѣе значительными силами. Наконецъ, подошли подкрѣпленія, и 11 октября въ Левашахъ, подъ камандой начальника 21-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Петрова, сосредоточился отрядъ въ 9 баталіоновъ, 16 орудій и 10-ти сотенъ кавалеріи. Къ войскамъ прибылъ и камандующій войсками Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ.

18-го октября отрядъ выступилъ къ упорно-мятежному Цудахару. 19-го октября войска его штурмовали, а на другой день аулъ былъ до основанія разоренъ.

Наше наступленіе и разгромъ произвели удручающее впечатлѣніе на Кумухскій округъ. Жители видѣли безплодность защиты, являлись просить прощенія и выдали предводителя Джафара, вмѣстѣ съ двумя знаменами, пожалованными Императоромъ Николаемъ I кази-кумухцамъ за ихъ былую вѣрную службу.

Главные зачинщики возстанія продолжали упорствовать, они собрались въ Согратль, куда изъ Кумуха вела только вьючная тропа. Приходилось раздѣлывать колесный путь, и медленно подвигаться впередъ. Отрядъ могъ придвинуться къ сборищу упорныхъ дагестанцевъ лишь 31-го октября, употребивъ на двадцати-верстный переходъ шесть дней.

Согратлинцы воспользовались старыми неразрушенными укрѣпленіями и умѣло приспособили ихъ къ оборонѣ. 2-го ноября гранаты и пули засыпали Согратль. Одинъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ возстанія разыгрался при взятіи передовой башни. Къ четыремъ часамъ пополудни дѣйствіемъ артилерійскаго огня часть стѣнъ въ передовыхъ укрѣпленіяхъ была разрушена. Первыя двѣ колонны двинулись на штурмъ башни, передовыя части успѣли уже взобраться на обвалъ, но здѣсь встрѣтили отчаянное сопротивленіе горцевъ, засѣвшихъ въ блиндированномъ подвалѣ, откуда они поражали атакующихъ жестокимъ огнемъ. Очистивъ брешь, войска залегли на покатости, у самаго подножія башни, гдѣ и окопались. Тѣмъ временемъ резервы успѣли доставить въ штурмующія части массу сноповъ хлѣба и соломы, которые приказано было зажигать и бросать въ подвалъ черезъ образовавшіяся въ потолкѣ его отверстія; туда же бросали и камни. Возбужденные боемъ солдаты принялись за выполненіе этой мѣры съ величайшею

энергіею. Въ то время, какъ часть людей подносила камни и снопы, другіе, стоя у самаго отверстія блиндированнаго этажа, вели ожесточенный бой. Мятежники отвѣчали выстрѣлами и въ свою очередь бросали изъ подвала камни. Одного казака, близко придвинувшагося къ отверстію, горцы втащили въ подвалъ, гдѣ конечно, несчастному пришлось принять мученическую смерть. Подвалъ заваливался все болѣе и болѣе, но отчаянные защитники его продолжали обороняться. На всѣ предложенія они отвѣчали проклятіемъ, ругательствами и дикимъ воемъ, среди котораго слышались неистовые возгласы: «Алла, Аллахъ!»

Въ девять часовъ вечера изъ главнаго укрѣпленія внезапно сдѣлана была бурная вылазка, но была отбита съ большимъ урономъ для мятежниковъ. Къ десяти часамъ вечера бой у башни, продолжавшійся непрерывно съ четырехъ часовъ пополудни, началъ стихать; огромная куча камней, засыпавъ подвалъ, образовала печальный памятникъ воинственнымъ сынамъ Дагестана, ослѣпленнымъ фанатизмомъ, но достойнымъ глубокаго сожалѣнія и удивленія ихъ беззавѣтной отвагѣ.

Утромъ 4-го ноября согратлинцы изъявили покорность. Немедленно приказано было выдать семейство полковника Чемберъ и всѣхъ главныхъ возмутителей. Требованіе было исполнено.

Выдано было также 247 зачинщиковъ; среди нихъ находились: имамъ Хаджи-Магома, бывшій

наибъ Абдулъ-Меджидъ, чеченецъ Ума-Дуевъ и др.

10-го ноября Дагестанскій отрядъ стянулся въ лагерь Гудулъ-Майданъ близъ Гуниба, здѣсь уже стоялъ генералъ Смекаловъ съ новымъ вспомогательнымъ отрядомъ, пришедшимъ изъ Терской области.

Теперь уже подкрѣпленія были излишни. Дагестанъ притихъ, но притихъ, сослуживъ серьезную службу туркамъ, удержавъ въ самую горячую пору войны около двухъ дивизій пѣхоты и трехъ полковъ кавалеріи.

ВДАЛИ ОТЪ РОДНЫХЪ.

I.

...Мои два старшіе брата были уже въ кадетскомъ корпусѣ; я зналъ, что и мнѣ не миновать той же участи.

Мысль о разставаніи съ родителями, съ Кавказомъ, съ товарищами дѣтства меня ужасно пугала. Къ этимъ тревожнымъ думамъ присоединялся и страхъ передъ экзаменами. N—скій корпусъ былъ тамъ далеко, далеко—«въ Россіи». О желѣзныхъ дорогахъ на окраинѣ тогда и помину не было, а на лошадяхъ приходилось ѣхать до N около двухъ недѣль. Въ виду дороговизны и продолжительности путешествія, братья не могли пріѣзжать даже на каникулы, и меня некому было посвятить въ кадетскую жизнь и экзаменаціонныя требованія.

Два года тому назадъ мой братъ, уѣзжая въ далекій корпусъ, обливаясь слезами, написалъ на ставнѣ нашей классной комнаты, мѣсяцъ и число отъѣзда: 17-го іюля. Приблизительно около этого времени, долженъ былъ двинуться на сѣверъ и я.

Какъ мнѣ хотѣлось отдалить это страшное «17-е іюля!» Но дни проносились неимовѣрно быстро, и срокъ наконецъ насталъ. Мнѣ все казалось, что вотъ, вотъ что-нибудь помѣшаетъ. Увы, дорожный экипажъ уже выкатили изъ сарая. Денщикъ Абдулка при помощи отца и матушки укладывалъ вещи. Тоскливо сжалось мое сердце, и я опрометью бросился на «Набережную». Никогда мнѣ не казался такъ красивъ видъ на весело зеленѣвшіе внизу сады, на улыбающуюся цѣпь горъ, на синее, виднѣвшееся вдали, Каспійское море... Проскрипѣла арба горца, прошли два солдата, пробѣжалъ въ припрыжку «къ учителю» одинъ изъ моихъ товарищей. Какъ я завидовалъ имъ! Они остаются здѣсь, а я!?! Бѣдный я, бѣдный мальчикъ! Мнѣ нестерпимо стало жаль себя, я готовъ былъ разревѣться; но изъ-за палисадника показался священникъ съ докторомъ; они шли къ намъ напутствовать въ дорогу.

За молебномъ, матушка страшно разрыдалась, сестра и бабушка также плакали. «Господи, точно хоронить собрались», озабоченно повторялъ отецъ. Онъ крѣпился, но я видѣлъ, что ему было далеко не по себѣ. «И зачѣмъ это, мелькало въ головѣ, понадобилось везти меня въ корпусъ. Вотъ товарищи мои остаются же здѣсь, поступятъ въ юнкера, будутъ офицерами. Счастливцы!..» Молебенъ конченъ. Всѣ присѣли на минуту, а затѣмъ началось прощаніе. Матушка поѣхала провожать насъ

верстъ за семь, «до спуска». Это была традиціонная граница для проводъ. Здѣсь мы простились...

Приходилось разставаться лѣтъ на восемь, а быть можетъ и болѣе; разставаться съ матерью десятилѣтнему ребенку съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи встрѣтиться почти уже взрослымъ и чуть ли не чужимъ. Вѣдь это страшнѣе рекрутчины! Тяжело было мнѣ, какого же отзывалось это на сердцѣ бѣдной матушки.

Простившись съ провожавшими, отецъ взялъ меня за руку, и мы тихо стали спускаться по каменистой дороги. Въ послѣдній разъ показался милый образъ матушки, мелькнулъ потокъ, и горный уступъ окончательно закрылъ вершину. Я судорожно припалъ къ отцу и не могъ двигаться далѣе. Сильныя руки бережно подхватили меня, и я очнулся уже въ экипажѣ.

3-го августа 186* года, я съ отцомъ подъѣзжалъ къ городу N. Проведя дѣтство въ горахъ, мнѣ не доводилось видѣть городовъ, и потому, я, съ особеннымъ интересомъ, разглядывалъ диковинки въ Ставрополѣ и Харьковѣ. N уже меня нисколько не удивилъ. Мои мысли заняты были экзаменомъ и скорой встрѣчей съ братьями.

Братья гостили у знакомаго въ деревнѣ, куда и мы съ отцомъ предполагали проѣхать, послѣ моего «опредѣленія». Всѣмъ существомъ своимъ желалъ я избавиться отъ будущаго заключенія въ заведеніи и убѣжать изъ Россіи туда, на родной Кавказъ.

Въ моемъ воображеніи живо представлялся нашъ бѣлый домикъ, окруженный акаціями, а въ полисадникѣ на скамейкѣ горько плачущая матушка. Становилось нестерпимо больно и грустно... 7-го августа меня повели на экзаменъ. Громадное, съ бѣлыми колоннами зданіе корпуса меня окончательно придавило. Изъ внутреннихъ помѣщеній доносился гулъ сотенъ голосовъ. Приходилось подниматься и опускаться по монументальнымъ лѣстницамъ и путаться по безконечнымъ коридорамъ, полнымъ для меня тревожной таинственности. Встрѣчавшіеся кадеты, казалось, смотрѣли насмѣшливо и вызывающе. Я боязливо жался къ отцу и считалъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ.

Передъ экзаменомъ всѣмъ поступавшимъ дѣлали тѣлесный осмотръ. Я что-то очень много говорилъ доктору о постоянномъ страданіи лихорадкой, о колотьяхъ въ боку и еще о чемъ-то. Однако мои ухищренія не повели ни къ чему. Сухой нѣмецъ докторъ Б—мъ призналъ меня здоровымъ.

Теперь на экзаменъ. При слушаніи отвѣтовъ сверстниковъ, робость моя прошла. Товарищи мои не особенно-то, оказалось, отличались въ знаніяхъ. Несмотря на плохіе отвѣты, всѣ экзаменующіеся были приняты, такъ какъ конкуренціи не было никакой.

Со вторымъ братомъ мы встрѣтились задушевно и звонко расцѣловались. Старшій братъ, конечно, также очень радъ былъ меня видѣть, но старался

походить на истиннаго кадета «закала» и, силясь выдержать роль, сдерживалъ братскія чувства. Сначала это меня непріятно поразило, но когда второй братъ черезъ часъ посвятилъ меня въ первые тайники кадетской жизни и въ значеніе брата «мускулиста», то я тотчасъ же проникся особымъ уваженіемъ къ послѣднему. Всякій его поступокъ казался мнѣ совершенствомъ. Какъ пріятно, думалось мнѣ, быть роднымъ братомъ настоящаго закала!

И такъ я опредѣленъ въ корпусъ,—кадетъ «новичокъ»...

Первые дни по поступленіи въ корпусъ, отцы, матери, родственники усиленно посѣщали нашу роту, въ особенности во время прогулокъ въ саду. Плачущія группы виднѣлись то тамъ, то здѣсь. Офицеры-отцы выдерживали себя. Они обыкновенно чинно читали наставленія своимъ сыновьямъ, заплаканнымъ, со ртомъ, набитымъ пирожками или конфетами. Матери же плакали сильно. Да и какъ было не плакать! Когда-то придется свидѣться?

Черезъ недѣлю посѣтителей стало меньше: начался отливъ изъ корпуснаго города по домамъ. При разставаніи съ отцомъ или матерью, новичку допускалось поплакать, но на этомъ онъ и долженъ былъ закончить. Кадетъ и плакса—понятія несовмѣстимыя.

Мой отецъ не могъ долго оставаться въ N и днеи черезъ десять послѣ «опредѣленія» уѣхалъ. Нака-

нунѣ отъѣзда мы долго бесѣдовали, строили планы на будущее, мечтали о томъ, что отецъ получитъ командировку «въ Россію», пріѣдетъ къ намъ и быть можетъ привезетъ и матушку... На другой день отецъ помолился съ нами, перекрестилъ насъ, крѣпко, крѣпко расцѣловалъ и грустный, съ поникшей головой, уѣхалъ изъ N, уѣхалъ на вѣки. Больше мы не видѣли отца. Онъ вскорѣ заболѣлъ, а черезъ четыре года его не стало...

Длинные, терявшіеся гдѣ-то далеко коридоры, громадныя рекреаціонныя залы и дортуары наводили на меня сначала положительный ужасъ. Но къ этому я скоро присмотрѣлся, ознакомился со всѣми уголками этого строенія, сжился съ нимъ и полюбилъ его.

Шумная, сотенная масса стриженныхъ кадетскихъ головъ по первому впечатлѣнію меня ошеломила, рябило въ глазахъ; но уже на другой, на третій день среди общей, пестрѣющей галлереи лицъ сталъ выясняться болѣе и болѣе то тотъ, то другой кадетикъ. Знакомство завязывалось необыкновенно живо, переходило въ дружбу, перемежалось драками и миромъ.

— Новичокъ, какъ ваша фамилія?

— N. N.

— Давай говорить на ты.

— Давай.

— Хочешь дружиться?

— Хочу...

Все шло по доброму обыкновенію. Пріятельскія отношенія, завязанныя въ эту пору, остаются на всю жизнь, и корпусное «ты» не можетъ уже измѣниться никогда на холодное «вы».

Проведя нѣсколько дней въ корпусѣ, я сталъ съ замѣчательнымъ почтеніемъ относиться къ воспитанникамъ старшей, первой роты. Въ то время, какъ вполнѣ взрослые люди оставались въ моихъ глазахъ обыкновенными смертными, старшіе кадеты казались и мнѣ и моимъ товарищамъ какими-то гигантами, циклопами, за спиной которыхъ таились цѣлыя легендарныя похожденія.

— Боровской Чеснока (дневальнаго солдата) исколотилъ. Тотъ не позволялъ ему въ ламповое масло хлѣбъ обмакнуть, а Боровской ка-а-акъ дастъ ему..

— Ну-у? дай честное слово!

— Чес-с-со слово!

И за обѣдомъ, когда всѣ роты собираются въ столовый залъ, мы, неранжированные, съ удивленіемъ глазѣемъ на Боровского, этого героя, побѣдившаго мозгляваго, въ сущности, гарнизоннаго солдата. А Боровской, зная, что имъ любуется корпусъ, идетъ къ столу истымъ кадетомъ: ноги у него колесомъ, размахъ руки особенно-характерный, такой, который бы доказывалъ, что онъ «мускулистъ» *); куртка намѣренно испачкана, локти

*) Слово «мускулы» относились лишь спеціально до мышцъ верхней части руки.

прорваны. Входя въ столовую, онъ и другіе «закалы» производятъ какой-то особый шумъ, не то мычаніе, не то гоготанье и шарканье ногами по полу. Что это обозначаетъ неизвѣстно; но не могутъ же они просто и тихо войти.

— Молодчина Боровской,— заключаемъ мы.

— А Кленовичъ сильнѣе его! Вчера я встрѣтилъ его въ церковномъ коридорѣ, онъ какъ посмотритъ на меня, такъ я «такой дралки задалъ».

Начинается споръ, кто кого сильнѣе.

— Ивановъ и Василенко — безъ пирога! — объявляетъ ефрейторъ, сидящій за «старшаго», и дѣйствительно мальчики остаются безъ сладкаго, которое судья и помѣщаетъ къ себѣ на тарелку или отсылаетъ въ первую роту, быть можетъ, тому же Боровскому или Кленовичу.

Басы пользовались также равнымъ съ «закалами» почтеніемъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно имъ приписывали и исполинскую силу. «Октавистъ», т. е. второй басъ — это было существо недосягаемое. «Какъ пуститъ октаву, такъ всѣ и задрожатъ; честное слово, архіерейскіе пѣвчіе приходили слушать»... — вспоминалъ кто-нибудь о вышедшемъ уже изъ корпуса пѣвчемъ, и всѣ внимали, и всѣ охотно вѣрили.

Тяжело доставалось смирнымъ воспитанникамъ отъ сверстниковъ закаловъ.

— Новичокъ, въ бабки игралъ?

Упаси Боже отвѣтить утвердительно.

«Бабочникъ» и «подлиза»—были наиболѣе жестокія ругательства.

«Эй, бабочникъ! бабочникъ!» — пляшетъ кадетъ передъ новичкомъ и близко, близко отъ лица дѣлаетъ какіе-то пасы. «Воздухъ казенный! Воздухъ казенный!» при этомъ прибавляетъ мучитель. Бѣда разревѣться или пожаловаться, — это считалось крайне низкимъ поступкомъ. Мирно относиться также невесело; потасовка за долготерпѣніе не уменьшается. Неприкосновенность личности не признавалась, и тумаки можно было получить такъ, здорово живешь.

«Передай дальше!» — раздается, за столомъ, въ строю или классѣ, возгласъ, присоединенный къ толчку или щипку. Какъ бы по электрическому току, передается ударъ, пока не остановится на злополучномъ, который боится хватить сосѣда или замѣченъ начальствомъ... На обиды и побои нѣкоторые все-таки жаловались дежурному офицеру.— «Станьте на середину»! Правый и виноватый помѣщались подъ лампу въ залѣ и грустно посматривали на хихикающихъ кадетъ.

Для нехорошихъ шалуновъ режимъ безнаказанности былъ вполнѣ на руку. Благо, у кого былъ братъ въ старшихъ классахъ; такого боялись трогать, въ избѣжаніе должнаго возмездія.

Находились впрочемъ и защитники угнетенныхъ. У насъ въ неранжированной ротѣ этимъ отличался кадетъ Шлинкъ по фамиліи, «таранъ» — по про-

званію. Несмотря на то, что онъ числился еще кадетомъ «перваго общаго класса», ему перемахнуло уже за четырнадцать. Шлинкъ считался замѣчательнымъ «мускулистомъ». Въ наукахъ не успѣвалъ и при двѣнадцати-бальной системѣ упорно ограничился лишь пяти-бальной. Несправедливости не любилъ и потому, если ему приходилось видѣть драку, то онъ налеталъ и «двигалъ» сильнѣйшаго. За стремительность и разрушительное дѣйствіе этихъ движеній и овечьи умственныя способности его и прозвали «тараномъ». Какъ-то Шлинкъ примостился къ читающей группѣ и услышалъ отрывокъ, въ которомъ воспѣвались подвиги Ричарда Львиное Сердце. Съ той минуты нашъ «мускулистъ» рѣшилъ походить на героя крестоносца и въ тотъ же вечеръ ухитрился вытравить себѣ на рукѣ крестъ. Вся рота благоговѣйно ходила смотрѣть руку Шлинка. Дневальный Чеснокъ также полюбопытствовалъ взглянуть, какъ это «вышкварено мясо». Каптенармусъ, Тишлеръ донесъ дежурному офицеру. По счастію, это былъ поручикъ Р.— страстный любитель романовъ. Онъ сначала не повѣрилъ, потомъ потребовалъ «крестоносца», посмотрѣлъ на руки и замѣтилъ, что надо бы доложить Адаму Осиповичу, да высѣчь. Однако поручикъ видимо былъ тронутъ геройствомъ и за завтракомъ Шлинку прислалъ стаканъ чаю и булку.

Какъ тяжело въ осенніе и зимніе мѣсяцы подниматься въ полутьмѣ, въ 6 часовъ утра. Гремитъ барабанъ повѣстку, а черезъ четверть часа зорю. «Вставать!» — раздается повелительный окликъ дежурнаго офицера, затянутаго уже въ мундиръ. Старательные кадеты при первыхъ еще звукахъ повѣстки вскакиваютъ и быстро одѣваются; большинство же не такъ легко на подъемъ. Еле протерши глаза, ребята кучками бредутъ чистить сапоги и пуговицы на курткѣ.

Въ маленькомъ коридорѣ стоятъ нѣсколько грязныхъ скамеекъ, на нихъ разставлены тарелки съ рыжей ваксой, протертыя щетки и толченый кирпичъ. Подлѣ скамеекъ толкотня, возня, споръ изъ-за щетокъ и гербовокъ (особыхъ досчечекъ для чистки пуговицъ). Тутъ же, на подоконникѣ, пріютился старикъ портной въ очкахъ, на шеѣ у него цѣлый ворохъ суровыхъ нитокъ, а въ толстомъ стеганномъ жилетѣ заткнуто нѣсколько большихъ иголокъ, обмотанныхъ нитками. Его обступаютъ кадеты. Старикъ, обыкновенно, копается надъ какой-нибудь заплатой на курткѣ ранѣе всѣхъ подоспѣвшаго счастливца; другимъ же приходится браться за иглу и заняться починкой своей одежды.

Болѣе предусмотрительные и заботливые воспитанники съ вечера уже почистили сапоги и платье, теперь бродятъ по рекреаціоннымъ заламъ и «подзубриваютъ». «Дневальные» солдаты, составлявшіе нашу прислугу, за незначительную плату чистили

сапоги и платье двумъ, тремъ кадетамъ, имѣвшимъ возможность платить имъ за это.

Но вотъ «чистильная» замѣтно пустѣетъ. Кадеты все больше густятся подлѣ громаднаго мѣднаго круглаго рукомойника. На верхней части его виднѣются куски сѣраго, простѣйшаго мыла; бутылки съ невообразимымъ, никѣмъ не трогаемымъ бурымъ полосканьемъ и тарелки съ чернымъ зубнымъ порошкомъ. Претендентовъ больше, чѣмъ мѣстъ. Опоздавшіе съ нетерпѣніемъ ждутъ очереди. Скоро нужно становиться въ строй. У рукомойника стоитъ содомъ. Дежурный офицеръ перешелъ уже въ залъ: шалить, значитъ, можно свободно. Гоняются другъ за другомъ вокругъ рукомойника, брызгаютъ водой. Все идетъ благополучно, пока, по нечаянности, шалуны не окатятъ водой какого-нибудь «мускулиста». Слѣдуетъ трепка.

«Строиться!»—доносится приказаніе дежурнаго. Всѣ тянутся въ залъ. Начинается осмотръ. Растегиваются куртки. Осматриваютъ, всѣ ли пуговицы. Поворачиваютъ направо и налѣво; при чемъ надо поднимать соотвѣтствующую руку, дабы осмотрѣть, не порвана ли куртка «подъ мышками».

Послѣ осмотра—утренній завтракъ: булка, жидкая кашица, иногда сбитень; въ маѣ мѣсяцѣ—молоко.

Въ кадетскомъ обиходѣ булка и леденецъ были единицами мѣны. «За полбулки... за два леденца... за двѣ булки»... Эти выраженія слышались зачастую въ разговорѣ. Даже и начальство рѣдко оста-

вляло безъ булки—до того это считалось законной принадлежностью воспитанника. Вѣсъ и размѣръ булки настолько былъ усвоенъ кадетами, что всякое отклоненіе въ отрицательную сторону подмѣчалось моментально, и кадетъ, сознавая свое право, требовалъ эконома. «Это несправедливо, несправедливо, Иванъ Ивановичъ, смотрите, маленькая булка...» И эта жалоба, послѣ небольшого пререканія, обыкновенно удовлетворялась.

Послѣ завтрака насъ вели въ роты брать книги и тетради, а оттуда, строемъ, въ классы.

Преподаватели были хорошіе, были и дурные конечно; въ общемъ, грѣшно было жаловаться на нихъ. Одинъ изъ учителей, именно русскаго языка, Степанъ Ивановичъ Пономаревъ былъ даже положительно рѣдкій педагогъ. Обученіе у него шло все въ классѣ, «на домъ» онъ не давалъ заучивать, а развѣ лишь выписывать нѣкоторыя слова. Стихи и басни учили тутъ же на лекціи, на-распѣвъ.

Степанъ Ивановичъ былъ для насъ солнечный лучъ въ суровомъ сумрачномъ кадетскомъ обиходѣ. За то какъ же мы и любили дорогого преподавателя!..

Удивительно непроизводительно убивали мы время на изученіе французскаго языка. Несмотря на массу уроковъ, успѣли «пройти» за годъ лишь спряженія правильныхъ глаголовъ и затвердили переводъ одной странички изъ 2-й части учебника Марго; 1-й части такъ и не касались.

Законоучителемъ у насъ былъ добрѣйшій отецъ діаконъ, который, боясь простуды, носилъ всегда на шеѣ небольшой шарфъ. Кадеты не могли удовольствоваться такимъ простымъ объясненіемъ и увѣрены были, что когда-то отецъ Гавріилъ при архіереѣ «закатилъ такое многолѣтіе», отъ котораго самъ соборный протодіаконъ чуть въ обморокъ не упалъ; за то у нашего діакона «порвалась жила», и онъ съ тѣхъ поръ долженъ перевязывать горло.

Пользуясь добротой діакона, мы вступали съ нимъ въ бесѣды и нерѣдко жаловались на суровую жизнь, на плохую ѣду, на холодъ въ спальняхъ.— «А ты куда готовишься? Въ офицеры? Такъ какъ же ты на войнѣ будешь терпѣть! Надо смолоду пріучать васъ и недоѣдать, и мерзнуть...» — убѣжденно защищалъ онъ безпорядки...

Во время уроковъ старательные сидятъ на переднихъ скамьяхъ и внимательно слѣдятъ за учителемъ. Сзади же, въ «Камчаткѣ», расположены беззаботные. Тихая, чуть слышная вначалѣ, возня постепенно усиливается. Раздается брянчаніе на перьяхъ, вставленныхъ въ видѣ клавишъ въ столъ; «давятъ масло», сжимая въ серединѣ сидящихъ, пока невытерпѣвшій не крикнетъ и за это преподавателемъ не будетъ поставленъ къ доскѣ.

Химики приготовляютъ въ кадетской пуговицѣ смѣсь изъ толченаго стеарина и чернилъ. При удобномъ случаѣ составъ поджигаютъ и пуговица летитъ фейерверкомъ по классу.

— Кто это сдѣлалъ?

Въ отвѣтъ гробовое молчаніе.

— Ага, пожалуйте-ка всѣ съ послѣдней скамьи сюда, къ доскѣ. Гуськомъ тянутся обреченные на закланіе. Уроковъ не знаютъ. — «Похвально, похвально, а единицу хочешь?»

— Николай Петровичъ, я не могъ приготовить, голова болѣла,—мычитъ какой-нибудь камчадалъ.

Въ классѣ тихо. Уныніе распространяется среди рядовъ начинающихъ «закаливать» себя кадетъ. Вдругъ раздается повѣстка. О, счастье! Моментально все загудѣло и летитъ вонъ изъ класса. Въ пятиминутную перемѣну что-то невѣроятное происходитъ въ коридорѣ.

Предпріимчивость шалуновъ была удивительная. Однажды все отдѣленіе обратило вниманіе на озабоченность двухъ самыхъ записныхъ школяровъ; видимо они были заняты серьезнымъ дѣломъ. Когда пришелъ учитель и всѣ смирно усѣлись по скамьямъ, то вдругъ раздался глухой звонъ. Всѣ кадеты радостно переглянулись: — «здорово!» Преподаватель сталъ прислушиваться. Все смолкло. Но лишь только онъ приступилъ къ занятіямъ, какъ звонъ вновь повторился. Желая моментально обнаружить проказника, онъ приказалъ всѣмъ поднять руки. Приказаніе исполнено, но звонъ сталъ еще громче. и теперь мы поняли, что звукъ выходитъ изъ шкафчика, стоявшаго въ сторонѣ отъ ученическихъ скамей, подлѣ каѳедры.

Преподаватель бросился въ коридоръ и скоро вернулся съ «Адамомъ». Мы встали, вытянулись и безмолвствовали, а звонъ не прекращался.

Вслѣдъ за Адамомъ каптенармусъ Тишлеръ подкрался къ шкафчику и открылъ тамъ мѣдный подсвѣчникъ. Донышко изображало колоколъ, а языкомъ служила вывинченная верхняя часть подсвѣчника. Къ языку былъ проведенъ искусно шнуръ, другимъ концомъ привязанный къ ногѣ школяра... Высѣкли; но зато даже и старшіе кадеты приходили смотрѣть знаменитый шкафчикъ.

Ротный командиръ, капитанъ Адамъ Осиповичъ, въ сущности былъ не злой человѣкъ, но считалъ нужнымъ какъ можно строже подтягивать неранжированную роту; кадетамъ отъ него доставалось не мало, при чемъ нѣкоторые ходили для расправы «въ цейхгаузъ»... Въ кадетскихъ разговорахъ капитанъ шелъ просто за «Адама»; жену же его окрестили «Евой». Если случалось Адаму увидѣть насупившагося новичка, не шалуна, то онъ ласково бесѣдовалъ съ мальчикомъ, старался пріободрить, иногда даже приглашалъ къ себѣ на квартиру обѣдать. У Евы были какія-то цѣлебныя капли, которыми, случалось, она угощала недомогавшахъ кадетиковъ.

Лучшихъ учениковъ въ каждомъ «отдѣленіи» назначали «старшими», которымъ предоставлялось слѣдить во время отсутствія преподавателя за порядкомъ, записывать виновныхъ, донося объ этомъ

начальству. Кромѣ этого, на старшаго возлагалась обязанность получать для кадетъ новыя тетради взамѣнъ исписанныхъ. Во избѣжаніе вторичнаго представленія вахтеръ Бондаренко прокалывалъ большой булавкой законченную тетрадь.

Въ 12 часовъ насъ вели въ залъ, куда приносили корзину съ кусками чернаго хлѣба. Служитель шелъ между шеренгами, и каждый кадетъ могъ взять одинъ кусокъ; но закалы ухитрялись выловить два и даже три.

— Славные сухари будутъ, въ трубѣ высушу... слышался въ строю шопотъ счастливца.

Строевыя занятія въ нашей неранжированной ротѣ ограничивались, такъ называемой, «одиночкой» и маршировкой.

Послѣ занятій весной и осенью пріятно было вырваться въ садъ или на плацъ, но поздней осенью и зимой водили по городу, по улицамъ. По узкимъ, обмерзшимъ, деревяннымъ тротуарамъ торжественно тянулась длинная, черная цѣпь кадетскихъ паръ.

Разносчики и торговки съ лотками и корзинами удачно укрывались отъ глазъ начальства и умудрялись продавать намъ незамысловатыя лакомства.

Послѣ гулянья нѣсколько кадетъ обязательно двигались въ цейхгаузъ для примѣрки платья и сапогъ. Послѣдніе шили не по мѣркѣ. Приходилось выбирать изъ громадной кучи и ссориться съ капитенармусомъ. Но пререкаться долго некогда, слышна повѣстка къ обѣду. Нѣкоторые озабочены своимъ

туалетомъ, стремятся примочить водой непокорные вихры и почистить куртку.

Мѣрно раздаются шаги четырехъ ротъ, марширующихъ по коридорамъ къ столовому залу. Лѣстницы разстраиваютъ строй, слышится разговоръ, дежурному офицеру не видно, кто шалитъ. Одинъ прыгаетъ по ступенькамъ, а иной рискуетъ спускаться по периламъ. Съ верхней площадки раздается окрикъ: «не разговаривать, идти въ порядкѣ!» При входѣ въ залу стоитъ батальонный командиръ, роты подтягиваются, «берутъ ногу» и, стройно отбивая ногами тактъ, втягиваются въ промежутки между длинными столами. По сигналу на молитву, изъ первой роты доносится басистый запѣвъ: «Очи всѣхъ», ближайшіе сосѣди подхватываютъ «на Тя», и уже слова «Господи, уповаютъ»,—громко выкрикиваются всѣмъ корпусомъ. Молитва окончена, и трескъ барабана сливается съ шумомъ отодвигаемыхъ скамеекъ. Изъ буфета, соединеннаго аркой со столовой, вылетаетъ цѣлая фаланга служителей съ дымящимися оловянными мисками. Славно, если борщъ; а вдругъ манный супъ съ перьями, бррр.... На «второе» очень бы хотѣлось получить блюдо, называвшееся бифштексомъ. Котлеты изъ вареной говядины и поджаренные куски вареной же говядины—не одобрялись кадетами. Что-то будетъ сладкое? Отлично бы «слоеный пирогъ съ вареньемъ», хорошо бы и «гречневую кашу съ масломъ».

Двѣ ягодки вишневаго варенья помѣщались поварами сверху слоеной лепешки, и большинство кадетъ, лакомясь пирогами, осторожно обходило вишни, сберегая ихъ до послѣдняго глотка... Масло черезъ небольшое отверстіе въ особой машинѣ выдавливалось въ видѣ закругленной палочки и разрѣзалось на небольшія порціи. Процедурой этой, а равно и рѣзкой хлѣба занимался буфетчикъ Михѣенко. У него можно было поживиться горбушкой и до обѣда, но въ буфетъ запрещалось ходить. Держалась легенда объ одномъ кадетѣ, который смѣло прошелъ по длиннѣйшему карнизу громаднаго этажа, черезъ окно влѣзъ въ буфетъ и получилъ отъ Михѣенка «двѣ здоровыхъ горбушки».

Возвращеніе отъ обѣда было всегда довольно шумное. Окрики насытившагося дежурнаго слышались рѣже.

Что было для насъ утомительно—это послѣобѣденныя лекціи. Голова работала плохо. Сонливо сидѣли бѣдные кадеты, пригвожденные, вмѣсто отдыха, къ классной скамьѣ. Въ эти часы обыкновенно набиралось гораздо болѣе неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, чѣмъ по утру.

Въ послѣобѣденное рекраціонное время устраивались игры. Играли въ чехарду, въ жгуты, прыгали черезъ табуретки. На сравнительно небольшомъ пространствѣ толпилась сотня мальчиковъ, желавшихъ расправить свои члены и дать гимнастику легкимъ. Шумъ, громъ, крики, вопли — все

это не смолкаетъ вплоть до начала вечернихъ занятій. Привычный къ кадетскому гаму дежурный офицеръ и тотъ не выдерживалъ, удалялся въ коридоръ, по которому чинно расхаживали «примѣрные» воспитанники. Иногда туда же выскакивали не сдержавшіе свой пылъ шалуны. Бѣдные! Они летѣли, какъ бабочки, прямо на огонь. Дежурный неумолимъ и моментально направлялъ ихъ «на середину». Пренепріятно и глупо стоять смирно подъ лампой въ то время, какъ вокругъ шмыгаютъ и дразнятъ товарищи.

Подходили къ офицеру и обиженные кадеты съ жалобами: — Онъ меня, Романъ Ивановичъ, ударилъ; запретите ему драться...

— Я его не трогалъ, онъ самъ пристаетъ...

— Пошли оба «на середину!» А ты еще разговаривать?!... Вотъ я тебя въ карцеръ отправлю, — коротко и справедливо рѣшаетъ дежурный.

Преподованіе въ классахъ еще могло считаться сноснымъ, но зато приготовленіе къ урокамъ было обставлено печально.

Въ ротномъ рекреаціонномъ залѣ стояли подлѣ стѣнъ длинной вереницей столы съ выдвижными ящиками. Своеобразный гулъ носился по громадной комнатѣ, тускло освѣщенной двумя висячими масляными лампами, кромѣ того, на столахъ кой-гдѣ виднѣлись казенныя стеариновыя свѣчи. При такой полутьмѣ трудно было заниматься, приходилось покупать свѣчи, а если не было денегъ, то

вымѣнивали огарки за булку. Впрочемъ, многіе кадеты ухитрялись и при казенномъ освѣщеніи читать и писать.

Дежурный офицеръ, затянутый въ мундиръ, или дремалъ въ углу надъ романомъ или похаживалъ по залу, посматривая, чтобы кто-нибудь не посмѣлъ встать съ своего мѣста.

Обращаться къ офицеру съ вопросомъ за разъясненіемъ заданныхъ уроковъ было въ лучшемъ случаѣ безполезно, а то попросту рискованно, такъ какъ это принималось за насмѣшку.

Уроки нельзя было назвать обременительными, и воспитанники самыхъ посредственныхъ способностей справлялись съ приготовленіемъ безъ репетиторовъ. Во всякомъ случаѣ наиболѣе способные считали себя, какъ бы обязанными помогать обращавшимся къ нимъ товарищамъ. Я не помню примѣра, чтобы кто-нибудь отказалъ въ такой, конечно, совершенно безвозмездной, помощи.

Беззаботные воспитанники упивались чтеніемъ романовъ. Имѣть книги, кромѣ учебниковъ, строго запрещалось, и потому во время чтенія приходилось маскировать романъ — задачникомъ, «Margo» или «Ушинскимъ». Во время вечернихъ занятій, втихомолку, передавались толчки отъ стола къ столу, пересылались открытыя записочки, украшенныя дѣтскими карикатурами; циркулировали даже письменныя приказанія и воззванія «закаловъ».

Особенное оживленіе царило среди кадетъ, когда устраивали «бунтъ».

«Сегодня, господа, эконому бунтъ устроить»,— приходитъ приказаніе изъ первой роты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы ужина. «Вотъ здо́рово-то будетъ!»

Вечеромъ въ столовой, при появленіи эконома, начинается шумъ.

Дежурный по корпу́су поднимаетъ роты изъ-за стола и заставляетъ стоять въ ожиданіи командира батальона, лысаго почтеннаго старика.

Полковникъ знаетъ всю тщету отыскивать виновнаго и потому, покричавъ на насъ, оставляетъ всѣхъ огуломъ «безъ отпуска». Мы, маленькіе, проникаемся страхомъ; въ рядахъ старшихъ кой-гдѣ раздается шарканье ногъ и гулъ народа на сценѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій слѣдуетъ приказъ вести кадетъ въ роты, куда всѣ возвращаются въ возбужденномъ состояніи, и долго еще въ спальняхъ раздаются разговоры.

— Что это за бунтъ?! Вотъ говорятъ, въ —скомъ корпусѣ директора побили, всѣхъ офицеровъ выгнали. Тамъ весь корпусъ оцѣпили солдатами съ ружьями, честное слово. Судили, цц!.. вотъ здо́рово!..

— Господа, въ 1-ой ротѣ бунтъ! — электрическимъ токомъ пронеслось вдругъ среди насъ во время вечернихъ занятій радостная вѣсть.

Вотъ пробѣжали два каптенармуса, злѣйшіе

враги кадетъ, фискалы по прозванію. Одинъ изъ нихъ Тишлеръ, юркій человѣчекъ съ вѣчно бѣгающими плутоватыми глазами; другой «Циклопъ», рослый, рябой унтеръ съ бѣльмомъ на глазу.

Отъ нихъ ничего не удалось узнать. Фискалъ предупредительно успѣлъ запереть дверь въ церковный коридоръ, откуда можно пройти въ другія роты. Дневальный Чеснокъ, стоя у этихъ дверей, даетъ нѣкоторыя разъясненія.

— Гарнадеры (1-я рота) требуютъ директора до себя.

— Ну, что же?.. Пришелъ директоръ?

— А вамъ что?!

— Чеснокъ, Чесночекъ, ну скажи, что же дѣлаютъ,—просятъ солдата обступившіе его кадеты.

— Въ нашего «Адама» табуреткой пущали.

— Табуреткой?! Куда же ему попало?

— Такъ онъ будетъ ждать, чтобъ попало... То-о-же... дурня нашли,—обидчиво замѣчаетъ дневальный.—Увернуться Адамъ успѣлъ.

Только было хотѣлъ разоткровенничаться Чеснокъ, какъ подлетаютъ къ нему школяры.

— Чеснокъ, отвори!

— Ну, убирайтесь, господа! Пащенко, не трожьте! до дежурнаго заразъ побижу!

Происходитъ возня.

— Это что-за картина!—раздается голосъ дежурнаго офицера.

Пащенко и Шульце, закрывъ лицо руками, чтобы

не быть узнанными, стремглавъ проносятся мимо дежурнаго. Но коварный, раздосадованный Чеснокъ «вже докладае». Оба школяра вскорѣ стоятъ «на серединѣ», издали показывая языки и грозя кулаками Чесноку.

На другой день отъ старшихъ воспитанниковъ узнаемъ нѣкоторыя, конечно, раздутыя, но для насъ вполнѣ достовѣрныя подробности бунта. Старшіе кадеты требовали какихъ-то льготъ. Директоръ явился самъ и когда началъ имъ дѣлать замѣчаніе, то Боровской, будто бы, бросилъ въ генерала Рейфомъ (словарь Рейфа), но книга перелетѣла черезъ голову. Директоръ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этой ужасной выходки. Въ дежурнаго по корпусу, нашего Адама, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, кто-то метнулъ табуреткой, которая разбилась, но не попала къ счастью въ капитана. «Адамъ» очень испугался, ходилъ къ «Евѣ» принимать успокоительныя капли. Виновнаго не только не нашли, но и кадеты сами не могли узнать, кто это покусился чуть не на жизнь бѣднаго капитана. Нѣкоторые увѣряли, что это Тишлеръ (каптенармусъ) пустилъ табуретку, чтобы «выписать въ расходъ» имъ ранѣе сломанную. Легендарной табуретки, однако, кажется, никто изъ кадетъ не видѣлъ.

Директоръ корпуса, старикъ генералъ, казался намъ, неранжированнымъ, существомъ недосягаемымъ. Въ корпусѣ мы, «мальцы», видѣли его только

въ высокоторжественные дни въ церкви. Каска съ пышнымъ плюмажемъ, расшитый мундиръ, покрытый звѣздами, и красныя съ золотыми лампасами брюки директора производили на насъ, «приготовишекъ», сильное впечатлѣніе.

Говорили, что старикъ былъ добрый человѣкъ. Дѣйствительно, жестокихъ сѣченій у насъ за время его начальствованія не практиковали, и многіе изъ насъ, кадетъ, не вкусили березовой каши.

На вечернихъ урокахъ по субботамъ кадеты съ особеннымъ интересомъ прислушивались ко всякому шороху въ коридорѣ. Наконецъ дверь стремительно отворялась сторожемъ, и въ классъ входилъ инспекторъ классовъ, полковникъ, съ толстымъ туловищемъ, подоткнутымъ тоненькими, тоненькими ножками. Онъ приносилъ съ собою журналъ и читалъ баллы, полученные воспитанниками за недѣлю. У многихъ лица бывали подернуты сосредоточенной грустью. Нужно, однако, отмѣтить, что страданія были лишь нравственныя, безъ прибавки розогъ. Тѣлесное наказаніе примѣнялось лишь къ закоренѣлымъ лѣнтямъ. Въ нашемъ классѣ несчастіе это постигло двухъ братьевъ Лешиныхъ—«рыжихъ орангутанговъ» и бѣднаго Костича.

«Рыжіе орангутанги» никакъ не могли осилить премудрости приготовительнаго класса и впослѣдствіи, при преобразованіи корпуса въ военныя гимназіи, были исключены. Несмотря на это, одинъ изъ нихъ, благодаря только-что открывшемуся тогда

юнкерскому училищу, былъ ранѣе сверстниковъ произведенъ въ офицеры въ армейскій уланскій полкъ. Помню, мы, одѣтые въ мѣшковатые пиджаки, съ завистью глядѣли на его красный лацканъ и мѣдные эполеты.

Костичъ, сынъ генерала, болѣзненно-нервный и мало способный мальчикъ, входилъ часто въ какой-то ражъ и тогда неистовствовалъ. Отца онъ любилъ очень и писалъ ежедневно ему письма; бумаги при этомъ изводилъ цѣлыя дести, чѣмъ смѣшилъ дѣтвору. Костичъ не могъ написать строчки, чтобы не сдѣлать громаднаго клякса. Моментально онъ комкалъ листъ и отбрасывалъ въ сторону. Школяры поднимали бумагу, читали, издѣвались. Костичъ, страшно заикаясь, требовалъ не мѣшать и затѣмъ вскорѣ бросался и царапалъ ногтями мучителей. Тяжело вспомнить эти сцены обоюдной дѣтской жестокости... Приступы бѣшенства стали чаще и чаще овладѣвать бѣднымъ мальчикомъ. Когда за плохіе баллы ротный командиръ приказалъ отвести Костича «въ цейхгаузъ» и высѣчь, то заика бросился на каптенармуса и на дежурнаго офицера. Визжалъ, царапалъ... Его высѣкли... Вскорѣ пріѣхалъ старикъ Костичъ и увезъ сына домой.

Въ субботу, послѣ всенощной, разрѣшалось брать изъ библіотеки книги для чтенія. Воспитанникамъ предпочтительно предлагали «Журналъ военноучебныхъ заведеній» въ желтой оберткѣ, украшенной арматурами. Журналъ этотъ пользовался

прежде большой популярностью, его читали не безъ удовольствія и въ мое время; но сказочные разсказы изъ американской жизни привлекали кадетъ значительно болѣе. Майнъ-Ридъ только-что началъ тогда проникать въ корпусъ, и у насъ стали появляться отчаянные «краснокожіе». Какую-нибудь «Черную Пантеру» стремились читать десятки кадетъ, и между ними были такіе, которые ранѣе никогда ничего печатнаго, кромѣ учебниковъ, не хотѣли знать. Приходилось читать вслухъ. Въ ротѣ стали слышаться зачастую неистовые звуки не то завыванія, не то рыданія—это обозначало воинскій крикъ индійцевъ, собиравшихся «скальпировать бѣлыхъ». Краснокожіе потрясали линейками, воображая, что въ рукахъ у нихъ тамагавки и, гикая, отплясывали «воинственный танецъ».

Послѣ недѣльныхъ занятій субботній вечеръ приносилъ пріятный отдыхъ; но наступало воскресенье, и уже послѣ обѣдни чувствовалось приближеніе суроваго понедѣльника съ длиннѣйшими «уроками».

Тоскливо было въ корпусѣ по воскресеньямъ. Въ отпускъ мнѣ было не къ кому ходить; до игръ я не былъ особенный охотникъ; «интересныя книжки» не всегда можно было достать. Придетъ одинъ изъ братьевъ, потолкуемъ, вспомнимъ про домашнихъ, про Кавказъ. Еще сильнѣе пригорюнишься... Кромѣ того, и волчій апетитъ, не перебиваемый уроками, заставляетъ учащенно посматривать на

часы. У кого задержались деньги на «рукахъ», тотъ посылаетъ дневальнаго солдатика «за покупками». Для кадетъ и гривенникъ считался значительной цѣнностью. Еще бы! Трехкопѣечный розанъ и пятикопѣечная кровяная колбаса — это «шикозная вещь», заставлявшая многихъ завидовать счастливому ихъ обладателю. Двѣ копѣйки, обыкновенно, уплачивались посыльному «за проходку».

Въ каждомъ отдѣленіи были спеціальные «канюки», которые, при видѣ съѣдобнаго, моментально выростали подлѣ кадета, собиравшагося приняться за колбасу.

— Дай кусочекъ, дай же, Василенко, ну, дай же!..

Раздавалось два, три ноющихъ голоса и не переставали выпрашивать, пока не получали, дѣйствительно, «по кусочку». Это, впрочемъ, не было еще такъ разорительно, какъ требованіе «закала»:

— Давай булку! Ну, живѣй, отламывай колбасу!

Попробовать не давать — отнимутъ. Жаловаться — накажутъ, такъ какъ на рукахъ деньги запрещено было оставлять. Во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ, деньги вручались начальству, и затѣмъ уже къ воскресенью желающій купить что-нибудь записывался «на списокъ». Ротный командиръ посылалъ покупать каптенармуса или самъ ѣздилъ въ магазины.

Громадная плетеная корзина съ свертками, пріобрѣтенными «по списку», появлялась обыкновенно послѣ обѣда. Большая часть свертковъ была съ

леденцами, стоившими по 30 копѣекъ фунтъ. Прелесть, что-за леденцы! Такихъ послѣ я уже нигдѣ не ѣдалъ. Записывались обыкновенно на полфунта; цѣлый фунтъ—вѣдь, это состояніе!

Нѣкоторые настойчиво покупали «рожки» и кедровые орѣшки—сладко, сытно и дешево.

Праздничный обѣдъ всегда неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же: борщъ со сметаной, бифштексъ и слоеные пироги съ двумя вишневыми ягодками. Въ особено торжественные дни подлѣ каждаго прибора клали «фунтики» съ чѣмъ-то похожимъ на конфеты. Этимъ лакомствомъ кадеты страшно дорожили, и при видѣ «фунтиковъ» въ столовой раздавалось веселое, одобрительное гоготанье. Тѣ рѣдкіе случаи, когда раздавали лакомства, кадетамъ отлично были извѣстны, но иногда ихъ давали сверхъ программы. Можно себѣ представить кадетскій восторгъ въ такихъ случаяхъ! Мнѣ помнится, что эти тощіе «фунтики» съ дешевыми сухими сладостями кадеты цѣнили выше своихъ покупныхъ леденцовъ, халвы, яблокъ, монпасье и другихъ «собственныхъ» лакомствъ.

Кормили насъ вообще очень плохо. Но можно ли было требовать отъ начальства лучшаго? Вѣдь на всю дневную пищу отпускалось на человѣка лишь по $12^1/_2$ копѣекъ [1]). Надо было удивляться, какъ насъ еще съ голоду не уморили...

---

[1]) Этотъ размѣръ измѣненъ былъ лишь въ 70-хъ годахъ. Надо замѣтить, что въ нашемъ корпусѣ «отпускныхъ» было

По воскресеньямъ въ отпускъ ходили немногіе. Къ 6-ти часамъ вечера, къ занятіямъ, они должны были являться. Въ коридорѣ, при входныхъ дверяхъ, кучка буяновъ сторожила отпускныхъ, выпрашивала принесенныя лакомства, а иногда и попросту отнимала.

Къ Рождеству имена воспитанниковъ, которые имѣли «въ среднемъ» болѣе $9^1/_2$ балловъ, заносились на красную доску. Съ какою гордостью кадетъ читалъ на ней свою фамилію! На той же стѣнѣ, неподалеку отъ почетной, больно била въ глаза черная доска,—здѣсь отмѣчались кадеты, имѣвшіе въ среднемъ менѣе 6 балловъ. Два «рыжихъ орангутанга», неразлучно виднѣлись на этой позорной площади.

Я съ моими братьями получилъ приглашеніе провести святки «на хуторъ», къ маіору Антоненко, товарищу отца. Старшій братъ находился въ самомъ рискованномъ періодѣ кадетскаго закаливанія и съ іроніей относился къ отпускнымъ нѣжностямъ. Второй братъ разсказалъ мнѣ много пріятнаго о хуторской жизни, и мы оба съ нетерпѣніемъ ждали приближенія праздниковъ. Какъ на грѣхъ, я захворалъ. Дома, несмотря на кавказскую теплую зиму, меня кутали, а тутъ, въ болѣе суровомъ климатѣ, приходилось выходить въ тонкой,

---

мало и, слѣдовательно, праздничная экономія получалась небольшая.

безъ подкладки, шинели и безъ калошъ. Праздники приближались, крестики на календарѣ густою цѣпью ворвались уже въ декабрь, а у меня разыгрался кашель. Братъ неодобрительно качалъ головой, упрекалъ и жалѣлъ меня. Я старался отдѣлаться отъ лазарета, и ночью, когда особенно душилъ кашель, закрывался подушкой, чтобы не услышалъ дневальный и не доложилъ дежурному офицеру. Братъ нажегъ изъ сахара леденцовъ и принесъ мнѣ въ качествѣ лѣкарства. Кашель сталъ-было утихать, но я началъ сильно лихорадить, тогда братъ самъ сказалъ «Адаму» о моемъ недомоганіи. Капитанъ хотѣлъ-было сводить меня къ «Евѣ» угостить каплями; но, замѣтивъ, что у меня жаръ, отправилъ въ лазаретъ.

Лазаретъ помѣщался подъ нашей ротой. Приходилось спуститься по сумрачной лѣстницѣ, а затѣмъ повернуть по темному, страшному коридору, мимо мертвецкой. Маленькіе воспитанники побаивались этого коридора, спѣшили скорѣе его миновать и въ то же время съ тревожнымъ любопытствомъ поглядывали на сосѣднюю съ мертвецкой, завѣшанную зеленымъ коленкоромъ, стеклянную дверь въ комнату кадета Субачевскаго, выдѣленнаго изъ общаго лазаретнаго помѣщенія въ виду особаго свойства его болѣзни.

Оказалось, что я захворалъ вѣтряною оспою. Слово «оспа» привело въ смятеніе. Меня помѣстили въ комнату, гдѣ лежалъ больной корью. Сидѣлокъ

въ то время не было. Черезъ часъ приходилъ, густо напомаженный, шикарь - фельдшеръ, заставлялъ меня пить какую-то микстуру и уходилъ. Къ обѣду принесли тарелку овсянки и полбулки, это обозначало «3-ю порцію». Мнѣ вспомнилось, какъ дома за мной ухаживали во время болѣзни. А здѣсь! Мнѣ казалось, что всѣ меня забыли, никто меня не жалѣетъ, оспа меня искалѣчитъ и даже, быть можетъ, я умру... Вечеромъ принесли мнѣ кружку чаю и опять полбулки. Я горѣлъ и не дотрогивался до пищи. Наступила ночь: все смолкло; лишь большіе лазаретные часы отбивали громко свое сухое тикъ-такъ. Становилось жутко, подступали слезы. «Хорошо бы умереть, думалось мнѣ, на зло имъ всѣмъ умереть».

Громкій окликъ въ сосѣдней комнатѣ и топаніе ногами заставили меня вздрогнуть. Я не зналъ лазаретныхъ обычаевъ. Оказалось, что это шелъ ночнымъ дозоромъ старшій врачъ. Сномъ больныхъ докторъ мало стѣснялся, и раскаты его громового голоса гулко раздавались въ ночной тишинѣ. Путь открывалъ лазаретный солдатъ со свѣчей; за докторомъ шелъ лѣкарскій помощникъ, фельдшеръ и каптенармусъ; послѣдній докладывалъ, что Шульце шалилъ и за обѣдомъ даже бросалъ туфлею.

— На «третью порцію» его! — командуетъ докторъ фельдшеру.

Грузная фигура пододвинулась ко мнѣ.

— А ты что? Febris cataralis — отчасти притворялись, да?!

И онъ сталъ меня осматривать, выслушивать и въ то же время скоро, скоро диктовать рецептъ. Фельдшеръ съ испуганнымъ лицомъ и растрепаннымъ кокомъ записывалъ какія-то каракули въ длинную, гнущуюся тетрадку. Я не могъ понять, какъ это фельдшера ухитрялись не перепутать рецепты. Секретъ, оказалось, заключался въ томъ, что въ лазаретѣ практиковалось четыре, пять микстуръ, составъ которыхъ не только фельдшера, но и болѣвшіе кадеты знали наизусть; достаточно было сказать первое слово, а тамъ ужъ все было извѣстно, какъ молитва.

Послѣ осмотра, грозный докторъ отнесся ко мнѣ довольно участливо. Сказалъ, чтобы я не боялся,— опасности никакой нѣтъ и черезъ нѣсколько дней могу «убираться въ роту».

Черезъ минуту старшій врачъ уже разносилъ какого-то больного, не желавшаго принимать лѣкарства.

По утрамъ въ лазаретъ приходили амбулаторные больные; къ нимъ пристроился мой братъ и безъ спросу забѣжалъ меня провѣдать. Онъ успѣлъ сунуть мнѣ горбушку чернаго хлѣба, два леденца и пообѣщалъ поправить мою мазню въ учебной тетради рисованія.

Черезъ день меня перевели на «вторую порцую», т. е. стали давать вмѣсто полубулки — цѣлую, и за

обѣдомъ, кромѣ овсянки или бульона съ гренками, прибавляли еще одно блюдо—рисовую кашу.

Нѣсколько человѣкъ «хрониковъ» были всегдашніе больничные завсегдатаи. Большую половину корпусной жизни они проводили здѣсь, въ лазаретѣ. Сюда же стремились попасть и не охотники до уроковъ. Всѣми путями старались они привить себѣ болѣзни. Мнѣ вспомнился теперь кавказецъ З—скій, который ночью открылъ форточку и въ одной сорочкѣ высунулся на морозъ. Онъ достигъ желаемаго, «отдулся» отъ уроковъ, заболѣлъ и... умеръ. Многіе по-просту притворялись, «набивали пульсъ», «разогрѣвали голову» и пускались на различныя хитрости. Тогда термометры еще не были въ ходу, и потому продѣлки иногда удавались, въ особенности съ благодушными младшими врачами. Старшій врачъ прежде всего во всякомъ кадетѣ, приходившемъ въ лазаретъ, видѣлъ притворщика и страшно разносилъ праваго и виноватаго. Если у кого хватало духу обратиться къ крикливому доктору съ просьбой взять въ лазаретъ, въ виду незнанія уроковъ, то онъ, накричавъ, обыкновенно принималъ.

Съ переводомъ на «первую порцію», меня послали въ классы, а вскорѣ и совсѣмъ выпустили изъ лазарета. Какъ разъ во-время. Оказалось, что за моимъ товарищемъ, Нерадецкимъ, уже пріѣхалъ арендаторъ Берко и ходилъ просить директора отпустить его ранѣе окончанія занятій. Еврей такъ сталъ

приставать къ генералу, что тотъ разрѣшилъ Неродкѣ уѣхать. Берко и впослѣдствіи являлся первымъ за своимъ «панычемъ». Многіе кадеты знали его и весело привѣтствовали симпатичнаго вертляваго старика балагура, являвшагося предвѣстникомъ «отпуска».

Въ нашу роту сталъ все чаще заходить швейцаръ и вызывать въ пріемную то одного, то другого воспитанника. Опрометью бросались они туда въ объятія родныхъ, а то и по-просту сѣрыхъ крестьянъ, «провожатыхъ», пріѣхавшихъ за ними. Насталъ и нашъ чередъ.

Братъ получилъ мой отпускной билетъ, взялъ узелокъ съ нашими вещами, приготовленными каптенармусомъ, и мы весело вышли изъ корпуса. Роль «провожатаго», безъ котораго кадетъ не отпускали, игралъ десятилѣтній гимназистъ, племянникъ нашего знакомаго.

Почти пять мѣсяцевъ провелъ я взаперти. Какъ пріятно было чувствовать себя свободнымъ! Дышалось какъ-то легче. Все выглядывало такимъ свѣтлымъ, радостнымъ. Корпусъ отошелъ куда-то далеко, въ другой міръ.

Антоненко жилъ въ деревнѣ, а въ городской квартирѣ оставались два его племянника: Николай Ѳедоровичъ, преподаватель пѣнія, и Ваня—гимназистъ. Николай Ѳедоровичъ оказался добрѣйшимъ и беззаботнѣйшимъ существомъ. Теоріи музыки онъ никогда не изучалъ, больше того, онъ и ноты плохо

разбиралъ. Зачисленъ былъ учителемъ пѣнія случайно.

Послѣ громадныхъ, холодныхъ корпусныхъ залъ, небольшой домикъ Антоненко показался мнѣ чрезвычайно уютнымъ. Солнце особенно весело заглядывало черезъ маленькія окна въ чистенькую гостиную-кабинетъ. Табачный дымъ, тонкой струйкой вившійся изъ столовой, въ первый и, думаю, послѣдній разъ въ жизни, показался мнѣ заманчивымъ. До насъ донеслись звуки вальса, кто-то пѣлъ мотивъ легонькимъ баскомъ, за нимъ, ощупью, шелъ аккомпанементъ гитары. Это незначительное обстоятельство на меня произвело самое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ вспомнилась кавказская крѣпостца, маленькій флигелекъ, въ которомъ квартировалъ мой старшій братъ, офицеръ, также «съ голоса» подбиравшій на гитарѣ романсы.

Въ столовой, около весело кипѣвшаго самовара, сидѣлъ Николай Ѳедоровичъ и разучивалъ вальсъ.

— Сейчасъ, господа, сейчасъ... Наливайте себѣ чаю сами. Мнѣ нужно кончить вальсъ.

Порвавшаяся струна, однако, заставила его заняться настраиваніемъ.

Доброе лицо гитариста такъ привѣтливо смотрѣло, что я почувствовалъ себя совершенно дома и принялся за чай со сливками, — роскошь, которая столько мѣсяцевъ была мнѣ недоступна.

Окна изъ столовой выходили въ садъ и примыкавшій къ нему дворъ; здѣсь бѣгала сѣрая волоха-

тая собака, сразу же мнѣ понравившаяся; около сарая запрягали въ сани тройку деревенскихъ лошадокъ. Братъ сообщилъ мнѣ, что собаку зовутъ «Валеткой», она страшно злая, еще въ прошломъ году подмяла подъ себя сосѣда шинкаря. Кучеръ Кондратъ—первый силачъ на хуторѣ и во время косовицы идетъ въ головѣ. Лошади: «Шпанка», «Казачка» и «Бурый». За «Бураго», увѣрялъ меня братъ, давали большія деньги, да узнали, что старикъ, и отступились. «Казачка» брыкается, «Шпанка» отлично идетъ подъ верхомъ.

Гимназистъ Ваня, уписывающій громадный ломоть хлѣба съ масломъ, прибавилъ:

— А «Бурый» не даетъ садиться, скидаетъ...

Я съ живѣйшимъ любопытствомъ вслушивался въ эти объясненія и хотѣлъ идти во дворъ посмотрѣть поближе лошадей; но въ это время Николай Ѳедоровичъ докончилъ настраивать свою гитару и предложилъ сыграть польку, разученную имъ съ Ваней, наладившимся «подбирать» на гармоніи. Конечно, мы съ братомъ обратились въ слухъ. Они заиграли, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не выходило гладко, Николай Ѳедоровичъ ловко подпѣвалъ.

— Эхъ, жалко, что вы ни на чемъ не играете! Какъ бы у насъ тогда дѣло пошло. Шикъ!

Мой братъ незамѣтно вытащилъ изъ кармана губную гармонику и присоединился къ оркестру. Это было даже для меня сюрпризомъ. Эффектъ получился удивительный, а когда поощренный братъ

сталъ выдѣлывать рулады, то восторгъ Николая Ѳедоровича не имѣлъ границъ.

— Вотъ ловко придумали! Вотъ ловко! Ну-ка, ну-ка, еще...

Полнѣйшее удовольствіе разлилось по лицу Николая Ѳедоровича, и онъ въ пятый разъ принимался за польку. Наконецъ, вошелъ бывшій денщикъ Антоненко, дворникъ и въ то же время лакей, Горобецъ.

— Та годи вамъ! Вже запрягли.

Николай Ѳедоровичъ крикнулъ ему, чтобы онъ убирался, и оркестръ продолжалъ гудѣть.

— Попробуемте, господа, вальсъ,—заявилъ братъ, который научился отлично его насвистывать.

Попробовали, вышла каша. Гармоника затягивала совсѣмъ не то, а Николай Ѳедоровичъ никакъ не могъ «подобрать» и лишь подпѣвалъ своимъ козлинымъ баскомъ.

Перешли опять на польку и стали уже было вырабатывать планъ кадрили изъ русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ, какъ опять появилась въ дверяхъ голова Горобца.

— Отъ маіоръ разсердится, что панычи опоздали.

Оркестръ смолкъ. Николай Ѳедоровичъ побаивался дяди.

— Господа, знаете что? Я поѣду вмѣстѣ съ вами на хуторъ. Поѣдемте къ Дехтярямъ, къ Яссинскимъ, къ Нартовымъ играть танцы. Идетъ?

Встрѣтивъ шумное одобреніе, Николай Ѳедоровичъ заставилъ Горобца наскоро уложить свои вещи. Размѣстившись кое-какъ въ саняхъ, мы весело выбрались за городъ. Николай Ѳедоровичъ предложилъ устроить спѣвку.

— Вѣдь къ Дехтярямъ въ церковь поѣдемъ, неловко отказаться спѣть обѣдню. Нужно имъ хватить «нотное!»

По дорогѣ мы отлично навострились пѣть «Господи, помилуй!» лаврскаго напѣва, но Симоновская херувимская шла не важно. Мой братъ пѣлъ въ корпусномъ хорѣ и зналъ твердо свою партію, остальные, включая сюда и учителя, пѣли «по слуху».

— Ничего,—ободрялъ онъ себя,—въ этомъ мѣстѣ отецъ Александръ (діаконъ) подпуститъ октаву, а тутъ Дехтярь поддержитъ альтомъ. Сойдетъ!..

Мы дѣйствительно запоздали, и на хуторѣ у самаго крыльца насъ ждалъ разносъ маіора, но хозяину нужно было спѣшно ѣхать по дѣламъ въ другую деревню, и потому некогда было долго распекать.

Въ холодныхъ сѣняхъ, заставленныхъ сундуками, мы раздѣлись. Надо было представляться, но я, одичавшій въ корпусѣ, заслышавъ женскіе голоса, переконфузился и не хотѣлъ входить. Ловкимъ пинкомъ братъ вытолкнулъ меня изъ сѣней, и я принужденъ былъ влетѣть въ комнату.

Въ небольшомъ зальцѣ съ выбѣленными стѣна-

ми и некрашеннымъ поломъ встрѣтили насъ радушно домочадцы Антоненко: старуха-мать его, сестра и двѣ молоденькія племянницы. По срединѣ комнаты стоялъ обѣденный столъ, на которомъ уже дымилась суповая чашка. Старшая племянница, добрѣйшая Софья Ѳедоровна, видя мое смущеніе, тотчасъ же взяла подъ свое покровительство и усадила за столъ подлѣ себя.

Бабушка—мы съ братомъ тоже звали такъ впослѣдствіи старушку, — мать Антоненко — хлопотливо подчивала насъ.

— Та ты, Васю, пирожка возьми, съ горохомъ, а бо съ капустой, а то можетъ хочешь пампушекъ?

Она предлагала и «кулишу» и «затирки», карасей, линей, кашу пшенную и взваръ.

Наголодавшись въ корпусѣ, я пробовалъ усердно все, что мнѣ ни предлагали и, видимо, сильно зарвался, такъ какъ братъ, воспользовавшись общей горячей бесѣдой, толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ, что «очень ужъ безъ церемоніи».

Послѣ обѣда бабушка ушла къ себѣ, а Николай Ѳедоровичъ пожелалъ блеснуть оркестромъ...

Раздались звуки польки. Въ дверяхъ стала показываться домашняя прислуга—всѣ интересовались новинкой.

Барышни не вытерпѣли и стали вертѣться по залу.

Нѣтъ, вѣдь какъ ловко-то выходитъ, а?!.. — восторгался больше всѣхъ Николай Ѳедоровичъ.

Софья Ѳедоровна пригласила меня танцовать; но для меня это казалось немыслимымъ. Я и въ корпусѣ старался отдѣлываться отъ танцевъ, а тутъ вдругъ... съ дамой.

Въ это время въ дверяхъ показалась бабушка.

— И не стыдно вамъ!? У людей постъ на дворѣ, а они танцы играютъ.

Все притихло...

Потомъ я привыкъ къ воркотнѣ доброй бабушки, но первый выговоръ мнѣ показался страшно обиднымъ;я искалъ глазами брата, но онъ былъ занятъ хорошенькой Наташей, которая видимо осталась довольна кавалеромъ.

Вскорѣ послѣ обѣда босоногая Гарпина влетѣла съ самоваромъ, двѣ другія горничныя разставили на столъ постные кренделькн, бублики, коржики, варенье и пастилу. «Вотъ бы въ корпусѣ такъ кормили!»—думалось мнѣ...

Помня предупрежденіе брата, я старался ѣсть меньше. Бабушкѣ не нравилось это, и она все время потчивала насъ то тѣмъ, то другимъ и ласково выговаривала за церемонность.

Послѣ чаю мы отправились при лунномъ свѣтѣ кататься съ горы. Николай Ѳедоровичъ увѣрилъ всѣхъ, что отлично управляетъ большими, такъ называемыми «воловьими» санями». На длинныя дровни постлали соломы, покрыли ковромъ; мы усѣлись и съ хохотомъ покатились по скату горы на занесенный снѣгомъ прудъ. До половины горы до-

ѣхали благополучно, но Николай Ѳедоровичъ и понятія не имѣвшій объ управленіи санями, наткнулся на кустъ, и все пошло кувыркомъ. Ушиблись-таки порядочно. Николай Ѳедоровичъ очутился подъ санями. Закутанныя въ салопы и платки барышни отдѣлались счастливо. Наташа зубами ухитрилась расцарапать лобъ брата и набила ему «гулю», что̀ нисколько его не сердило, наоборотъ, видимо, сердечно радовало обоихъ.

Несмотря на эту передрягу, Николай Ѳедоровичъ хотѣлъ повторить опытъ; по счастью, до насъ долетѣлъ неистовый лай изъ «вулицы», раздѣлявшей сады двухъ сосѣдей помѣщиковъ. Господа, пойдемъ собакъ стравливать! Барышни убѣжали домой, а мы вчетверомъ бросились къ «перелазу». Предстояло для меня совершенно новое зрѣлище.

Николай Ѳедоровичъ кричалъ во все горло: Сирко-на! Сирко! Лашка! Куцый!

Ваня и братъ вторили ему. Псы, заслышавъ лай и призывъ хозяевъ, перепрыгивали черезъ перелазъ и бросались на подмогу своимъ, грызшимся уже товарищамъ.

— Усь его! Усь! Лю, лю! Ра! Усю-сю!.. — раздавались крики съ нашей стороны.

— Славно, славно! Благородны панычи, панское занятіе надумали... — неожиданно раздался изъ-за плетня старческій голосъ.

Это былъ сосѣдъ-помѣщикъ, восмидесятилѣтній Кубчинскій. Николай Ѳедоровичъ первый бросился,

что называется, «на втикача»; мы припустили за нимъ. Намъ было немного стыдно, но Николай Ѳедоровичъ меня увѣрилъ, что Кубчинскій самъ страстный охотникъ стравлять собакъ и, если его собаки уступаютъ непріятелю, то онъ злится, стрѣляетъ изъ дробовика и по старости можетъ попасть въ человѣка, вмѣсто собакъ.

Часовъ въ 9 вечера подали ужинъ, опять появились пирожки съ картофелемъ, съ горохомъ и капустой, опять коржики.

За одинъ вечеръ я столько набрался новыхъ впечатлѣній, такъ надышался чистымъ воздухомъ и такъ насытился, что меня клонило ко сну. Въ гостиной на полу намъ постлали перины, и мы «покотомъ» улеглись почивать.

На другой день съ утра принялись насъ откармливать. Экономія соблюдалась лишь на покупныя закуски и лакомства. Софья Ѳедоровна въ своемъ комодѣ берегла 2—3 фунта дешевенькихъ конфетъ, которыми она сумѣла угощать насъ въ теченіе всѣхъ святокъ, выдавая ежедневно лишь по одной конфетѣ на человѣка. У этой милой барышни были и книги; она принесла намъ ихъ цѣлый ворохъ, я выбралъ историческій романъ «Жакерію» и совсѣмъ зачитался. На другой-же день послѣ пріѣзда рѣшили устроить спѣвку, въ которой долженъ былъ участвовать также и третій племянникъ Антоненко.

Передъ спѣвкой Николай Ѳедоровичъ присѣлъ подлѣ меня и сначала разсѣянно началъ пробѣгать

развернутую книгу. Однако, когда я хотѣлъ перевернуть страницу, онъ удержалъ. На другой страницѣ онъ опять отсталъ; тогда я предложилъ ему читать вслухъ; Николай Ѳедоровичъ улегся на диванъ, а я принялся за чтеніе.

Остальные хористы не чувствовали особаго желанія «спѣваться» и разошлись. Николай Ѳедоровичъ совершенно увлекся «Жакеріей», и я читалъ до хрипоты, подбадриваемый его восклицаніями.

— Отлично! Превосходно! Теперь каждый день буду читать историческіе романы.

Въ этотъ же вечеръ мы кончили романъ и рѣшили на другой день читать новый. Братъ весело провелъ время съ хорошенькой Наташей, онъ помогъ ей чистить миндаль и дѣлать «вѣнчики». Къ нимъ было примостился и гимназистъ Ваня, но проходившая мимо Софья Ѳедоровна его прогнала, такъ какъ онъ большую половину очищеннаго миндаля отправлялъ себѣ въ ротъ.

На первый день Рождества на двухъ тройкахъ мы отправились въ церковь. Утромъ начали-было спѣвку, но скоро подали лошадей, и приходилось допѣвать дорогой. Отъ непривычнаго пѣнія на зимнемъ воздухѣ и отъ усиленнаго чтенія вслухъ, я сипѣлъ и не могъ служить украшеніемъ хора.

Въ церкви густой толпой стояли сѣрыя свитки и синія чумарки. Съ амвона замѣтилъ насъ діаконъ, отецъ Александръ, весело раскланялся и рукой показалъ, чтобы намъ дали дорогу пройти впе-

редъ. Торжественно вошли мы на клиросъ, подлѣ котораго стоялъ уже старикъ-помѣщикъ Вехтярь. Въ дѣтствѣ онъ былъ придворнымъ пѣвчимъ, затѣмъ, «за спаденіемъ голоса», былъ зачисленъ губернскимъ регистраторомъ въ какую-то палату; удачно женился, пріобрѣлъ имѣньице и подъ старость поселился въ немъ. Пѣніе онъ любилъ и самъ охотно подпѣвалъ старческимъ альтомъ. Николай Ѳедоровичъ громко совѣщался съ діакономъ относительно нашего пѣнія. Рѣшили ограничиться ектеніей, Херувимской, Вѣрую и Отче нашъ. Остальное долженъ былъ исполнить пономарь.

— А концертъ-то?—громыхалъ зычно діаконъ.— Концертецъ запричастный хорошо бы хватить. А?!

Николай Ѳедоровичъ спѣшилъ-было согласиться, но братъ воспротивился.

Нашъ дирижеръ съ большимъ смущеніемъ относился къ камертону. Сначала онъ неловко прикусилъ его, затѣмъ ударилъ о колѣна. Гимназистъ Ваня прыснулъ. Николай Ѳедоровичъ, весь красный и взволнованный, промычалъ намъ что-то наугадъ, желая «задать тонъ». Первое «Господи, помилуй» вышло несмѣлое и нестройное. Затѣмъ присоединился густой басъ отца Александра, послышался вѣрный альтъ Вехтяря, и хоръ зазвучалъ довольно сносно. Николай Ѳедоровичъ смѣло, но совершенно произвольно махалъ рукой. Къ Херувимской шли долгія приготовленія и совѣщанія. Вехтярь перебрался на клиросъ. Молчавшій до этого

времени сынъ пономаря, — семинаристъ, взялся за теноровую партію. Въ церкви все притихло. Солнечный лучъ ворвался черезъ куполъ и, пронизавъ тихо подымающіяся волны кадильнаго дыма, освѣтилъ колѣнопреклоненную толпу молящихся. Торжественность минуты заставляла невольно вздрогнуть и задать себѣ тревожный вопросъ: «Какъ я могъ согласиться, безъ всякой подготовки, идти на клиросъ, на позоръ?! Вѣдь мы оборвемся, напутаемъ»... Николай Ѳедоровичъ съежился, сталъ меньше и уступилъ мѣсто Вехтярю.

Я рабски слѣдовалъ за изгибами голоса брата, твердо знавшаго партію сопрано. Хоръ то смолкалъ, то уносился куда-то въ высь, крѣпъ и росъ. «Всякое нынѣ житейское» нѣжно и грустно прошепталъ теноръ, и затѣмъ съ юношескимъ жаромъ зарыдалъ «отложимъ попеченіе». Вехтярь восхищенно уставился на тенора и застылъ съ открытымъ ртомъ... Слышалось, какъ застучали въ церкви усиленно поклоны. Разнеслись послѣдніе раскаты громовой октавы діакона, подпѣвавшаго намъ изъ алтаря; я обернулся и различилъ въ толпѣ плачущихъ женщинъ, да и у нѣкоторыхъ мужиковъ видна была роса на глазахъ...

Послѣ обѣдни насъ пригласили къ священнику на чашку чаю. Помнится, меня въ домѣ отца Андрея заинтересовали цѣлыя груды паляницъ, книшей, бубликовъ и лукошекъ съ яйцами. Братъ

шепнулъ мнѣ, что все это насбирали отъ прихожанъ. Вотъ бы въ корпусѣ столько съѣстного!..

Отъ батюшки перешли къ Вехтярю, гдѣ собралось немало народа; на одномъ столѣ играли въ преферансъ, а на другомъ — въ ералашъ «съ назначеніемъ»; большинство гостей группировалось около хозяина и усердно распѣвали народныя малороссійскія пѣсни: «Ой на горі, та жінці жнуть», «Стоитъ явіръ надъ водою», «Ой у полі жіто капітами сбіто», «Віютъ вітрі», «Грічанікі», «Гріцю, Гріцю до роботі», «Не люблю я ни Стецька, ни Гріцка», и еще много другихъ.

Отецъ Александръ затягивалъ: «Ой ты, Днѣпръ, ты мой широкій»; но ничего не выходило, на второй строкѣ хоръ и путался, и обрывался.

Николай Ѳедоровичъ прихвастнулъ своей гитарой и оркестромъ. Моментально верховой слеталъ къ намъ на хуторъ и привезъ инструменты; брата не могли уговорить сыграть на гармоникѣ. Онъ заупрямился и отказался наотрѣзъ. Послѣ уже я узналъ, что Наташа подсмѣивалась надъ его скошеннымъ во время игры лицомъ.

Только-что Николай Ѳедоровичъ съ гимназистомъ разыгрались, какъ пріѣхалъ родственникъ Вехтяря, — становой приставъ, съ сыномъ Колей, который отлично игралъ на скрипкѣ. Въ качествѣ дядьки съ нимъ былъ музыкантъ изъ прежнихъ дворовыхъ. Приходилось очистить дорогу новымъ

силамъ, и Николай Ѳедоровичъ пустился танцовать. Вернулись домой уже поздно ночью.

Каждый день почти мы ѣздили куда-нибудь въ гости, и вездѣ насъ старались немилосердно закормить, а потомъ заставляли танцовать. Когда оставались на хуторѣ, то я или проглатывалъ романы, или вмѣстѣ со всей компаніей слонялся по конюшнямъ и загонамъ, осматривая и оцѣнивая лошадей и рогатый скотъ.

Двѣ недѣли святокъ пролетѣли незамѣтно. Подъ конецъ настала оттепель. Санная дорога совсѣмъ испортилась, и на плотинахъ, — «гребляхъ», проѣздъ былъ крайне затруднителенъ.

6-го января утромъ мы отправились въ корпусъ въ старо-престарой, громоздкой колескѣ, которую нужно было перевезти въ N. для продажи. Коляску тащили двѣ пары воловъ. Сначала намъ казалось это смѣшно, но скоро надоѣло, и мы въ прескверномъ настроеніи духа вечеромъ въѣхали въ городъ. Въ ночномъ сумракѣ едва-едва обозначался контуръ громаднаго корпуснаго купола, гордо поднимавшагося надъ всѣмъ городомъ. Съ неособенно пріятнымъ чувствомъ всматривался я въ эту громаду, которая должна была черезъ часъ поглотить меня...

Вскорѣ тревожно пробирался я черезъ спальную неранжированной роты къ дежурному офицеру «явиться изъ отпуска» и получилъ строгій выговоръ за то, что опоздалъ на четыре часа.

Холодный, длинный дортуаръ съ безконечной ве-

реницей желѣзныхъ кроватей съ вытянутыми, лежащими по формѣ, «на правомъ боку» кадетскими фигурами, смотрѣлъ неприглядно. Выровненныя, съ правильно уложеннымъ платьемъ, табуретки и тѣ напоминали о формѣ, о порядкѣ... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ кадеты шушукались и, замѣтивъ меня, спѣшили опросить, не привезъ ли я чего съѣстного. Но я ничѣмъ не могъ угостить. Раздался шипящій окрикъ дежурнаго: «не разговаривать!»..

Въ спальной зимой было очень холодно. Бѣлыя байковыя одѣяла служили со времени основанія корпуса и, потерявъ ворсъ, представляли собою очень ненадежный покровъ. Только въ случаѣ предполагавшагося пріѣзда высшаго начальства, раскладывали новыя пушистыя одѣяла, и тогда мы сравнительно блаженствовали. При удобномъ случаѣ кадеты старались раздобыться добавочнымъ покрываломъ.

Мой сосѣдъ, предполагая, что я пріѣду на другой день, воспользовался моимъ одѣяломъ, вытянувъ его изъ-подъ синяго набойчатаго покрывала. Приходилось отнимать и выслушивать воркотню. Ложась спѣшно въ постель, я попалъ «въ мѣшокъ», неизбѣжно устраивавшійся изъ простыни всѣмъ отпускнымъ. Шушукавшіеся товарищи прыснули отъ смѣха. Приходилось перестилать постель. Вновь появился дежурный, и все замерло.

На утро предстояло встать въ шесть часовъ,

ѣсть кашицу, идти на уроки... Опять взаперти, опять на замкѣ...

Послѣ Рождественскихъ праздниковъ потянулись скучные, сѣрые дни. Впереди далеко брезжилъ свѣтъ праздника Пасхи и наконецъ лѣтнихъ каникулъ. Съ особой торжественностью прошла недѣля говѣнія. Къ этому времени пріурочивался и общій «генеральный» тѣлесный осмотръ. Нѣкоторые кадеты, имѣвшіе на совѣсти тайные грѣхи, боялись этого осмотра такъ же, какъ и исповѣди. Старшій врачъ Горностаевскій замѣчательно точно угадывалъ виновныхъ въ темномъ порокѣ и ставилъ такимъ нотабене. Этотъ значекъ былъ страшнѣе всякаго нуля и розогъ. Товарищи моментально узнавали о нотабене, и получившему ее приходилось до выпуска выслушивать насмѣшки и горѣть отъ стыда.

Передъ исповѣдью нѣкоторые кадеты выписывали на особый листокъ свои грѣхи и затверживали ихъ наизусть, чтобы безъ запинки отвѣчать требовательному священнику. Въ день причастія св. Тайнъ мы запаслись просфорами и старательно всю нижнюю ихъ часть сплошь покрывали чернильными надписями именъ: «о здравіи» и «за упокой». Послѣ причастія разрѣшалось всѣмъ, у кого не было даже знакомыхъ, уходить въ отпускъ и притомъ безъ провожатаго. Это отступленіе отъ правилъ дѣлалось только разъ въ годъ, въ надеждѣ на то, что въ такой день никто не натворитъ бѣды...

На Пасху въ виду сильной распутицы по грунтовымъ дорогамъ не было проѣзда, и потому, исключая тѣхъ, у кого родственники были въ городѣ, всѣ оставались въ корпусѣ. Вспомнили мы съ братомъ о пасхальныхъ приготовленіяхъ дома; но вспомнили, какъ о чемъ-то давно давно прошедшемъ. У насъ и мысли тогда не было о возможности проѣхать домой, повидать своихъ и, странное дѣло, несмотря на искреннюю любовь къ роднымъ, у меня какъ-то мало щемило сердце по дому. Письма мои, сколько помню, были тоже крайне безсодержательны, однообразны и сухи...

Весеннее тепло принесло съ собой нѣкоторое оживленіе въ корпусную жизнь. Взамѣнъ чиннаго гулянья по городскимъ тротуарамъ, насъ, неранжированную роту, стали водить на громадный кадетскій плацъ, выходившій совсѣмъ уже за городъ и обрамляющійся роскошнымъ бордюромъ цвѣтущей сирени. На обширномъ зеленомъ лугѣ было гдѣ вдоволь набѣгаться, въ волю покричать и порѣзвиться безъ страха передъ дежурнымъ офицеромъ, который не въ силахъ былъ слѣдить за воспитанниками, старавшимися держаться отъ него въ почтительномъ разстояніи.

Для многихъ немалой приманкой служилъ продавецъ съ лакомствами, «пряничникъ», онъ забирался въ отдаленные углы плаца и бойко торговалъ. Желающимъ торговецъ предлагалъ разбивать однимъ ударомъ на двѣ части пряникъ; при

чемъ выполнившій это условіе получалъ его даромъ. Многіе пробовали свое искусство; но рѣдкіе выигрывали, а большинству приходилось платить изъ копѣечныхъ кадетскихъ карманныхъ денегъ.

Кадеты съ увлеченіемъ занимались разнообразными играми въ мячи. Нѣсколько человѣкъ посвятили себя коллекціонированію. Они собирали растенія, съ необыкновеннымъ усердіемъ ловили бѣдныхъ жуковъ и бабочекъ; безпощадно насаживали ихъ на булавки, расправляли на пробковыхъ пластинкахъ и убивали камфорой. Какъ завидовали счастливцу, которому удавалось поймать махаона или достать адамову голову!..

Весна ознаменовалась также тѣмъ, что утренній сбитень замѣнялся очень порядочнымъ молокомъ, а, по назначенію доктора, десятки худосочныхъ воспитанниковъ ходили въ лазаретъ пить какую-то зеленую бурду, настой изъ травъ.

Переходные экзамены въ приготовительномъ классѣ, конечно, были очень не трудны, и оставалось у насъ много свободнаго времени, которое мы не безъ удовольствія проводили на плацу.

Учитель русскаго языка, Степанъ Ивановичъ, приходилъ къ намъ на плацъ и обыкновенно старался устраивать различныя игры. На плацу скамеекъ не было, и нашему любимому преподавателю негдѣ было присѣсть отдохнуть. Мы рѣшили сдѣлать ему сюрпризъ. Изъ канавы, обрамлявшей весь плацъ, подъ полой, втихомолку отъ дежурнаго

офицера, кадеты натаскали кирпичей, сложили скамью и покрыли ее дерномъ, вырѣзаннымъ перочинными ножами. Степанъ Ивановичъ до слезъ былъ тронутъ нашей заботливостью о немъ и очень благодарилъ, не подозрѣвая, что мы разорили канаву...

Наконецъ придвинулись и каникулы. Всѣ, кто имѣлъ лишь какую-нибудь возможность добраться до дому, собирались покинуть на лѣто корпусъ. У подъѣзда стали появляться деревенскія брички, натычанки, тарантасы и фургоны. На козлахъ сидѣли Остапы и Кондраты въ сивыхъ шапкахъ и синихъ чумаркахъ. За кадетами пріѣзжали отцы, по большей части отставные военные въ незатѣйливыхъ «сивильныхъ» костюмахъ, вышедшихъ изъ мастерской уѣзднаго Абрамки, а то и въ отставной формѣ и при всѣхъ регаліяхъ. Матери-вдовы въ «темненькихъ» платьяхъ также не пропускали срока и навѣдывались въ корпусъ за справками, въ сопровожденіи, обыкновенно, подростающаго, будущаго кадета, съ любопытствомъ глазѣвшаго на воспитанниковъ.

Тѣ изъ кадетъ, кто жилъ въ отдаленныхъ сравнительно мѣстностяхъ, собирались въ артели и подряжали себѣ еврейскія фуры: громадные, дребезжащіе экипажи, съ длиннымъ, чуть не волочащимся по землѣ дышломъ, подлѣ котораго ковыляли въ порваной веревочной упряжи заморенныя шершавыя клячи. Экипажъ былъ неприглядень, но зато

весело было забиться туда большой компаніей. Сколько приключеній по дорогѣ!..

Непріятно только «шабашовать» по субботамъ вмѣстѣ съ возницей.

Мы съ братомъ поѣхали на хуторъ къ Антоненко.

Когда мы ѣздили въ деревню на Рождество, то мѣстность казалась безотрадной; теперь же весной, разсыпанныя почти непрерывной цѣпью по балкамъ, бѣлыя хаты, окутанныя вишнякомъ, яблонями и грушевыми деревьями, привѣтливо улыбались намъ; высокіе «млины» не казались уже мертвыми великанами, а бойко работали своими длинными крыльями. Въ ставкахъ полоскались гуси и ныряли утки. Густая щетка зеленѣющихъ пашней перемежалась утрамбованными, точно паркетъ, толоками, на которыхъ сѣрой волной двигались овцы, низко, точно ножницами, срѣзывая траву; бродилъ крупный малороссійскій скотъ, и подпрыгивали спутанныя лошади и озабоченно изслѣдовали землю свиньи. Любопытная молодежь подскакивала къ самой дорогѣ, а на перерѣзъ бросался пастухъ съ длиннѣйшимъ кнутомъ и хлесткимъ взмахомъ отгонялъ ихъ къ мирно пасшимся солиднымъ родичамъ.

Съ какимъ интересомъ слѣдили мы, сидя въ бричкѣ, какъ змѣей извивалась лѣвая пристяжная «Шпанка» и растяжнымъ галопомъ старалась догнать спокойнаго и, казалось, еле двигающагося коренника, иноходца «Бураго».

Эти обычныя деревенскія картины насъ неска-занно радовали, и жизнь казалась такъ хороша, такъ красна...

По дорогѣ мы догнали телѣжку въ одну лошадь, въ ней на коврикѣ изъ обрѣзокъ солдатскаго сукна сидѣлъ Петръ Ивановичъ Коржинскій, хорошій знакомый Антоненко, мелкопомѣстный «панокъ», служившій когда-то чиновникомъ въ интендантствѣ, но выдававшій себя за маіора и любившій повто-рять три, четыре ему извѣстныхъ французскихъ фразы.

— А! Команъ-ву-порте?—крикнулъ онъ, обдавъ насъ сѣрой густой пылью изъ-подъ колесъ своей брички.

— Къ бабушкѣ? Галопируемте вмѣстѣ. Я ужъ давно оглядываюсь и гляжу, чья это пристяжная такіе карамболи выкидываетъ.—Говорю Остапу, а это вѣдь, надо быть, кони Якова Антоновича; а онъ дуракъ бурчитъ себѣ: ни, да ни. Ну, я приказалъ ему ѣхать потише, чтобы убѣдиться. Компрене-ву?

— Что жъ ее придерживать, вона и бігать не вміе,—замѣтилъ лукаво нашъ кучеръ.

— Ну, ты мужланъ!—разсердился Коржинскій.

— Та, ей Богу, Петръ Иванычъ, сидайте лучше съ панычами, а Остапъ поиде сзаду.

— А что же, это недурно. Вуле-ву? — Мы выра-зили согласіе, и черезъ минуту костлявая, длинная фигура съ громадными подкрашенными усами по-мѣстилась между нами. Скоро лошадь Коржинскаго,

крохотный кучеръ, хлопчикъ Остапъ, и телѣжка скрылись изъ нашихъ глазъ, только жеребенокъ бѣжалъ подлѣ насъ; но потомъ спохватился, залился тонкимъ, тонкимъ ржаньемъ, въ отвѣтъ ему еле донесся родной призывъ, и стригунчикъ, поднявши крохотный хвостикъ, бросился стремглавъ назадъ.

— Вотъ дармоѣдъ, Остапъ, должно быть заснулъ, не подгоняетъ коня.

— Э, це винъ хоче, щобъ мы побильшы его выпередили; а тамъ подъ самымъ хуторомъ якъ стріла обгонитъ насъ,—спокойнымъ голосомъ процѣдилъ кучеръ, — лица его не было видно, — но должно быть ехидная улыбка подергивала его губы. Петръ Ивановичъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ насмѣшки, и заговорилъ съ нами о корпусѣ.

— Мой племянникъ, Петрусевичъ, съ вами вѣдь учится.—Саве-ву? Его маменька,—моя дражайшая сестрица. Ограбила она меня, обобрала, какъ липку. Компрене-ву? Дневной грабежъ. Воспользовалась тѣмъ, что я въ походахъ разныхъ участвовалъ, она и завладѣла моимъ клиномъ въ пять десятинъ. Сестрица говоритъ, что клинчикъ ея и въ немъ будто всего три десятины восемьсотъ саженъ, такъ я вамъ, господа, скажу: вретъ она, сестрица моя, вретъ она дражайшая, пять десятинъ, кровныхъ моихъ, наслѣдственныхъ!..

Петръ Ивановичъ послѣднія слова злобно прокричалъ, точно передъ нимъ были его враги и судьи,

а не два кадетика, балансировавшіе на узкомъ сидѣніи.

— А хорошіе тамъ вышли у Марѳы Ивановны конопляники! Дуже хорошіе, — вставилъ свое ѣдкое слово кучеръ, пустившій въ гору лошадей шагомъ.

— Да, что ты, бестія, злить меня хочешь!? Злить что ли?

Кучеръ повернулъ свое добродушно-лукавое лицо и вытянувъ изъ кармана рожокъ, высыпалъ на ноготь табаку и, крѣпко нюхнувъ, замѣтилъ:

— Це я жаліючи васъ же.

— То-то! — прохрипѣлъ нашъ спутникъ.

Показавшаяся крыша Антоненковскаго дома вновь скрылась при поворотѣ дороги и, наконецъ, по узкой аллеѣ мы лихо влетѣли въ помѣщичій дворъ къ подъѣзду.

На хуторѣ мы застали не только всю семью Антоненко, но и сестру Петра Ивановича, пріѣхавшую къ Якову Антоновичу посовѣтоваться по поводу тяжбы съ братомъ. Марѳа Ивановна, женщина удивительной толщины, неробкаго характера и говорившая басомъ, сильно однако боялась рѣзкаго Якова Антоновича.

Въ моментъ пріѣзда нашего она сидѣла въ кабинетѣ у хозяина. Николай Ѳедоровичъ сейчасъ же намъ сообщилъ, что посадница Марѳа уже дважды заявляла: «позвольте мнѣ выйти!» и выкатывалась изъ кабинета — «не выдерживала».

Петръ Ивановичъ, узнавъ о присутствіи сестры, хотѣлъ было уѣхать назадъ; но отставшій Остапъ не пріѣзжалъ еще, и ему пришлось остаться. Николай Ѳедоровичъ потиралъ руки, предвкушая удовольствіе, которое онъ надѣялся почерпнуть отъ наблюденія за ссорой Коржинскаго и Петрусевичъ.

За обѣдомъ Яковъ Антоновичъ заявилъ тяжущимся, что онъ ихъ помиритъ слѣдующимъ образомъ: купитъ спорный участокъ и раздѣлитъ между ними деньги пополамъ. Петръ Ивановичъ готовъ былъ согласиться, но сестра и слышать не хотѣла о мировой сдѣлкѣ.

— Вѣдь уступи я ему, такъ онъ завтра и домъ мой потребуетъ дѣлить. — Хорошій братъ развѣ такъ долженъ поступать съ сестрой, сиротой; да онъ бы свое еще отдалъ, а не требовалъ бы послѣдняго отъ меня, бѣдной вдовы, — басила Петрусевичъ, жадно проглатывая третью тарелку борща съ сушеными карасями.

— Атандé-съ, атандé-съ, дражайшая сестрица!.. — хрипѣлъ Петръ Ивановичъ, простирая по направленію къ ней свои костлявыя руки.

Николай Ѳедоровичъ толкалъ меня ногой подъ столомъ и силился удержаться отъ смѣха. Зоркій глазъ Антоненко видѣлъ, однако, продѣлки племянника, и онъ, не стѣсняясь его возрастомъ, замѣтилъ.

— А ты бы, горе-педагогъ, вмѣсто того, чтобы

смущать дѣтей и смѣяться надъ другими, смотрѣлъ бы больше за собой. На косовицѣ былъ сегодня? Много накосили?

— Да, порядочно! — робко отвѣтилъ Николай Ѳедоровичъ.

— Что значитъ порядочно?—спрашиваютъ тебя толкомъ,— сколько? до какой межи?

— Да вотъ...я не знаю, какъ называется, этотъ... то-есть клинокъ...

— Э-эхъ, братъ, бачили, та не видали, ты и на косовицѣ видно совсѣмъ не былъ. Работникъ!

— Помилуйте, дяденька, спросите... да вотъ Петръ Ивановичъ видѣлъ, какъ я съ «лукъ» мимо его хаты шелъ.

Коржинскій ничего не могъ видѣть, такъ какъ былъ въ городѣ, но Николай Ѳедоровичъ выбралъ такой моментъ, когда у того былъ набитъ полонъ ротъ, а главное педагогу было извѣстно, что молодящійся интендантъ, несмотря на свои годы, страстно посматривалъ на Софью Ѳедоровну, и потому не въ его разсчетахъ было ссориться съ братомъ приглянувшейся барышни.

Послѣ обѣда, враждующія стороны сейчасъ заторопились уѣзжать. Петрусевичъ пріѣхала въ телѣжкѣ, въ которую взбиралась съ помощью двухъ горничныхъ по особой, какъ у корпусныхъ ламповщиковъ, лѣсенкѣ. Всѣ вышли на балконъ провожать цаплю и копну, какъ звали у Антоненко брата съ сестрой.

Недалеко отъ усадьбы прошли домой съ лихой пѣснью косари. Вернулось съ вечерняго водопоя стадо. Проскрипѣли запоздавшіе плугари.

Пришелъ приказчикъ за полученіемъ распоряженій на завтрашній день.

— А на луки съ косарями поѣдутъ панычи, — сказалъ Антоненко, указывая на всѣхъ насъ. — Они копны сосчитаютъ.

Николаю Ѳедоровичу не улыбалась перспектива вставать въ 4 часа утра съ тѣмъ, чтобы съ воловьими подводами двигаться верстъ за пять; но мы съ братомъ были въ восторгѣ. Послѣ ужина намъ постлали постели на балконѣ, обвитомъ дикимъ виноградомъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось спать ночью на открытомъ воздухѣ. Обступившій вокругъ дома темный садъ казался какимъ-то таинственнымъ, яркія звѣздочки на небѣ особенно какъ-то блестѣли. Со ставка потянуло прохладой, я закутался въ теплое одѣяло и только-что сталъ засыпать, какъ до меня донеслись неясные звуки, приближавшіеся все ближе и ближе. То пренепріятно горланили десятки женскихъ крикливыхъ голосовъ. Николай Ѳедоровичъ встрепенулся.

— Господа! Пойдемте «на вулицу» водить хороводы.

Конечно, меня это не могло прельщать, и я скоро крѣпко заснулъ. Николай Ѳедоровичъ исчезъ.

На зарѣ насъ еле добудился кучеръ Кондратъ. Мы взобрались на неосѣдланныхъ лошадей, взнуз-

данныхъ веревочными поводками, и веселой гурьбой затряслись по дорогѣ. Въ полѣ братъ пустилъ во всю прыть «Бураго», Кондратъ и племянникъ Антоненко понеслись съ нимъ «на перегонки», я, самый младшій и наименѣе искусный наѣздникъ, держался сзади на старомъ ворономъ кабардинцѣ; но мой конь не выдержалъ всеобщаго воодушевленія, подбросилъ задомъ и пустился въ погоню за товарищами; только, впрочемъ, безъ меня, такъ какъ я лежалъ на землѣ. Обошлось все благополучно. Черезъ пять минутъ мы легкой трусцой проѣхали мимо усадьбы Петра Ивановича, который уже всталъ и на маленькомъ крылечкѣ распивалъ чай.

— Угостилъ бы васъ чаемъ, господа, да посуды не хватитъ.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Ивановичъ, извольте угощать; гостей вѣдь такихъ не скоро найдете,—приставалъ безъ церемоніи къ скупому интенданту Николай Ѳедоровичъ.

Босоногая горничная набрала какихъ-то разнокалиберныхъ стакановъ и чашекъ безъ блюдечекъ, и на утреннемъ холодкѣ намъ съ братомъ чай показался удивительно вкуснымъ.

Петръ Ивановичъ разошелся, приказалъ подать хлѣбъ, масло и даже ромъ; послѣднее видимо пришлось по душѣ Николаю Ѳедоровичу, такъ какъ онъ одобрительно крякнулъ и объявилъ, что останется у Коржинскаго, а мы можемъ ѣхать присматривать за косовицей.

Мы застали рабочихъ «за снѣданіемъ»; они сидѣли вокругъ чашекъ и солидно пережевывали куски чернаго хлѣба, прихлебывая ложками чистую воду съ солью, которая комочкомъ, «грудочкой для скусу», лежала въ самыхъ ложкахъ. Скоро Кондратъ, а за нимъ и другіе принялись оттачивать около самодѣльной наковальни косы, и наконецъ, вдоволь навозившись съ ними, двинулись на работу.

Подлѣ уснувшей рѣки, расплывшейся въ причудливые, неподвижные плесы, широкой зеленой полосой, разрисованной цвѣтами, тянулись заливные луга. Роскошная трава богатымъ ковромъ покрывала вдаль уходящую площадь. То здѣсь, то тамъ поднимались надъ лугомъ птички и, покружившись въ выси, опять спускались въ уютныя гнѣздышки, свитыя среди высокой, привѣтливо покачивающей верхушками травы. Недолго красоваться и травѣ и цвѣтамъ!.. Пришли палачи, сверкнуло оружіе, и поле быстро стало оголяться, теряя свой чудный цвѣточный уборъ... Широко разставя ноги и согнувши спины, десятки косцовъ, съ Кондратомъ во главѣ, ровными уступами подвигались впередъ и сильными саженными взмахами валили густую и сочную траву, безжизненно падавшую на землю длинными валиками. Вдали виднѣлись дивчата, сгребавшія скошенное вчера сѣно. Намъ нужно было идти туда считать копны и подгонять работницъ.

Въ то время, какъ косари, безмолвно насильни-

чая, обнажали луга, веселыя дивчата, съ вѣнками на головахъ, съ пѣснями сгребали подсохшее сѣно въ копны и украшали мертвое поле этими, хозяйское сердце радующими, густо поставленными, травяными могилками. Самыя былинки, подсыхая, выглядывали бодрѣе, топорщились и наполняли воздухъ ароматомъ.

Часовъ въ одиннадцать солнце стало сильно припекать, и по всей линіи работа замолкала, замерла; всѣ стали собираться къ котламъ, гдѣ уже готовъ былъ кулешъ. Косари принесли съ собой двухъ зайчатъ и перепелку съ отрѣзанной ногой. Работникамъ дали водки, дивчата гримасничали, конфузились, но все-таки нѣкоторыя вытягивали горькую влагу изъ рюмки до дна.

Мы ѣли то же, что и рабочіе, только изъ отдѣльной миски, и ѣли съ волчьимъ аппетитомъ. Послѣ обѣда невольно всѣ растянулись на мягкомъ, душистомъ свѣже-скошенномъ сѣнѣ. Глаза упираются въ небесный лазоревый шатеръ, повсюду утихаетъ жизнь, лишь ястребъ вьется высоко, высоко, да за нимъ порхаютъ ласточки; солнце грѣетъ все сильнѣе и сильнѣе. Незамѣтно слипаются глаза, и протираешь ихъ съ изумленіемъ часа черезъ полтора, когда вокругъ начинаютъ подниматься на работу косари и вновь лязгать точиломъ и молоткомъ о свои притупившіяся косы.

Пока тянулась косовица, мы исправно присутствовали на работахъ, но скоро кончилось это полу-

обязательное для насъ занятіе, и мы должны были изобрѣтать себѣ способы развлеченія.

Лѣтомъ мѣстные, больше все мелкопомѣстные «панки» жили совсѣмъ не такъ, какъ на святкахъ. Тогда было разливанное море, танцы и постоянные гости. Теперь всѣ сидѣли у себя по усадьбамъ, жались, никуда, кромѣ своего поля, не выѣзжали. Столъ, даже у зажиточныхъ Антоненко, былъ, по сравненію съ святочнымъ, значительно менѣе разнообразенъ и обиленъ. Мы бродили по окрестностямъ, собирали землянику, купались въ ставкахъ, водили на пастьбу лошадей, заходили въ крестьянскія хатки и толковали съ хозяевами. Помню, меня сильно поразила голая бѣдность хуторянъ, только-что освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣломъ въ $1^1/_4$ десятины. Въ семи дворахъ ни у кого не было ни одной коровы, и бѣдныя хохлушки должны были выпрашивать у помѣщика молока или масла въ обмѣнъ за цыплятъ или за работу.

За помѣщичьимъ хуторомъ раскинулись казачьи усадьбы, ласкавшія глазъ домовитостью и зажиточностью.

Книгъ въ библіотекѣ Софьи Ѳедоровны оказалось для меня недостаточно, пришлось заимствоваться у сосѣдокъ, племянницъ старика Кубчинскаго. Онѣ были очень гостепріимны, но старикъ, ихъ дядя, держалъ такихъ злыхъ собакъ, что мы могли ходить къ нимъ въ усадьбу лишь въ сопровожденіи сосѣд-

ской горничной. Николай Ѳедоровичъ расхрабрился и пошелъ было разъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ безъ провожатаго, а послѣдній захватилъ съ собой кусокъ хлѣба, которымъ онъ думалъ подкупить собакъ. Однако, экспедиція двухъ кавалеровъ кончилась неудачно. Сейчасъ же «за перелазомъ» на нихъ напали овчарки Кубчинскаго. Николай Ѳедоровичъ бросился назадъ и скрылся за плетнемъ, хотя брюки его все-таки сильно пострадали; а Коржинскій заоралъ благимъ матомъ и отъ страха опустился на землю. На крикъ Петра Ивановича прибѣжала младшая племянница Кубчинскаго, Прасковья Павловна, разогнала собакъ и увела въ домъ испачканнаго, жалкаго кавалера. Заботливость Прасковьи Павловны показалась интенданту знакомъ особаго расположенія, онъ вообразилъ, что она за нимъ ухаживаетъ, и самъ неожиданно почувствовалъ къ ней особое влеченіе.

Прежде онъ довольно часто посѣщалъ семью Антоненко и видимо млѣлъ въ присутствіи Софьи Ѳедоровны, хотя, впрочемъ, боялся заявить о своихъ видахъ, а послѣ эпизода съ собаками онъ повернулъ фронтъ и началъ надоѣдать Кубчинскимъ своими визитами. Николай Ѳедоровичъ засматривался также на красивую вдовушку и, какъ ни безопасенъ былъ Коржинскій, но это ухаживаніе его коробило.

Прасковья Павловна смѣялась надъ обоими ухаживателями и больше всѣхъ благоволила къ намъ,

двумъ малолѣтнимъ кадетамъ. Всегда было у нея для насъ припасено какое-нибудь деревенское лакомство, или романъ, или ласковое слово.

— Бѣдненькіе вы, мои кадетики, закинули васъ на чужую сторонку,—какъ-то нараспѣвъ добрымъ, добрымъ голосомъ говорила обыкновенно она и надѣляла насъ сочными, звонкими поцѣлуями.

У Кубчинскихъ былъ прекрасный, выдѣляющійся среди всѣхъ окрестныхъ, фруктовый садъ. Старикъ-хозяинъ, страстный садоводъ, все время копался или на пчельникѣ, или подлѣ своихъ деревьевъ, очищая ихъ отъ насѣкомыхъ и сѣтками защищая отъ птицъ.

Когда начали поспѣвать шпанки, то мы, пользуясь радушнымъ пріемомъ Прасковьи Павловны, особенно часто стали появляться у сосѣдей, даже собаки привыкли къ намъ и пропускали, какъ своихъ. Самъ старикъ недружелюбно относился ко всѣмъ гостямъ и безъ церемоніи вслухъ ворчалъ; но вдовушка просила не обращать вниманія на воркотню и угощала насъ шпанками, скороспѣлками-грушами и яблоками. Мы съ братомъ такъ и дѣлали, — не обращали вниманія на Кубчинскаго и съ удовольствіемъ угощались фруктами.

Неблагодарные! когда поспѣли вишни, а затѣмъ стали наливаться и яблоки въ нашемъ саду, то визиты наши къ Кубчинскимъ стали рѣже. Впрочемъ, намъ задали новую работу: наблюдать за начавшимся жнитвомъ озимыхъ хлѣбовъ и дѣлать раз-

счетъ съ крестьянами, работавшими «съ четвертаго снопа». Мы опять цѣлыми днями проводили на поляхъ, гдѣ мужчины косили, а женщины вязали снопы или жали хлѣбъ. Не слышно было пѣсенъ, не видно было цвѣтовъ, а наоборотъ, повсюду выглядывали уже замореныя, коричневыя лица, да пожелтѣвшіе колосья, колосья и колосья. Работа шла не общимъ «загономъ», какъ на косовицѣ, а по участкамъ и разнымъ «клинчикамъ», отдѣльными семьями. Повсюду, насколько глазъ могъ окинуть степь, копошился народъ, выставляя лишь головы надъ колеблющейся поверхностью хлѣбовъ. Въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись треножники съ привѣшенными колышками, гдѣ пищали новорожденные плоды октябрьскихъ браковъ.

Обливаясь потомъ, съ открытой и загорѣвшей, точно голенище, грудью, крестьяне выбивались изъ силъ, чтобы только выработать себѣ хлѣбъ насущный. Еще тяжелѣе приходилось женщинамъ, которыя должны были работать по недѣлямъ въ ненормально согнутомъ положеніи.

Мы съ братомъ дѣлали разсчетъ и отмѣчали вѣточками «панскія» копны, а неграмотный приказчикъ на своей биркѣ вырѣзывалъ ножомъ, ему лишь понятные, значки.

День за днемъ незамѣтно промелькнули іюнь и іюль, и насталъ «второй Спасъ», а на другой день и отъѣздъ въ корпусъ.

А я-то предполагалъ за лѣто сдѣлать большіе

переводы по французскому языку и собрать коллекцію бабочекъ! Ни то, ни другое и на умъ не пришло... 6-го августа, въ ближайшемъ селѣ у Дехтяря, былъ престольный праздникъ и ярмарка. Мы съ братомъ на рубль накупили цѣлыя горы монистъ, колечекъ и серегъ въ подарокъ деревенской женской прислугѣ. У стараго помѣщика по-святочному былъ пиръ горой, подали даже донское вино. Діаконъ провозгласилъ многолѣтіе хозяину, гости подхватили и подняли неимовѣрный крикъ. Дехтярь плакалъ отъ умиленія. Петръ Ивановичъ хотѣлъ сказать рѣчь, но, увидѣвъ смѣющіеся глаза Прасковьи Павловны, запнулся и при общемъ хохотѣ, весь красный, долженъ былъ замолкнуть и уткнуться въ тарелку. Съѣли неудавшееся, расплывшееся мороженое и разсыпались по саду. Черезъ полчаса я съ компаніей встрѣтилъ сверхъ обыкновенія невеселаго, но попрежнему болтливаго Николая Ѳедоровича, который сообщилъ, что Петръ Ивановичъ дѣлалъ сейчасъ предложеніе вдовушкѣ и получилъ отказъ.

— Что же вы, уважаемый коллега, не договариваете, пропускаете! Вѣдь я рискнулъ послѣ того, какъ отказали вамъ, преподнесли, такъ сказать, гарбузъ. Компрене-ву?—вдругъ послышался хриплый голосъ Коржинскаго.

При разъѣздѣ гостей, Прасковья Павловна взяла меня съ братомъ къ себѣ въ бричку. Она сначала подсмѣялась надъ женихами, а потомъ стала вспо-

минать своего покойнаго мужа, молодого офицера и сына, умершаго груднымъ ребенкомъ.

— Вѣдь ему теперь время было бы поступать въ корпусъ, мужъ хотѣлъ, чтобы онъ былъ тоже офицеромъ. — А теперь обоихъ нѣтъ... Въ одинъ мѣсяцъ не стало...

Послѣ этихъ словъ стало понятно тогда ее участливое къ намъ отношеніе.

Если послѣ святокъ было непріятно возвращаться, то тѣмъ труднѣе было проститься съ лѣтними каникулами. Но что же дѣлать!

Въ корпусѣ послѣ ремонта небезопасно было подходить близко къ дверямъ и облокачиваться о стѣны, пахло краской, и сапоги прилипали къ полу; голоса, казалось, слишкомъ гулко раздавались въ громадныхъ дортуарахъ, и не слышно было обычной дѣтской возни.

Кадеты вернулись загорѣлые, круглолицые и большинство съ замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ.

— Тоже, вѣроятно, копны считали, — думалось мнѣ, глядя на нихъ.

Дня черезъ два дѣло наладилось, и кадетская жизнь потекла обычнымъ путемъ. Появились новички, появились новые преподаватели, и завертѣлось корпусное колесо до слѣдующихъ каникулъ.

II.

Кадетскіе корпуса вскорѣ уступили мѣсто военнымъ гимназіямъ. Названіе это встрѣчено было кадетами недружелюбно, и слово «корпусъ» и «кадетъ» не скоро еще уступили мѣсто новымъ наименованіямъ. Въ своихъ дальнѣйшихъ замѣткахъ я, придерживаясь этого недружелюбнаго взгляда, называю попрежнему свое заведеніе корпусомъ. Но, если внѣшнія формы были намъ не понутру, то по внутреннему существу преобразованіе не могло не произвести на насъ свое благотворное вліяніе, хотя первые шаги показались намъ неудачными.

Реформа смела многихъ старослуживыхъ офицеровъ. Нашъ Адамъ одинъ изъ первыхъ долженъ былъ подать въ отставку. Какъ постарѣлъ и захирѣлъ сразу бывшій грозный командиръ! Вскорѣ послѣ отставки онъ встрѣтился съ нами на подъѣздѣ корпуса. Въ старенькомъ пальто безъ погонъ, сгорбившійся, со слезливыми глазами, онъ показался намъ очень жалкимъ. Мы всѣ дружно привѣтствовали его и засыпали вопросами.

Оказалось, что Адамъ уѣзжаетъ на вновь построенную дорогу багажнымъ кассиромъ.

— Кормиться надо, господа, у меня пять человѣкъ дѣтей, а пенсія, сами знаете, маленькая. Хотя мы тогда не знали о размѣрахъ пенсій, но Адама стало жаль. Прежде при всякихъ продѣлкахъ, направленныхъ по его адресу и несомнѣнно вліявшихъ на служебное положеніе Адама, какъ-то и не думалось о томъ, что у него есть дѣти и что ему «кормиться надо»...

При послѣдующихъ шагахъ реформы пострадалъ не только Адамъ, а долженъ былъ уйти и самъ директоръ, генералъ старыхъ понятій, а также инспекторъ и многіе изъ служащихъ.

Пріѣхалъ новый директоръ и, не вступая еще въ управленіе корпусомъ, опасно заболѣлъ. Новые порядки, оказалось, на первыхъ порахъ некому было приводить въ исполненіе. Старый строй былъ нарушенъ, а новый не налаженъ. Выходилъ сумбуръ необычайный... Къ этому времени, какъ на несчастье, разразилась въ корпусѣ сильнѣйшая коревая, а затѣмъ скарлатинная эпидемія. Пришлось подъ лазаретъ отдѣлить часть ротныхъ дортуаровъ, а здоровыхъ сбить въ тѣсное помѣщеніе. Должность директора исполнялъ старшій изъ учителей, статскій совѣтникъ Карельниковъ. Въ классахъ онъ наводилъ страхъ и смятеніе, но въ качествѣ директора оказался безсильнымъ спра-

виться съ кадетами, которымъ не нравился гражданскій духъ.

Поступившіе вновь гражданскіе воспитатели были въ полномъ отчаяніи. Они явились съ новымъ взглядомъ на воспитаніе, были проникнуты отвращеніемъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и хотѣли однимъ добрымъ словомъ укротить кадетъ, среди которыхъ было немало такихъ, которые сроднились съ другими порядками. Великовозвратные закалы мутили другихъ, а гражданскіе воспитатели на первыхъ же порахъ поставили себя въ смѣшное положеніе.

Первое же дежурство одного изъ нихъ ознаменовалось такимъ событіемъ. Наша рота по звонку, введенному взамѣнъ барабана, выстроилась въ залѣ для того, чтобы идти въ столовую къ обѣду. Воспитателю нужно было скомандовать: «Смирно! На право! Шагомъ маршъ!» Но онъ, не имѣя представленія о командныхъ словахъ, какимъ-то неестественнымъ голосомъ крикнулъ: «Маршъ! Маршъ!».

Шумъ, не прекращенный командой «Смирно», на нѣсколько секундъ затихъ, но затѣмъ послышался смѣхъ и изъ строя выдѣлились сначала два-три самыхъ непокорныхъ «закаловъ», а за ними почти вся рота понеслась галопомъ въ атаку на стѣну, къ которой съ ужасомъ отступилъ и былъ невольно притиснутъ несчастный воспитатель. Смѣхъ, стукъ, крики были прекращены лишь съ прибытіемъ офицера-воспитателя, дежурнаго по другой

ротѣ, за которымъ успѣлъ сбѣгать расторопный каптенармусъ Тишлеръ, оставшійся у власти и при реформѣ.

На бѣднаго мирнаго воспитателя кадетскій скандалъ произвелъ такое тяжелое впечатлѣніе, что онъ больше не показывался передъ нами и вышелъ въ отставку. Другой штатскій воспитатель, дерптскій докторъ медицины Прейферъ, также долженъ былъ оставить службу, но сдался не скоро и провозился съ нами мѣсяца три. Исторій съ нимъ было не мало. Явился онъ, обмундированный въ новую форму гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, съ погонами и даже шпорами... Къ воинскому строю, какъ нѣмецъ, онъ питалъ почтеніе и видимо взялъ нѣсколько уроковъ «одиночнаго обученія». Произнося довольно правильно команду, онъ самъ первый торопился ее исполнять. Это насъ тоже всегда очень забавляло.

Плохое знаніе русскаго языка ставило его въ неловкое положеніе. Онъ приказалъ дневальному «тушить» огонь въ спальнѣ, вмѣсто того, чтобы «уменьшить». Какъ только кадеты очутились во тьмѣ, начался кошачій концертъ. Растерявшійся Прейферъ кричалъ неистовымъ голосомъ: «Жги! Жги!» Кадеты подхватили припѣвъ къ извѣстной солдатской пѣснѣ: «Жги! Жги! Говори, разговаривай!» и пошли куралесить, орать на всѣ голоса и бросать полотенцами и подушками въ дневальнаго, пытавшагося зажечь маслячную лампу.

Однако были въ эту краткую переходную эпоху и такіе воспитатели, которые не только умѣли справляться съ буянами, но и успѣли заслужить самую искренюю привязанность. Въ наше отдѣленіе временно былъ назначенъ капитанъ Лебедевъ. Привѣтливый, справедливый человѣкъ, не терпѣвшій ни наушничества, ни сплетни, ни слезъ, ни кривлянья, самъ бывшій же нашъ кадетъ и въ послѣднее время корпусный офицеръ. Къ сожалѣнію, Лебедевъ оставался недолго воспитателемъ и получилъ другое административное назначеніе. На разставаньи мы просили его, чтобы онъ каждому написалъ на особомъ листкѣ свою фамилію. Подписи эти мы вдѣлали въ особыя, самодѣльныя картонныя рамочки и долго хранили, какъ особую драгоцѣнность.

Усиленіе эпидеміи и полное неустройство заведенія заставило начальство распустить на каникулы ранѣе обыкновеннаго времени.

По возвращеніи съ каникулъ, я не узналъ своей роты. Къ сожалѣнію, многихъ изъ воспитанниковъ мы уже не досчитались, они явились жертвами реформы. Въ виду ихъ великовозрастности, крайне плохихъ успѣховъ въ наукахъ и непреодолимой склонности къ безпорядкамъ, имъ предложили оставить корпусъ (военную гимназію) и вступить юнкерами въ полки. При этомъ пострадало, если не ошибаюсь, болѣе семидесяти человѣкъ! т. е. около 20% всего состава воспитанниковъ...

Раздѣленные вмѣсто ротъ на четыре возраста, мы были сообразно этому дѣленію старательно разобщены. Устроены были отдѣльныя столовыя, отведены каждому возрасту особые участки для гулянья; видѣться съ воспитанниками другого возраста можно было въ общей пріемной и то лишь родственникамъ. Даже церковный хоръ и то составили на первое время изъ кадетъ одного возраста. Однимъ словомъ—разобщеніе введено было полное.

Изъ бывшихъ четырехъ ротныхъ командировъ воспитателемъ остался лишь одинъ Андрей Ивановичъ Облонскій. Громадный, съ высоко поднятой головой, онъ дѣлалъ видъ недоступнаго начальника и въ старокорпусное время такимъ и слылъ. На самомъ дѣлѣ это былъ добросердечнѣйшій господинъ, съ мягкимъ сердцемъ и чувствительной душой, что̀ онъ считалъ непростительной слабостью и старался маскировать. Это до нѣкоторой степени ему и удавалось прежде, когда онъ былъ ротнымъ командиромъ и могъ держать себя подальше отъ кадетъ; теперь же, при постоянномъ общеніи съ воспитанниками своего отдѣленія, его скоро разгадали. Толстый Андрей Ивановичъ бывало покричитъ громко «покудахтаетъ», но никогда не запишетъ въ «журналъ», попасть куда считалось чрезвычайно страшнымъ. Позднѣе, когда подросшіе воспитанники забирались въ укромные уголки курить, то Андрей Ивановичъ, хотя и безпокоилъ своимъ наблюденіемъ, но, не желая поймать съ поличнымъ, что̀ бы

могло повести къ печальнымъ послѣдствіямъ, предупреждалъ о своемъ приходѣ мурлыканіемъ пѣсенки или громкимъ окрикомъ на встрѣтившагося по дорогѣ кадета или дневальнаго.

Окончивъ давно уже образованіе, Облонскій перезабылъ, конечно, и математику, и другія науки, въ должности же воспитателя приходилось помогать кадетамъ на вечернихъ занятіяхъ. Андрей Ивановичъ предвидѣлъ это и потому старался не пропускать лекцій, былъ наиприлежнѣйшимъ ученикомъ и на вопросы своихъ воспитанниковъ являлся уже совершенно подготовленнымъ. Математикой онъ даже увлекся и въ рѣшеніи задачъ не зналъ себѣ послѣ конкурента даже и среди преподавателей.

Математическія способности, оцѣненныя нами въ IV, V классахъ, сильно подняли его въ нашихъ глазахъ и заставили относиться къ нему съ особымъ почтеніемъ.

Кромѣ Облонскаго въ нашемъ возрастѣ воспитателями еще были штатскій,отличный преподаватель русскаго языка, Яфимовичъ и два военныхъ Гровлевскій и Слезковъ. Яфимовичъ видимо старался сдѣлаться «любимымъ воспитателемъ», но это, несмотря на всѣ его безспорныя способности, ему не удавалось. Онъ устраивалъ и педагогическія прогулки, и чтенія, и лакомствами угощалъ, и дружелюбныя словечки разсыпалъ, но кадеты всегда сторонились его и чувствовали отсутствіе истинной сердечности и теплоты. Яфимовичу надоѣло кокет-

ничать съ кадетами, да вѣроятно и рамки захолустнаго города его стѣсняли; онъ года черезъ два уѣхалъ въ Петербургъ искать счастья и устроился отлично.

Гровлевскій и Слезковъ, оба незлобливые и порядочные, не выдѣлялись ничѣмъ особеннымъ, добросовѣстно дежурили, подъ часъ записывали въ журналъ и сажали въ карцеръ. Гровлевскому вредило очень его польское происхожденіе. Въ корпусѣ большинство было по происхожденію малороссы, въ то время къ сожалѣнію недружелюбно настроенные къ полякамъ, и бѣдному воспитателю приходилось иногда быть свидѣтелемъ непріязненныхъ выходокъ и выслушивать отъ злыхъ школяровъ пущенную въ догонку уличную кличку — «пшикъ».

Незамѣтно одинъ годъ смѣнялся другимъ. Для меня особенно памятно время переходныхъ экзаменовъ изъ 4-го въ 5-ый классъ.

Въ отворенныя громадныя корпусныя окна весна врывается ароматнымъ потокомъ. Сады одѣлись роскошною зеленью и манятъ къ себѣ кадетъ, у которыхъ на плечахъ тяжелая обуза — экзамены. Первый назначенъ по географіи. Страшенъ не предметъ, а преподаватель—строжайшій Рыковъ. Воспитанники разбились на группы и усердно готовятъ «предметъ». Два, три особенно выдающихся «зубряшекъ» занимаются по одиночкѣ, находя для себя

не экономнымъ терять время на неизбѣжные въ сообществѣ съ другими разговоры и споры.

На гулянье, на плацъ и въ садъ, кадеты идутъ съ книгами, не переставая и тамъ заглядывать въ учебники. Самые завзятые лѣнтяи и тѣ, какъ будто, взялись за умъ. Наростовцевъ курносый, съ неподдающимися щеткѣ вихрастыми волосами, надоѣдаетъ всѣмъ разспросами: «что къ экзамену надо и что не надо».

— Съ какой стати я буду дарить ему (учителю) — твердилъ онъ и послѣ самыхъ тщательнѣйшихъ развѣдокъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ вычеркивалъ «ненужное».

Я навербовалъ себѣ трехъ безнадежныхъ «камчадаловъ» и повторялъ съ ними курсъ географіи. Они покорно слушаютъ меня, но врядъ ли многое усваиваютъ; да и я самъ сталъ очень разсѣянъ, и мысли мои летаютъ далеко отъ учебника.

Горскій, шустрый блондинъ, старается поддержать за собою славу «способнаго», потому въ садъ не беретъ учебника и подзадориваетъ товарищей устроить какую-нибудь игру. Желающіе находятся, покидаютъ болѣе прилежныхъ собратовъ, продолжающихъ носиться съ книгами. Постепенно площадь оживаетъ. Среди мѣрно, тихою поступью, двигающихся группъ начинаютъ шмыгать играющіе кадеты и мѣшаютъ заниматься.

Глаза устремлены въ книгу, а ухо прислушивается въ возгласу: «баръ на плѣннаго!» Тщетны

усилія сосредоточиться. Врожденное желаніе порѣзвиться сказывается все сильнѣе и сильнѣе. Къ концу «прогулки» за книгами, подъ деревьями остаются единицы, маячищія, какъ часовые, въ сторонѣ отъ кипящей дѣтворою зеленой поляны, украшенной довольно большимъ памятникомъ.

Слушатели мои одни изъ первыхъ увлеклись игрой, а я продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ другихъ. Четыре года уже я не видѣлъ горячо любимыхъ родителей. Обыкновенно я, какъ и другіе товарищи, не особенно тосковалъ по дому, но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ отецъ опасно захворалъ, и съ каждымъ письмомъ въ душу мою вливалась новая горечь. Какъ страстно хотѣлось мнѣ перелетѣть туда далеко, далеко въ родной домъ и прижаться къ своимъ... Какъ все хорошо тамъ! Какія чудныя горы! Какіе сады и лѣса! Тамъ все лучше.

Передъ экзаменами я получилъ письмо отъ матери; она собиралась привезти отца для совѣта съ врачами въ «Россію» и конечно завернуть въ корпусъ повидать дѣтей. Съ момента полученія письма меня охватило одно нестерпимое желаніе поскорѣе свидѣться со своими. На гуляньяхъ я почти все время проводилъ у ограды, жадно вперивъ взглядъ въ длинную улицу, по которой пролегалъ почтовый трактъ съ юга. Въ каждомъ показывавшемся вдали дорожномъ экипажѣ я предполагалъ увидѣть доро-

гія, родныя лица; но скоро разочаровывался и вновь выглядывалъ слѣдующій экипажъ...

Барабанная дробь сзываетъ роту, и кадетъ ведутъ въ классы, на экзаменъ. Послѣ привѣтливаго, зеленаго сада, раскраснѣвшіеся отъ бѣганья и крика кадеты попадаютъ въ обстановку, навѣвающую уныніе. Въ большой классной комнатѣ прибавлено нѣсколько страшныхъ, точно висѣлицы, черныхъ досокъ, съ новыми губками и массою обернутыхъ въ бумагу мѣлковъ. Вмѣсто обычной каѳедры стоитъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ разложены списки и вѣеромъ раздвинуты билеты. Подлѣ стола дежуритъ предусмотрительный классный сторожъ Бондаренко, онъ караулитъ билеты и чистоту новенькихъ досокъ. Однако теперь не до школьничества. Тихо размѣщаются воспитанники по своимъ мѣстамъ. Одни нервно перелистываютъ учебникъ, торопясь подкрѣпиться свѣдѣніями; въ глазахъ рябитъ, и имъ кажется, что они ничего не знаютъ, все надо перечитать. Другіе, систематики, успѣли сдѣлать коротенькій конспектъ, который въ полчаса могутъ пробѣжать. Наростовцевъ, всѣ предъэкзаменные три дня потратившій на добросовѣстное сокращеніе курса и составленіе конспекта, не разсчиталъ время, не успѣлъ приготовиться и теперь дрожалъ, держа въ рукахъ плоды трехдневныхъ заботъ: красиво переписанныя таблички, испещренныя условными замысловатыми значками. У Наростовцева была одна надежда на

билетъ № 7, который по какимъ-то каббалистическимъ вычисленіямъ долженъ достаться ему. Передъ самымъ экзаменомъ увѣренность эта сильно поколебалась; провѣряя свое цифровое гаданіе, онъ началъ сомнѣваться, не идетъ ли рѣчь о № 9, который онъ совсѣмъ не зналъ.

Пробило 9 часовъ. Экзаменаторы еще не являются. Постепенно кадеты привыкаютъ къ торжественной обстановкѣ и успокоиваются. Слышится разговоръ. На одной изъ скамеекъ даже рѣшились «жать масло». Въ окно заглядываютъ лапчатые листья громаднаго клена, и изъ сада доносится веселое чириканіе птицъ, вдали слышится стукъ экипажей, трясущихся по мостовой, и возгласъ надсѣдающагося разнощика: «мо-рро-женное хо-рро-шее!»

— Счастливецъ, право, этотъ мороженникъ!..

Несмотря на присутствіе Бондаренко и страхъ встрѣтиться съ дежурнымъ офицеромъ, Наростовцевъ рѣшается развѣдать у дневальнаго, собрались ли экзаменаторы.

Скоро онъ возвращается съ радостнымъ лицомъ.

— Господа, Рыкова нѣтъ, должно быть, заболѣлъ.

Въ эту минуту вовсе незлобивый Наростовцевъ, да и добрая половина класса желали всякихъ невзгодъ строгому преподавателю географіи, полковнику Рыкову.

— Рыковъ не прійдетъ, экзаменъ отмѣнятъ.

— Вотъ будетъ здóрово! Вотъ счастье!..

Многіе относятся недовѣрчиво къ подобному предположенію и не допускаютъ мысли, чтобы исправнѣйшій Рыковъ могъ не прійти.

Говоръ становится слышнѣе.

«Приходящій» (не пансіонеръ) воспитанникъ, крохотный Донской, вытащилъ изъ сумки булку и колбасу къ страшному соблазну облизывавшихся сосѣдей.

Но вотъ внезапно отворились двери, и на порогѣ показался инспекторъ, а за нимъ Рыковъ и ассистентъ, учитель исторіи Клименко.

Гробовая тишина моментально воцарилась въ классѣ. Донской и пріятель его, Наростовцевъ, окаменѣли съ полными ртами.

Дежурный по классу громко отрапортовалъ и сталъ внятно читать молитву.

Наконецъ всѣ усѣлись. Экзаменаторы пошептались, алфавитный списокъ забѣлѣлъ въ рукахъ суроваго Рыкова. Инспекторъ съ Клименко нѣсколько отодвинулись и, усѣвшись поудобнѣе, стали разсматривать программы, точно они видѣли ихъ въ первый разъ. Рыковъ стальными глазами уперся въ кадетъ и видимо старался продлить мученіе. Хотя избавиться отъ экзамена невозможно, но отвѣчать первому многимъ очень не хочется.

— Пожалуйте сюда, — раздается строгій теноркъ Рыкова, господинъ... Рыковъ останавливается и вновь инспектируетъ глазами классъ. На-

ростовцевъ, чувствуя на себѣ пристальный, инквизиціонный взглядъ, не выдерживаетъ, дѣлаетъ видъ, что уронилъ книгу и нагибается подъ скамью. Бѣдняга! Напрасная увертка.

— Госпо-динъ,—повторяетъ еще разъ преподаватель: — да, вотъ, ты, Наростовцевъ, ступай-ка сюда!

Блѣдный, съ дрожащими, замасленными колбасой губами, выходитъ къ столу несчастный сократитель учебниковъ. Глаза безусловно всѣхъ воспитанниковъ направлены на Наростовцева, нервно одергивающаго мундирчикъ. Инспекторъ, показавъ мелькомъ на билеты, оборачивается къ ассистенту и начинаетъ съ нимъ бесѣду о чемъ-то посторонемъ.

— Го-спо-динъ Донской, Горскій, Свиридовъ, Лехъ, — продолжаетъ выкликать Рыковъ, пока не заполнятся мѣста у всѣхъ пяти досокъ, на которыхъ вызванные и начинаютъ царапать мѣломъ чертежи.

Наростовцевъ то и дѣло смахиваетъ губкой свою невыразимую мазню. За нимъ насмѣшливо наблюдаетъ Рыковъ и ловитъ его просящій помощи взглядъ, брошенный въ сторону класса. Показать чертежъ или подсказать у Рыкова немыслимо, онъ отлично знаетъ всѣ ученическія продѣлки, самъ осматриваетъ бумажки, которыми завернуты мѣлки, и внимательно наблюдаетъ, не написано ли что на ладони.

Пока Наростовцевъ неловко мнется, Горскій рѣшительно набрасываетъ на доскѣ Азію. Мѣлокъ бѣгаетъ по чертежу, торопливо вытягивая длинныя рѣки съ причудливыми зигзагами; не все ли равно, какія дѣлать излучины, вѣдь ни Рыковъ, ни Клименко, ни инспекторъ, да можетъ быть и составители картъ не знаютъ точнаго теченія какого-нибудь Кіянга или Брамапутры. Изъ-подъ ловкой руки Горскаго скоро вырастаютъ узорчатыя горы, которыя весьма возможно и отодвинуты имъ на сотню, другую верстъ въ сторону; но на учинической картѣ такія неточности дѣла не портятъ. Еще нѣсколько взмаховъ, и до этой минуты пустынная Азія запестрѣла городами, въ видѣ кружковъ, кой-гдѣ зазубрившихся (крѣпость) или раздвинувшихся даже въ четырехугольникъ (столица). Рыковъ, любившій бойкій чертежъ, съ удовольствіемъ взглянулъ на расчерченную доску и, пошептавшись съ ассистентами, точно за судейскимъ столомъ, не спрашивая, посадилъ Горскаго на мѣсто.

Ревнивый къ успѣху товарища, забывъ на время домашнія горести, я весь отдался треволненіямъ. Нехорошее чувство закрадывается въ мое сердце, при видѣ тріумфа соперника. Вытянувшись, я наблюдалъ за карандашемъ экзаменаторовъ и съ сердечной болью замѣтилъ, какъ всѣ трое поставили 12. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось скорѣе отличиться, выпалить тотъ ворохъ свѣдѣній, который я собралъ за годъ; но вызываютъ не меня, а дру-

гого ученика. Приходится ждать очереди цѣлые томительные часы. Наростовцевъ все еще не можетъ справиться со своимъ чертежомъ, но ему не позволяютъ больше возиться съ губкой.

— Видимъ, голубчикъ, видимъ, какъ вы отлично чертили, теперь разскажите намъ, что знаете. И экзаменъ принимаетъ обычное теченіе: у досокъ раскраснѣвшіяся лица, запачканные мѣломъ костюмы, большею частью нескладные, отрывистые, съ запинкой отвѣты. Въ спискѣ преобладаютъ «семерки» и «восьмерки», виднѣются и злополучныя непереводныя «пятерки».

Подготовившіеся къ экзамену воспитанники во время «перемѣны» окончательно овладѣваютъ собой, успокоиваются и желаютъ лишь скорѣе отдѣлаться. Неспрошенные «камчадалы» въ унынiи, они знаютъ, что Рыковъ не только поставитъ единицу, но еще и поглумится въ волю.

Экзаменъ кончился. Читаютъ балы. Наростовцевъ получилъ 5 и протестуетъ, будучи вполнѣ убѣжденъ, что его спросили тотъ отдѣлъ, который «не проходили». Неудачникъ за подтвержденіемъ обращается ко мнѣ, также чрезвычайно возмущенному существующимъ порядкомъ вещей—я, отвѣчавшій, чуть не полчаса, получилъ всего 11 балловъ, а Горскій, не сказавшій ни одной фразы—12.

Честное слово, несправедливо!..

За географіею потянулись экзамены по другимъ предметамъ. Нервное возбужденіе у нѣкоторыхъ

воспитанниковъ дошло до сильнаго напряженія. Хорошій ученикъ Митрофановъ, занимавшійся украдкой по ночамъ, до того зазубрился, что на экзаменѣ по математикѣ не могъ отвѣтить на самые простые вопросы и, какъ неспособный, оставленъ былъ въ классѣ на другой годъ.

Измученный постоянной лихорадкою ожиданія пріѣзда родителей и тревогой за больного отца, я все болѣе и болѣе становился задумчивымъ и, что со мной никогда прежде не случалось, удивительно разсѣяннымъ. Книги валились у меня изъ рукъ, мысли витали внѣ корпуса, а нужно было готовиться къ экзаменамъ. Я принуждалъ себя къ усиленной работѣ, старался нагнать потерянное время, но вскорѣ опять энергія оставляла меня. Братъ, шестнадцатилѣтній кадетъ, всецѣло былъ занятъ серьезными выпускными экзаменами, и я не могъ отвести съ нимъ душу. По ночамъ я долго не могъ заснуть, а во снѣ грезились Кавказскія горы, перемѣшанныя съ классными досками, испещренными геометрическими чертежами; снился больной отецъ, призывавшій къ себѣ, снилось, что пріѣхали родители, и я будто бѣжалъ въ пріемную...

Наступилъ уже праздникъ весны — Троицынъ день. При распредѣленіи времени подготовленія къ экзаменамъ праздники были сравнены съ буднями, такъ что и въ эти дни отдыхъ нельзя себѣ позволить.

Въ Троицынъ день я вмѣстѣ съ нѣсколькими

товарищами поднялся спозаранку и въ четыре часа утра былъ уже за учебниками и тетрадями. Послѣ утренняго чая кадетъ повели въ церковь. Громадный, залитый солнцемъ бѣлый храмъ выглядывалъ особенно торжественно, пріятно. Повсюду виднѣлись привѣтливыя зеленыя вѣтки деревьевъ, букеты цвѣтовъ и гирлянды полевыхъ травъ.

Въ экзаменаціонный періодъ воспитанники особенно усердно несутъ свою лепту въ церковь, и паникадила облѣплены тройными рядами толстыхъ восковыхъ свѣчей.

Пахло увядающей листвой, свѣжимъ сѣномъ и полевыми цвѣтами. Священникъ съ діакономъ въ блестящемъ бѣломъ облаченіи, парадная форма служащихъ въ корпусѣ, яркіе костюмы дамъ, радостное церковное пѣніе заставляютъ вѣрить, что люди празднуютъ, радуются Пятидесятницѣ. Однако забота о больномъ отцѣ и экзаменное бремя тяжелымъ камнемъ легли на моемъ сердцѣ. Первые полчаса я молился усердно и съ молитвенникомъ въ рукахъ слѣдилъ за пѣснопѣніемъ. Нѣкоторые съ очень живымъ характеромъ кадеты всѣми мѣрами стараются уклониться отъ утомляющей ихъ продолжительной церковной службы. Подъ видомъ стоянія на колѣняхъ они садятся, опираясь на ступни ногъ, выходятъ въ коридоръ, закрывая носъ платкомъ, будто унимаютъ кровотеченіе.

На клиросѣ едва помѣстился полный хоръ кадетскихъ пѣвчихъ. Регентъ, старикъ Панченко, обык-

новенно ссорился со старшими кадетами изъ-за «нотнаго» пѣнія. Онъ стремился довести исполненіе простыхъ напѣвовъ до извѣстнаго совершенства, а большіе пѣвчіе относились къ этому спустя рукава и горѣли желаніемъ изобразить что-нибудь «концертное». Въ особенности было трудно справиться съ басами. Эти господа, съ неустановившимися голосами, молоденькими пѣтушками, силились перекричать другъ друга, и большого труда стоило регенту умѣрить ихъ дикіе восторги и завыванія. Недовольные рѣзкими замѣчаніями регента, баски нерѣдко устраивали ему «бенефисы», не являлись на клиросъ, а шли въ церковь въ ротномъ строю, ссылаясь на недомоганіе. Въ такихъ случаяхъ басовую партію пѣлъ самъ регентъ и старательный учитель французскаго языка, швейцарецъ, баритонъ Лизардъ. Въ большой праздникъ Панченко не рѣшился вступать въ борьбу съ пѣвчими, сдался на капитуляцію, и по церкви носились раскаты концертнаго запричастнаго стиха. Съ надувшимися отъ напряженія жилами и красными лицами неудержимымъ натискомъ бросились басы на верхнія ноты, при чемъ старикъ съ отчаяніемъ простиралъ въ ихъ сторону обѣ руки и силился сдержать вокальный наскокъ; но вотъ партія спускалась ниже и ниже, кадетскіе басы, «безъ низовъ», какъ подсмѣивался надъ ними регентъ, уже безсильно жужжали шмелями, чудные дисканты и альты выступали впередъ и своими свѣжими и естественными

голосами выкупали недочетъ старшихъ товарищей. Широкое, бритое лицо стараго регента постепенно расплывалось въ блаженную улыбку, и онъ уже съ благодарностью, чуть не съ умиленіемъ, смотрѣлъ въ ротъ здоровеннаго кадета Надарова, замѣчательно мастерски въ концѣ «пускавшаго октаву».

— Хоть бы въ капеллу, такъ и то въ пору!— шепталъ растроганный Панченко плохо понимавшему по-русски Лизарду.

Я, едва держась отъ усталости на ногахъ, заслушался пѣнія и незамѣтно въ мечтахъ перенесся изъ церкви опять въ далекія страны, къ себѣ на родину. Голоса доходили до меня все тише и тише, все вокругъ какъ-то плавно завертѣлось, свѣчи мерцали темнѣе и темнѣе, пока наконецъ и совсѣмъ не потухли... Я упалъ въ обморокъ. Стоявшій очень близко отъ меня, гроза корпуса, старшій врачъ, крикунъ Горностаевскій, одинъ изъ первыхъ подбѣжалъ ко мнѣ и на своихъ могучихъ рукахъ вынесъ изъ церкви. Нѣсколько воспитанниковъ суетливо помогали Горностаевскому и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, выскочили вслѣдъ за больнымъ товарищемъ.

Откинувъ въ сторону свою обычную суровость, Горностаевскій заботливо и почти нѣжно перенесъ меня въ примыкавшій къ церкви лазаретъ и принялся приводить меня въ чувство. Въ лазаретѣ никакъ не ждали въ этотъ день Горностаевскаго, и потому франтъ военный фельдшеръ Пѣтуховъ не

примочилъ по обыкновенію квасомъ свои волосы, а завилъ роскошный кокъ, надѣлъ крахмальную сорочку и выпустилъ бронзовую цѣпочку.

Когда неожиданно появился Горностаевскій со своей ношей, то, какъ мнѣ потомъ передавали кадеты, ничего не подозрѣвавшій Пѣтуховъ подпрысывалъ въ пріемной передъ зеркаломъ, подпѣвая довольно громко: тра-ла-ла! тра-ла-ла!

При видѣ Горностаевскаго фельдшеръ на минуту остолбенѣлъ отъ ужаса и приготовился уже получить кару изъ рукъ обыкновенно свирѣпаго доктора, проникнутаго домостроевскими традиціями. Однако Горностаевскій не обратилъ вниманія ни на кокъ Пѣтухова, ни на смятыя постели въ палатахъ, ни на высунувшагося въ открытое настежь окно больного; онъ весь былъ занятъ мною.

Горностаевскій уже давно замѣтилъ, какъ я на гуляньяхъ ежедневно кого-то высматривалъ на улицѣ. Предполагая, что кадетъ высматриваетъ какого-нибудь запретнаго разнощика, онъ было налетѣлъ на меня, но узнавъ причину любопытства, примолкъ и даже ласково меня потрепалъ за подбородокъ.

Вѣроятно, теперь Горностаевскому вспомнился этотъ случай, вспомнилось ему, быть можетъ, и далекое дѣтство, когда онъ также уроженецъ окраины изъ Сибири былъ занесенъ на чужбину съ тѣмъ, чтобы никогда уже не увидѣться съ родными...

Неудержимой волной хлынуло забытое, и ему стало жалко и себя, и бѣднаго мальчика. Когда я

открылъ глаза, то еле узналъ нагнувшагося ко мнѣ доктора, настолько непривычное выраженіе измѣнило Горностаевскаго. Докторъ ласково ободрилъ меня, успокоилъ прибѣжавшаго впопыхахъ моего брата и лишь при выходѣ изъ лазарета громыхнулъ на фельдшера, который неосторожно подвернулся ему на глаза.

Проспавъ часа два, я совсѣмъ оправился и хотѣлъ идти въ роту, но меня не пустили.

Близость каникулъ и невозможность избавиться отъ экзаменовъ выгнали изъ лазарета всѣхъ «сомнительныхъ» больныхъ. Осталось очень немного: худосочный, тщедушный Карѣевъ, съ зеленымъ зонтикомъ надъ красными глазами; грузинъ Пакнадзе, съ раздутой отъ золотухи шеей, порѣзанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ; и здоровенный на видъ школяръ Лещина, запустившій себѣ, собственноручно, въ ногу все лезвіе перочиннаго ножа. Въ отдѣльной комнатѣ, за ширмой стоналъ и метался въ жару бѣдный мальчикъ, Волпянскій, вздумавшій сейчасъ же послѣ обѣда заняться головоломными гимнастическими упражненіями, за что̀ и поплатился заворотомъ кишокъ. Подлѣ него дремлетъ сторожъ, отставной солдатъ. Родные трудно больного живутъ также далеко отъ корпуснаго города и не помышляютъ, конечно, о той опасности, которая угрожаетъ ихъ сыну. Лѣкарствъ подлѣ него цѣлая батарея, но нѣтъ заботливой, родной материнской руки...

По утрамъ ватага худосочныхъ и золотушныхъ воспитанниковъ прибѣгала въ лазаретъ пить какую-то невозможную бурду — настой весеннихъ травъ. Они вносили нѣкоторое оживленіе въ скучную атмосферу лазарета; съ ихъ уходомъ все погружалось въ грустное настроеніе. Непріятно тикалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ въ коридорѣ, Пакнадзе съ Лещиной неутомимо играли въ шашки; какъ тѣнь скользилъ по комнатамъ восковой Карѣевъ, и изъ комнаты Волпянскаго доносились жалобные стоны... А въ саду такъ хорошо, такъ манитъ туда веселая весна! Изъ оконъ лазарета виденъ маленькій участокъ захолустнаго переулка, по которому изрѣдка продребезжитъ извозчикъ. При каждомъ стукѣ экипажа я жадно бросался къ окну, боясь пропустить пріѣздъ своихъ. Но ожиданія были напрасны. Какая это мука! Отъ окна я шелъ въ дежурную комнату, гдѣ развалясь на диванѣ отсиживалъ «лишки» фельдшеръ Пѣтуховъ. Старшій врачъ не пропустилъ отступленія отъ формы одежды, нарядилъ бѣднаго франта на нѣсколько лишнихъ дежурствъ и приказалъ немедленно, тутъ же, въ лазаретѣ его остричь. Пѣтуховъ съ горечью высказывалъ мнѣ свои жалобы на доктора, «мужлана», человѣка, по его мнѣнію, не понимающаго, что кавалеру неловко стричься подъ гребенку и носить некрахмаленную сорочку. Пѣтуховъ имѣлъ всегда большой запасъ старыхъ газетъ, которыя онъ получалъ отъ своего паціента-пріятеля парик-

махера и любилъ читать вслухъ интересующимся политикой кадетамъ. Я очень благодаренъ Пѣтухову за его газетные номера; они мнѣ, зачастую, доставляли большое удовольствіе, и ими я иногда сталъ зачитываться такъ же, какъ прежде «Жакеріей» или «Черной Пантерой».

Вскорѣ послѣ поступленія въ лазаретъ ко мнѣ пришелъ братъ. Чувствуя себя единственнымъ покровителемъ брата, нервно и безъ того уже разстроеннаго, онъ силился преодолѣть свое горе и поддержать болѣе слабаго. Объявить сразу о тяжелой утратѣ ему казалось невозможнымъ, и старшій братъ заговорилъ объ усилившейся болѣзни отца. Узналъ онъ это, по его увѣреніямъ, изъ только-что полученнаго письма, которое будто бы затерялъ. Это обстоятельство сильно встревожило меня, усумнившагося въ дѣйствительности потери драгоцѣннаго для насъ пакета. Напрасно я упрашивалъ брата не скрывать отъ меня, а сказать правду. Тотъ успокоивалъ меня и просилъ не тревожиться. На другой день истина открылась. Братъ, обливаясь слезами, объявилъ о смерти отца и желаніи матери видѣть въ тяжелую минуту дѣтей подлѣ себя. Четыре года разлуки съ отцомъ и теперь, вмѣсто ожидаемаго свиданія — смерть! Какъ въ забытьи прошелъ для меня день полученія печальной новости. Къ вечеру я глубоко заснулъ, и мнѣ снился Кавказъ, снился родной домъ и плачущая мать. У меня сердце разрывалось отъ горя, и мнѣ хотѣлось по-

летѣть къ матери, и прильнуть къ ней и выплакать свою душу. На утро пришелъ братъ и заговорилъ о поѣздкѣ домой. Тысячеверстная, тяжелая дорога въ перекладной не пугала насъ. Лишь бы отпустили въ такую даль «безъ провожатаго»...

Черезъ недѣлю послѣ полученія письма о смерти отца къ корпусному подъѣзду подкатила почтовая телѣга, братья-сироты торопливо уложили свои вещи и вскорѣ уже довольные, съ улыбающимися лицами тряслись по городской мостовой. За городомъ мы перегнали громадную фуру, въ которой сидѣло чуть не до дюжины кадетъ. На козлахъ, подлѣ чахлаго еврея-кучера, помѣщался грустный Наростовцевъ. Экзамена онъ не выдержалъ, послѣ каникулъ мерещились тяжелыя переэкзаменовки, а дома предстояли тяжелыя объясненія съ суровымъ вотчимомъ, къ которому онъ ѣхалъ въ отпускъ. Экипажи остановились. Кучеръ, воспользовавшись случаемъ, забѣгалъ съ ведромъ и принялся поить лошадей.

Наростовцевъ не выдержалъ и началъ жаловаться мнѣ на придирки экзаменаторовъ, спрашивавшихъ его «непройденное».

Вскорѣ подъѣхалъ къ кадетской группѣ еще одинъ экипажъ, тарантасъ, въ которомъ, среди массы свертковъ и коробокъ, сидѣлъ кадетъ Горскій, перешедшій въ слѣдующій классъ первымъ. Отодвинувшіеся было на время душевнаго траура школьные интересы, при видѣ соперника, вдругъ

снова охватили меня. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось въ будущемъ учебномъ году отличиться и взять верхъ надъ товарищемъ!

Звякнулъ почтовый колокольчикъ, и тройка покатила дальше; густая пыль, поднявшись столбомъ, сразу окутала насъ и отдѣлила отъ фургона и тарантаса. Домой, скорѣй домой!

Черезъ десять дней утомительнаго путешествія на перекладныхъ мы подъѣзжали къ той кавказской крѣпостцѣ, гдѣ мы родились и гдѣ теперь ждала насъ мать. Здѣсь пролетѣло наше беззаботное дѣтство до отъѣзда въ корпусъ. Намъ казалось, что на родинѣ все насъ привѣтствуетъ: и зеленыя горы, и синѣющее вдали море, и встрѣчающіеся по дорогѣ горцы, и солдаты съ бѣлыми погонами. Когда, наконецъ, показались башни родного укрѣпленія, а вскорѣ изъ-за холма выглянули бѣленькіе дома съ глиняными крышами, а за ними широко раскинулись далеко уходящіе вдаль роскошные сады,—мое сердце сильно застучало, и я готовъ былъ разрыдаться. Ямщикъ-татаринъ гаркнулъ на лошадей, и почтовая тройка лихо подкатила къ воротамъ нашего дома, откуда уже всѣ выскочили встрѣчать дорогихъ гостей. Мы бросились къ похудѣвшей и начавшей уже сѣдѣть матери и осыпали ее поцѣлуями. Растроганная мать радостно ласкала насъ и все повторяла: «какъ вы выросли, перемѣнились!...

Мнѣ хотѣлось многое, многое сказать матери, но

въ то же время также неудержимо влекло осмотрѣть домъ, садъ... Черезъ часъ по пріѣздѣ, я уже обѣгалъ всюду и счастливый и довольный сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ.

Домашнія блюда мнѣ казались верхомъ совершенства, и я, не жалѣя черныхъ красокъ, описывалъ незавидную корпусную ѣду.

И понеслось каникулярное время...

Послѣ каникулъ старшіе мои братья уѣхали въ Петербургъ въ военное училище, и я остался въ корпусѣ совсѣмъ одинокимъ. Какъ-то въ одно изъ воскресеній меня позвали въ пріемную, гдѣ ждалъ Николай Ѳедоровичъ, котораго я не видалъ уже около года.

— Представь, каждое воскресенье собираюсь къ тебѣ, да все что-либо мѣшало; а сегодня ѣхали мимо корпуса съ Лидой, вспомнили о тебѣ, а она приказала мнѣ привести тебя къ нимъ обѣдать!

— Кто это Лида?

— Да дочь Ждановича, единственная наслѣдница и шестнадцатилѣтняя брюнетка. Этакое невезенье, вообрази, приходится мнѣ кузиной! А то бы... И Николай Ѳедоровичъ такъ побѣдоносно взглянулъ, что нельзя было сомнѣвться въ его увѣренности въ побѣдѣ надъ сердцемъ дѣвушки.

Идти въ гости мнѣ казалось удивительно страшнымъ, и я сталъ отказываться. Но съ Николаемъ

Ѳедоровичемъ не легко было въ такихъ случаяхъ справиться, и онъ, забывавшій меня въ теченіе года, невольно свидѣвшись со мной, проникся нѣжностью и увѣрялъ меня, что будетъ приходить ко мнѣ во всѣ пріемные дни, принесетъ мнѣ новые журналы и достанетъ билеты въ любительскій спектакль. Наконецъ, я сдался, и мы съ нимъ отправились къ Ждановичамъ.

Это было очень состоятельное семейство, переѣхавшее въ первый разъ еще изъ деревни на зиму въ городъ вывозить дочь. Отецъ очень суровый и необщительный человѣкъ, однако, души не чаялъ въ дочкѣ, которая умѣла, хотя и не всегда, справляться съ нимъ. Мать, болѣзненная, кроткая женщина, не могла еще осилить горя объ умершемъ года два тому назадъ, единственномъ сынѣ, офицерѣ.

Лида замѣтила насъ изъ окна и встрѣтила въ передней. Изъ сосѣдней комнаты слышались звуки вальса. Еле я успѣлъ снять пальто и неловко, конфузясь, поклониться дѣвушкѣ, какъ она подхватила меня и заставила влетѣть въ гостиную вальсомъ. Розовенькое, смѣющееся личико, черные глаза и, вообще, вся хорошенькая фигурка сразу произвела на меня, затворника, одуряющее впечатлѣніе.

Я, ни за что не соглашавшійся на корпусномъ вечерѣ войти въ танцовальную залу, удивлялся, какъ это такъ свободно танцую съ барышней. Меня оставили обѣдать, и я вернулся въ корпусъ въ восторженномъ состояніи.

Старикъ Ждановичъ пригласилъ меня бывать у нихъ, и я этимъ воспользовался, явившись на слѣдующее же воскресенье. Плутовка Лида подмѣтила мое къ ней неравнодушіе и слегка кокетничала со мной; правда, я былъ единственнымъ кавалеромъ.

Передъ знакомствомъ съ Ждановичемъ я довольно близко сошелся съ кадетомъ Сонимскимъ, недавно переведеннымъ изъ Московкаго корпуса. Онъ любилъ Вальтеръ-Скотта и, обладая изумительною памятью, разсказывалъ историческіе романы съ мельчайшими подробностями. Бывало на гуляньѣ, возьметъ меня подъ руку и ровнымъ голосомъ, съ небольшимъ откашливаньемъ, въ теченіе часа пересказываетъ мнѣ разнообразныя рыцарскія приключенія, пока барабанъ не ударитъ сборъ; тогда онъ замолкалъ, точно захлопнутая книга, и прибавлялъ «продолженіе до слѣдующаго номера», и я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого продолженія. Но теперь меня не тѣшили чужіе романы, мнѣ хотѣлось говорить о своей героинѣ, и я расписывалъ Лиду самыми яркими красками, одѣлялъ ее наилучшими благороднѣйшими стремленіями. И мнѣ было хорошо. Все казалось такимъ живымъ, свѣтлымъ въ Божьемъ мірѣ...

Лида любила танцы и хотѣла во что бы то ни было танцовать, а ее никуда не вывозили. Старикъ Ждановичъ скучалъ по деревнѣ, бранилъ городъ и никакъ не могъ собраться выѣхать съ визитами. Жена его чувствовала себя вовсе нехо-

рошо и тоже никуда не выходила. Такимъ образомъ, съ переѣздомъ въ городъ, развлеченій у барышни не прибавилось, а главное не было кавалеровъ. При такихъ обстоятельствахъ и кадетъ былъ желаннымъ гостемъ, тѣмъ болѣе, что онъ смотрѣлъ влюбленными глазами и торопился исполнять всѣ ея порученія.

Прошелъ мѣсяцъ. Лида дѣлала мнѣ глазки, позволяла цѣловать кончики розовыхъ пальчиковъ и вздыхать, вздыхать!.. Я былъ на седьмомъ небѣ и мечталъ, что такое блаженное состояніе продолжится вѣчно. Приближался Николинъ день, который знаменовался всегда большимъ баломъ въ институтѣ, куда приглашалось самое избранное мѣстное дамское общество, а для танцевъ — кадеты. Я раньше никогда не былъ на этомъ балу, но слышалъ многое отъ моего товарища, сына директрисы, и разсказывалъ Лидіи о предстоящемъ веселомъ торжествѣ. Она захотѣла во что бы то ни стало попасть туда и пристала съ этимъ и къ матери, и къ отцу. Мнѣ лично не очень улыбалась перспектива ея выѣзда. Какъ бы хорошо, думалось мнѣ, не нарушать заведеннаго порядка и быть подальше отъ другихъ, отъ усатыхъ кавалеровъ, отъ возможныхъ соперниковъ.

Ждановичи не знали никого изъ институтской администраціи и, слѣдовательно, попасть на балъ было нельзя. Лида страшно огорчилась и, вбѣжавъ

въ свою бѣленькую комнатку, бросилась на диванъ, уткнулась въ подушку и горько расплакалась.

Мнѣ стало невыразимо жаль это маленькое, хорошенькое созданіе, и я рѣшилъ утѣшить ее.

— Лида, не плачьте. Вы будете танцовать на балу, я вамъ это устрою. Клянусь!

Кудрявая головка немного приподнялась, на меня глянули недовѣрчиво большіе заплаканные глаза, и улыбка заиграла на освѣтившемся личикѣ.

И я устроилъ. Устроилъ черезъ сына дирекриссы, своего товарища.

Отъ корпуса назначили на балъ цѣлый отрядъ,— шестьдесятъ человѣкъ. Тѣ изъ кадетъ, которые имѣли деньги, покупали новыя перчатки, духи, помаду; неимущіе сами въ кадетскомъ рукомойникѣ мыли перчатки, выжимали ихъ въ полотенцѣ и сушили за форточкой; бѣгали «на перевязку» въ лазаретъ за репейнымъ масломъ для волосъ или просили у товарищей «одинъ разъ колупнуть» въ помадной банкѣ.

Въ шесть часовъ вечера, уже всѣ кадеты были готовы. Лицо и руки по нѣскольку разъ вымыты яичнымъ мыломъ; волосы припомажены, пуговицы и сапоги вычищены до предѣла возможности. Нѣкоторые шикари — въ собственныхъ мундирахъ съ офицерскими петлицами, съ крахмальными выставленными воротничками и манжетами. Вкусъ нашъ неприхотливъ, и намъ кажется, что они хорошо одѣты.

Съ нами ѣдутъ нѣсколько воспитателей. Одинъ изъ нихъ, недавно назначенный, конно-артиллеристъ фонъ-Драншемъ, очень видный брюнетъ, съ лихо расправленными бакенбардами, съ капитанскими, несмотря на поручичій чинъ, эполетами и также съ высокими воротничками и толстой часовой цѣпочкой.

Драншемъ ходилъ, какъ-то по-балетному развертывая носки. Кадетамъ нравилась эта походка, нравилась его бравая фигура, и ему подражали. Старались такъ же, какъ онъ, откидывать назадъ голову, такъ же держать правую руку между второй и третьей пуговицей мундира, такъ же по-балетному ходить и отстукивать каблуками въ мазуркѣ.

Мы собираемся въ институтской пріемной и по пріѣздѣ директора поднимаемся вверхъ. Кадеты первые гости. Лѣстница убрана цвѣтами, пахнетъ духами, сверху слышится, какъ воспитанницъ сдержанными окриками гоняютъ въ залъ, не даютъ взглянуть на поднимающуюся вереницу кавалеровъ.

Сѣдой директоръ и воспитатели безстрашно двигаются впередъ, а у нѣкоторыхъ кадетъ отъ непривычной обстановки и предстоящихъ танцевъ съ «дамами» душа въ пятки уходитъ. Они обдергиваются, стараются взглянуть въ зеркало, взбить волоса на вискахъ и выровнять проборъ.

На верхней площадкѣ насъ встрѣчаетъ велича-

вая начальница и окидываетъ всѣхъ зоркимъ испытующимъ взглядомъ. Мы неловко кланяемся и не зная, куда дѣть руки, толчемся въ коридорѣ, а изъ дверей залы на насъ съ любопытствомъ уставились оживленныя личики воспитанницъ. Сборный оркестръ, составленный изъ двадцати еврейчиковъ, настраиваетъ свои инструменты. Мѣсто дирижера занимаетъ нашъ регентъ и учитель музыки. Пріятно видѣть знакомое лицо, и мы, чуть не всѣ, обращаемся къ нему съ различными вопросами.

Приглашенные мало по малу собираются. Оркестръ сыгралъ польскій и перешелъ на вальсъ. Начальство вошло въ залу, институтки разсѣлись по стѣнамъ въ ожиданіи блаженнаго момента. Громадный залъ съ вылощеннымъ, какъ зеркало, поломъ пугаетъ кадетъ, столпившихся у двери и нервно натягивающихъ давно уже надѣтыя перчатки. Воспитатели ободряютъ танцоровъ. Долѣе ждать нельзя, и вотъ два болѣе храбрые, сбивая по дорогѣ другъ друга, подходятъ къ ближайшимъ воспитанницамъ, заранѣе уже съ блаженными улыбками приподнявшимся навстрѣчу кавалерамъ. Понеслись первыя двѣ пары, а за ними черезъ минуту по залѣ завертѣлись десятки кадетъ и институтокъ. Появилось нѣсколько фраковъ, офицерскихъ мундировъ и шлейфовъ. Капельмейстеръ неустанно машетъ рукой, еврейскія скрипки зали-

ваются и всхлипываютъ, контрбасъ мѣрно гудитъ, а пары все носятся и носятся по залу...

Танцуютъ еще и въ трехъ классныхъ комнатахъ, откуда вынесена вся мебель. Здѣсь прыгаютъ воспитанницы младшихъ классовъ и тѣ изъ кадетъ, кому страшно идти въ большую залу. Музыка сюда плохо долетаетъ, но это не мѣшаетъ оживленію.

Лакеи разносятъ конфеты и фрукты, но держатъ подносы или высоко или такъ стремительно проходятъ, что полакомиться можетъ лишь особо настойчивый кадетъ.

Передъ кадрилью я встрѣтился въ коридорѣ съ сіяющей Лидой; она была въ бѣломъ платьѣ, убранномъ цвѣтами. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ она показалась положительной красавицей и недосягаемой. Первая кадриль заранѣе была мнѣ обѣщана. Послышался ритурнель. Лида оперлась на мою руку, и я, не слыша подъ собою ногъ, горделиво вошелъ въ залу. Визави мой, однако, не являлся; вѣроятно струсилъ и забился въ одну изъ классныхъ комнатъ. Меня это нисколько не огорчало, и я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы кадриль на бесѣду tête-a-tête въ коридорѣ; но моя дама была не того мнѣнія и приказывала мнѣ розыскать визави. Фонъ-Драншемъ, стоявшій недалеко и присматривавшійся къ Лидѣ, услышалъ, въ чемъ дѣло, приказалъ мнѣ представить его ей и предложилъ свои услуги въ качествѣ визави.

По мѣрѣ того, какъ одна фигура смѣнялась другою, я чувствовалъ, что Лида уходила отъ меня все дальше и дальше... Она не спускала глазъ съ ловкаго конно-артиллериста, который позванивая шпорами, молодцовато продѣлывалъ балансе и шены.

На моихъ глазахъ, въ теченіе четверти часа деревенская, беззаботная барышня безъ боя сдалась и впорхнула въ клѣтку на всю жизнь.

Ревность клокотала въ моей груди, а поручикъ торжествовалъ, и я слышалъ какъ ему обѣщали и вторую кадриль, и мазурку.

Какая неблагодарность! Я же ее самъ сюда пригласилъ, а теперь казнись. И виной, думалось мнѣ, визави Юневичъ. Какое онъ имѣлъ право не явиться въ залъ!!.

Оркестръ гремѣлъ вновь кадриль. Замѣтивъ, что Лида оживленно бесѣдовала съ фонъ-Драншемомъ, я не могъ оставаться въ залѣ и пошелъ искать Юневича, собираясь съ яростью обрушиться на него. Онъ дѣйствительно укрылся въ послѣднюю комнату, но не одинъ, а съ прехорошенькой съ пепельно вьющимися волосами институткой Задонской. Она конфузливо слушала его, а онъ съ увлеченіемъ доказывалъ ей что-то.—Такъ вотъ что заставило его уклониться отъ визави! Я подошелъ ближе и услышалъ, что онъ расписывалъ ей прелести нашего корпуснаго стола. Юневичъ съ одушевленіемъ перечислялъ наши блюда, а барышня краснѣла.

— Я бы очень хотѣла попробовать кадетскихъ блюдъ, — послышался мнѣ робкій голосъ институтки.

— Завтра же пришлю вамъ цѣлую корзину нашихъ пироговъ.

— Что вы, что вы!? Развѣ это можно!!

— Да ужъ пришлю. Скажу, что... Ну, тамъ выдумаю что нибудь.

— Откуда же вы возьмете пироги?

Откуда??. Господи, да для васъ весь корпусъ отдастъ всѣ свои порціи.

— Какой вы, право, смѣшной... А знаете, сюда навѣрное прійдетъ Анна Карловна и разбранитъ меня, отчего я не танцую, а разговариваю здѣсь съ вами.

— Неужели вы такъ боитесь выговора, а я-то думалъ...

— Что вы думали? Скажите скорѣй!.. Только не громко.

Но отвѣтъ мнѣ не удалось услышать: въ эту же комнату, вѣроятно, въ поискахъ за уединеніемъ, вошелъ Драншемъ подъ руку съ Лидой. Я не успѣлъ совладать съ собою, кровь бросилась въ голову, и я хотѣлъ незамѣтно проскользнуть въ коридоръ, но Лида меня запримѣтила, подозвала къ себѣ и попросила разыскать внизу ея человѣка и принести ей sortie de bal.

— У васъ теперь есть кавалеръ, пошлите его,— буркнулъ я грубую фразу и не помня себя бросился

вонъ. Мнѣ послышался противный смѣхъ Драншема, а соболѣзнующій голосъ Лиды звучалъ: бѣдный мальчикъ!

— Мальчикъ, бѣдный мальчикъ! да мнѣ уже скоро пятнадцать лѣтъ! — хотѣлось мнѣ крикнуть въ сторону Лиды.

Уѣхать изъ института ранѣе окончанія бала было нельзя, и я казнился до конца. Мнѣ, впрочемъ, доставляло даже удовольствіе, сложивши руки на груди, съ презрѣніемъ поглядывать на носившуюся въ бѣшеной мазуркѣ пару. Къ сожалѣнію, они, нѣмецъ и коварная, меня не замѣчали; но толстякъ Андрей Ивановичъ, за женой котораго, какъ кадетамъ было извѣстно, ухаживалъ Драншемъ, видимо понялъ мое положеніе, участливо потрепалъ меня по плечу и сунулъ въ руку апельсинъ.

Такъ недавно все вокругъ казалось мнѣ хорошимъ и добрымъ, а теперь сердце щемило и хотѣлось плакать, плакать слезами обиды...

Изъ института мы возвращались на какихъ-то громадныхъ розвальняхъ. Холодный воздухъ освѣжилъ, подбодрилъ меня, и въ корпусъ я вошелъ значительно успокоенный. Зато мой сосѣдъ, имѣвшій непріятную привычку и въ обыкновенное, мирное время, толковать въ слухъ во снѣ, въ эту ночь особенно разошелся и то и дѣло какъ то восторженно выкрикивалъ; дежурный дядька будилъ его, онъ переворачивался на другой бокъ, шамкалъ губами, успокаивался на время, а потомъ опять несъ околесину.

Кадетское ухо привыкло не только къ ночнымъ разговорамъ и крикамъ, но и барабанный бой по утрамъ не безпокоилъ многихъ, въ особенности послѣ бала, и воспитателю приходится самому тормошить нѣкоторыхъ беззаботныхъ. Когда Андрей Ивановичъ сдернулъ одѣяло съ Юневича, то у него съ постели упала роза.

— Ахъ, разбойникъ, вотъ онъ отчего вставать не хочетъ, спитъ съ розой!

Грузный, добрѣйшій Андрей Ивановичъ, довольный своимъ каламбуромъ, смѣясь подошелъ ко мнѣ и забасилъ:

— Что, братъ, отбили даму! Но запнулся, покраснѣлъ, разсердился и во всю глотку крикнулъ:

— Вставать,—инсти-тут-ки! Моментально! не то запишу въ журналъ.

За уроками по кадетскимъ рукамъ заходилъ листокъ съ акростихомъ, написаннымъ Юневичемъ въ честь Задонской. Начиналось такъ: «Золотыя кудри, аленькія щечки». Конфетное стихотвореніе всѣмъ намъ понравилось. Строгій учитель математики, невозмутимый полковникъ Ширко, преподававшій также и въ институтѣ, перехватилъ листикъ, прочелъ, улыбнулся и, замѣтивъ, по вспыхнувшему лицу Юневича, кто авторъ, обратился къ нему:

— Юневичъ, не точно выражаетесь, у Задонской не золотые, а пепельные волосы. По математикѣ она слаба, очень слаба. Жаль, очень жаль!

Ширко вновь началъ читать акростихъ и, какъ намъ показалось, съ особеннымъ чувствомъ, при чемъ отбивалъ тактъ рукой, но, не окончивъ сонетъ, нечаянно ткнулъ пальцемъ въ чернильницу, врѣзанную въ столъ, и этимъ, конечно, произвелъ неожиданный эффектъ. Кадеты, привыкшіе видѣть Ширко неразговорчивымъ, требовательнымъ, педантически чистымъ, «его мѣлъ даже не маралъ», и вдругъ! Ширко декламируетъ кадетскіе стихи и обмакиваетъ въ чернила пальцы. Многіе засмѣялись. Учитель вспыхнулъ.

— Юневичъ! Къ доскѣ!

И Ширко, ничего не задавъ вызванному, заходилъ по классу. Все примолкло и ждало грозы. Юневичъ дрожалъ, такъ какъ приготовленія къ балу и, наконецъ, самый балъ отдалили его отъ математики, къ которой онъ никогда склонности особой не имѣлъ. Наконецъ Ширко взглянулъ на оробѣвшаго кадета, нервно разворачивающаго на мѣлкѣ бумажку, и остановился передъ нимъ. Лицо учителя постепенно просвѣтлялось непривычной для насъ доброй улыбкой. — Что, господинъ влюбленный, не до математики теперь? Ну, садитесь и готовьтесь къ слѣдующему разу.

За завтракомъ большинство кадетъ нашего отдѣленія отдали Юневичу свое единственное блюдо, длинные порціонные пироги, начиненные жилисто-хрящеватымъ фаршемъ. Въ складчину была куплена корзинка апельсинъ, и на днѣ ея уложены пироги

и акростихъ. Влюбленному удалось таки доставить обѣщанное и получить изъ института спустя нѣсколько дней, черезъ родственника Задонской, кадета, пирожное-безэ.

Когда мы пошли въ корпусный садъ на гулянье, то я занялъ свой обычный наблюдательный постъ, откуда была видна самая лучшая городская улица, по которой передъ завтракомъ ежедневно гуляла Лида. На этотъ разъ она тоже появилась, но не съ одной гувернанткой, а еще съ кавалеромъ — Драншемомъ.

— Господа, смотрите, Дранчикъ ухаживаетъ за какой-то хорошенькой брюнеткой.

— А она ему дѣлаетъ глазки, честное слово, кокетничаетъ съ нимъ.

Мнѣ было и больно и стыдно, и злость кипѣла къ офицеру. Страстно хотѣлось заявить о себѣ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ образомъ. Мнѣ чудилось, будто на Лиду налетаетъ карета, я бросаюсь подъ лошадей, задерживаю ее своимъ тѣломъ и окровавленный, умирающій, но съ презрительной улыбкой говорю: «можете теперь спокойно продолжать веселую прогулку съ труслывымъ, самозваннымъ капитаномъ».

Лида, подойдя поближе, весело кивнула головой; а я не могъ убѣжать, не могъ отвернуться отъ Дранше-ма, а долженъ былъ вытянуться и отдать ему честь. Хорошо еще, что онъ былъ офицеромъ въ другомъ «возрастѣ» и, слѣдовательно, рѣдко попадался мнѣ

на глаза. Сонимскій, знавшій мои сердечныя тайны, взялъ меня подъ руку и тихо началъ «продолженіе слѣдующаго номера». Я постепенно заинтересовался перипетіями лордовъ и лэди и рисовалъ себя героемъ романа: рыцаремъ, выѣзжающимъ на турниръ, закованнымъ въ черныя латы, съ опущеннымъ забраломъ, съ грозно-нависшимъ копьемъ. Затрубили трубы, загремѣли литавры — но это не рыцарскіе фанфары, то трубитъ горнистъ, созывая кадетъ въ строй. Нужно покидать садъ, идти опять въ классы.

Въ институтѣ или на гуляньѣ я простудился и долженъ былъ отправиться въ лазаретъ, гдѣ меня ласково встрѣтили старые знакомые, фельдшеръ Пѣтуховъ и дядька Платовъ. Вскорѣ я узналъ, что Драншемъ послѣ Рождества женится на Лидѣ и откомандировывается отъ корпуса. Лиду я больше не видѣлъ: она скоро уѣхала съ матерью въ Москву дѣлать приданое, а затѣмъ вѣнчалась въ деревнѣ.

Прошелъ еще годъ, я уже перешелъ въ выпускной классъ и, какъ многіе изъ товарищей, къ этому времени сильно вытянулся и принялъ видъ юноши. Въ классѣ уже слышались не дѣтскіе голоса, а нѣкоторые совсѣмъ-таки басили. Составъ воспитанниковъ измѣнился значительно. Начальство рѣшило соединить два небольшія порознь отдѣленія въ одно. Съ прибавкой сюда оставшихся на другой годъ въ классѣ, общество вышло пестрое и не спѣвшееся.Воспитатель приходилъ въ отчаяніе и почти

каждый вечеръ журилъ классъ и рисовалъ намъ въ будущемъ невеселыя картины.

Вѣяніе начала 60-хъ годовъ проникало и въ корпусные дортуары, которые, казалось, были такъ плотно закрыты для всякаго рода внѣшнихъ вліяній.

Хорошія идейныя стремленія того времени общественной массой были плохо переварены и главнымъ образомъ повліяли на столь свойственное славянской натурѣ отрицательное отношеніе къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, традиціямъ и прежнимъ авторитетамъ. Эти вѣянія далеко не на всѣхъ подѣйствовали освѣжающе, на многихъ и многихъ они произвели дѣйствіе пыльнаго урагана. Какъ черезъ незамѣтныя щели дорожнаго сундука проникаетъ въ него шоссейная пыль и грязнитъ платье, такъ и нравственная пыль пробиралась въ закрытое заведеніе...

Во время отпуска кадеты такъ же, какъ и воспитанники другихъ заведеній, нерѣдко наталкивались на проповѣдниковъ новыхъ началъ, читали безъ разбору ходкія по тому времени сочиненія и, не переваривъ этой пищи, сбивались съ дороги. Впрочемъ, можно было и не выходя изъ заведенія поучаться новому слову.

Въ классѣ былъ приходящимъ сынъ корпуснаго учителя французкаго языка. Онъ былъ главнѣйшимъ провозвѣстникомъ нигилистическихъ теорій. Конечно, большинство воспитанниковъ отнеслось если не враждебно, то безъ всякаго интереса

къ поученіямъ несимпатичнаго молодого француза, но нашлись и такіе, которые живо восприняли его слова и вскорѣ въ крайностяхъ перещеголяли своего учителя, образовали кружокъ «заговорщиковъ».

Овцынъ и Марофонъ были славные ребята и способные ученики. Послѣ перехода въ «заговорщики»,Овцынъ, способнѣйшій математикъ, бросилъ заниматься науками и весь ушелъ въ чтеніе приносимыхъ ему книгъ. Всѣ трое они рѣшились по окончаніи корпусныхъ экзаменовъ бросить военную службу и поступить въ одинъ изъ техническихъ институтовъ.

«Заговорщики» подтрунивали надъ прилежными и «паиньками».

Грустно вспомнить о томъ, что разныя непростительныя выходки кружка заговорщиковъ противъ религіи и начальства не встрѣчали явнаго, гласнаго отпора отъ товарищей. Общее теченіе незамѣтно уносило большинство семнадцатилѣтнихъ юношей и дѣлало ихъ нечувствительными къ подобнымъ дурнымъ проявленіямъ.

Воспитатель, подполковникъ Слезковъ, старый кадетъ, пользовавшійся прежде общимъ уваженіемъ за ровный характеръ и справедливость, подвергся, заглазно, конечно, особому вышучиванію «заговорщиковъ» и постепенно въ глазахъ класса изъ достойнѣйшаго человѣка обратился въ глупаго ретрограда, отъявленнаго бурбона и надоѣдливаго, шипящаго «гусака».

Слезковъ чувствовалъ, что творится нѣчто нелад-ное, хотя врядъ ли зналъ дѣйствительное состояніе умовъ своихъ воспитанниковъ. Не проходило ве-чера, чтобы онъ, старательно заперевъ въ кори-доръ дверь, не читалъ безхитростныхъ наставленій.

Въ послѣднемъ классѣ многіе изъ кадетъ съ особеннымъ стараніемъ занимались математикой, этимъ излюбленнымъ въ корпусѣ предметомъ. Пре-подаватель, литвинъ Ширко, благодаря своимъ по-знаніямъ, отличному изложенію и удивительной на-ходчивости въ рѣшеніи задачъ, выросъ въ нашихъ глазахъ. Въ корпусъ начали проникать толки о ис-ключительныхъ выгодахъ инженерной службы, и среди семнадцатилѣтнихъ юношей находились та-кіе, у которыхъ уже начали роиться мысли о зем-ныхъ благахъ желѣзнодорожныхъ строителей. Два кадета объявили о своемъ желаніи поступить въ институтъ инженеровъ путей сообщенія.

Наше поклоненіе передъ математикой не остано-вило естественнаго влеченія къ русской литерату-рѣ. Новый преподаватель, Шершовъ, привлекалъ насъ все болѣе и болѣе своею задушевностью и страстною любовію къ дѣлу. Шершовъ пріѣхалъ изъ Петербурга, надѣясь на югѣ поправить свое плохое здоровье.

Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ Шершовъ не ставилъ, а лишь помѣчалъ на тетради; «жаль вос-питанника, лишающаго себя возможности насла-ждаться художественнымъ произведеніемъ».

Однажды передъ Рождествомъ Шершовъ принесъ наши сочиненія на тему: «О психической дѣятельности человѣка» безъ всякихъ отмѣтокъ. Его засыпали по этому поводу вопросами.

— Мнѣ не слѣдовало давать вамъ эту работу, вы еще... слишкомъ молоды. Я самъ виноватъ, что не взвѣсилъ вашихъ силъ.

Эти робко произнесенныя слова подѣйствовали на насъ, какъ удары плетью.

— Николай Николаевичъ, — заявилъ кто-то, — позвольте мнѣ еще разъ на эту тему написать.

— И мнѣ, и мнѣ! — послышались съ разныхъ скамеекъ голоса.

Шершовъ объявилъ, что первая письменная работа послѣ праздниковъ будетъ на произвольную тему.

Многимъ захотѣлось доставить удовольствіе добрѣйшему Николаю Николаевичу, и потому засѣли съ большимъ усердіемъ за необязательную работу. Большинству пособіемъ служило находившееся у насъ подъ руками сочиненіе Ушинскаго.

Не знаю, насколько откровененъ былъ Шершовъ, но въ слѣдующій разъ онъ принесъ тетради съ довольной улыбкой и благосклонными отмѣтками.

Шершовъ часто прихварывалъ, но старался все-таки не пропускать лекцій; однако, подъ конецъ курса, онъ слегъ въ постель, и мы, безпокоясь о здоровьѣ учителя, выбрали депутацію, которая отправилась въ воскресенье провѣдать его. Какъ онъ

былъ намъ радъ! Въ то же время онъ видимо конфузился неприглядности своего крошечнаго помѣщенія, которое онъ занималъ съ своей, также болѣзненной, женой. По странной случайности, Шершовъ помѣщался въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ квартиры Антоненки; остальныя комнаты были въ распоряженіи Николая Ѳедоровича, не появлявшагося, по обыкновенію, ко мнѣ ни разу съ самой осени. Я отправился въ другую половину квартиры, и черезъ четверть часа были отставлены шкапы, отперта соединительная дверь, и мы вкатили въ просторную столовую — кресло сконфуженнаго учителя. Вмѣсто пыльной, узкой улицы, передъ глазами зеленѣлъ садъ, и изъ цвѣтника вѣяло ароматомъ только-что высаженныхъ въ грунтъ цвѣтовъ. Шершовъ съ наслажденіемъ вдохнулъ чистый воздухъ и съ оживленіемъ заговорилъ о предстоящихъ каникулахъ, о томъ, какъ онъ, въ деревнѣ наберется силъ, возьметъ въ будущемъ учебномъ году больше уроковъ, найметъ отдѣльный домикъ и заведетъ корову для своей бѣдной, больной Меланьи Ивановны; а она, слушая эти слова, рыдала въ другой комнатѣ:

— Не поправиться ему, моему голубчику!

И грустно, и тяжело было видѣть изсохшаго больного преподавателя, а въ головѣ вертѣлась скверная, эгоистичная мысль: кто-то будетъ экзаменовать, вмѣсто него, по русскому языку?

Наконецъ наступили и выпускные экзамены,—

окончаніе курса средняго учебнаго заведенія. Корпусный садъ опять манилъ къ себѣ своей роскошной зеленью, опять нервное возбужденіе и упадокъ силъ. Но труднѣйшіе экзамены сданы, остаются болѣе легкіе, забота отлетѣла, и на меня нахлынуло новое чувство: сердце болѣзненно сжпмалось при мысли о скоромъ разставаніи навсегда съ корпусомъ и большинствомъ товарищей. Чувствуя близкую разлуку, всѣ особенно дружно держались, только два «заговорщика» бродили попрежнему въ сторонѣ.

Вотъ незамѣтно подползъ и послѣдній день, день разставанія. Послѣ каникулъ всѣ должны были возвращаться въ корпусъ и оттуда уже, съ воспитателемъ, ѣхать въ Петербургъ въ военныя училища; я же получилъ болѣе продолжительный отпускъ и теперь же долженъ былъ проститься со всѣми. Тяжело было бросать заведеніе, въ которомъ провелъ семь лѣтъ...

Уѣзжая изъ N, я долго еще оборачивался назадъ и съ любовью взглядывалъ на царившій надъ всѣмъ городомъ корпусный куполъ. Почтовая тройка, однако, уносила все дальше и дальше. Скрылся изъ глазъ городъ, скрылся и корпусъ...